

Международный научно-практический
правовой журнал
„ЗАКОН И ЖИЗНЬ”

Издание аккредитовано Высшим советом
по науке и технологическому развитию
АН Молдовы.

Решение №61 от 30.04.09

Категория «С»

ISSN 1810-3081

Учредитель: Министерство
юстиции Республики Молдова

Соучредители:

Конституционный суд, Высшая судебная палата,
Министерство внутренних дел, Институт юриди-
ческих и политехнических исследований АН РМ,
Академия МВД «Штефан чел Маре», Славянский
университет, Институт прикладной криминологии
и уголовного права, Балтийская Международная
Академия, НИИ прав человека НАН Азербайджана,
Запорожский национальный университет.

Издается с января 1991 г.

№ 10 (273) 2014 г.

Главный редактор
Л. АРСЕНЕ

Редакционная коллегия

Намик Гасан оглу Алиев, доктор хабилитат
права, профессор (Баку), В. Бужор, доктор права,
А. Буриан, доктор хабилитат права, М. Георгицэ,
доктор хабилитат права, профессор, В. Гуцуляк,
доктор права, профессор, Е. Ищенко, доктор
юридических наук, профессор (Москва), И. Кайряк,
доктор права, Н. Карпов, доктор юридических наук,
профессор (Киев), Г. Костаки, доктор хабилитат
права, профессор, Т. Коломоец, доктор юридических
наук, профессор, заслуженный юрист Украины,
(Запорожье), А. Лончаков, доктор юридических
наук, профессор (Хабаровск), В. Наумов, зам.
главного редактора, Б. Сосна, доктор права, и.о.
профессора, В. Флоря, доктор права, Е. Харитонов,
доктор юридических наук, профессор, член кор.
НАПрН Украины, Заслуженный деятель науки и
техники Украины (Одесса), В. Шепитько, доктор
юридических наук, профессор, академик НАПН
Украины (Харьков).

Адрес редакции:

2012. Кишинэу, ул. Пушкина, 22

Дом печати,

телефон для справок: 373 22 23 37 90.

© Перепечатка материалов только с разрешения
издателя

E-mail: legea_zakon@mail.ru

web страницы: www.legeazakon.md

www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

Г. КОСТАКИ. Основные права человека и субъективные права личности	4
В. ПРОЦЕНКО. Комерційне посередництво: повноваження та функції агента.....	9
А. БОРШЕВСКИЙ, Б. СОСНА. Внедрение судебных уставов Александра II: бессарабская специфика и этнополитические аспекты	15
А.СОСНА, И. АРСЕНИ. Защита прав потребителей при перевозке пассажиров автомобильным транспортом	24
В. МАЗУР. Теоретико-правовые основы осуществления хозяйственной деятельности в сфере предоставления образовательных услуг в условиях инновационного развития Украины.....	31
N. TERZI. Efectele negative ale mass-mediiei....	37
C. PISARENCO. Probleme procesuale privind valorificarea criminalistică a microobiectelor.....	42
К. СИЧИНСКИЙ. Порядок определения и выплаты страхового возмещения в договорах по автострахованию	46
В. ФЛОРЯ. РЕЦЕНЗИЯ. Владимир (Николаевич Кудрявцев Избранные труды по социальным наукам в 3-х томах. - М.: Наука, 2002.	57

Компьютерный набор. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная

Усл. п.л. 11,75. Тираж 350.

Подписано в печать 3.10.2014.

Отпечатано SRL „Cetatea de Sus”, г. Кишинэу

ОСНОВНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ

Георге КОСТАКИ,
доктор хабилитат права, профессор

SUMMARY

The paper investigates the problem of relations between the fundamental human rights and subjective rights of the individual. It is proposed different aspects of this process as they are determined by the researchers.

Keywords: fundamental rights and freedoms of the individual, subjective rights of individuals.

РЕЗЮМЕ

В статье исследуется проблема соотношения основных прав человека и субъективных прав личности. Предлагается всестороннее видение исследователями различных аспектов в процессе определения данных понятий.

Ключевые слова: основные права и свободы человека, субъективные права личности, отраслевые права.

Введение. В различные эпохи проблема прав и свобод человека занимала лучшие умы человечества. Тысячелетия понадобились для того, чтобы люди начали постепенно, сначала интуитивно, а затем все более осознано, понимать смысл и роль права в их жизни. За время существования и развития общества человечество достигло огромных успехов. От каменного топора, мотыги и глиняных таблиц до новейших цифровых технологий, глобальной сети «Интернет». Но, пожалуй, одним из главных достижений человечества следует признать институт прав и свобод человека [17, с. 158].

Многообразие подходов к пониманию прав и свобод среди современных исследователей, изучающих данный феномен, свидетельствуют о том, что нельзя с полной уверенностью говорить о наличии общепринятой универсальной интерпретации этих категорий. Однако неоспоримо существование общепризнанных положений, относящихся к правам и свободам человека как к универсальному социальному институту.

Целью данной статьи является исследование проблемы соотношения основных прав человека и субъективных прав личности. Предлагается всестороннее видение исследователями различных аспектов в процессе определения данных понятий.

Изложение основного материала. В основном права человека определены как средство

достижения индивидом основных материальных, духовных благ, реализации своих потребностей, талантов. В них выражаются важнейшие общечеловеческие ценности, какими должен пользоваться каждый, кем он ни был и где бы ни проживал, независимо от, пола, расы, национальности и т.п. [1, с. 46]

В юридической литературе подчеркивается, что важнейшее благо человека – его права и свободы. Однако они не являются только его личным делом: права и свободы гражданина устанавливаются обществом и государством. Одни из них закрепляются в нормах морали, правилах общежития, другие – в правовых актах. Таким образом права и свободы человека не делают его независимым от общества. Социальное значение прав человека заключается в развитии нормаль-

ных связей и взаимоотношений между индивидами и социальными группами, между личностью и государством [8, с. 5].

Остановившись над соотношением между понятиями «права» и «свободы», следует отметить, что в научной теории этот вопрос трактуется по разному.

Древняя мудрость гласит «Свобода – это внутреннее состояние человека, независимое от внешних обстоятельств». Думается, свобода – это внутреннее волеизъявление человека, пределы которого установлены правом или правовым законом.

С философской точки зрения, свобода – это осознанная человеком необходимость, основанная на знании и соблюдении объективных законов развития природы, общества и самого человека. Данное определение исходит из того, что нет абсолютной свободы, свобода всегда относительна. Другими словами, там где начинается абсолютная свобода, там кончается свобода других [6, с. 44].

Автор Л.И. Глухарева видит «суть прав в свободе». По ее мнению именно поэтому фундаментальными ценностями общества являются не только права, но и свободы человека и гражданина [4, с. 23].

Идея свободы как социальной ценности ярко заявила о себе в

эпоху Возрождения, когда человечество начало снимать с себя религиозные оковы.

Множество мыслителей того времени, в частности, Дж. Локк, Т. Гоббс, Б. Спиноза, а затем Г. Гегель, И. Кант, К. Маркс, Ф. Энгельс и другие, выражая и предвосхищая тенденции общественного развития, неизменно придавали свободе значение своеобразной путеводной звезды [13, с. 69].

Уделяемое повышенное внимание свободе можно объяснить тем, что в оси взаимоотношения «мир-человек», акцент стал смещаться в сторону человека, который все больше осознавал себя как личность, а личность, как верно подмечает А.И. Козулин, «не может существовать без свободы» [7, с. 146].

По мнению Д.О. Сытникова [17, с. 159], понятие «право» не мыслится без связи с понятием «свобода». В то же время и Ф.М. Рудинский определяет права человека как меру его свободы, «неотъемлемые свойства личности, зафиксированные в нормах международного и государственного права» [14, с. 30]. В свое время В.С. Соловьев сделал вывод, что свобода есть необходимое содержание любого права. Отмените свободу, и право становится своею противоположностью, т.е. насилием [16, с. 154].

В том, что касается сходства между понятиями «права» и «свободы», по мнению Л. Д. Воеводина, она заключается в том, что «и то, и другое определяется через возможность. И в первом, и во втором случае говорится о возможности избрать тот или иной вид поведения, пользоваться предусмотренными конституцией социальными благами» [2, с. 134].

Юридически обе правовые дефиниции равноценны и взаимозаменяемы. Категория «свобода» используется для определе-

ния прав человека и гражданина в области духовной, творческой деятельности и личной неприкосновенности [15, с. 174].

Понятия «права» и «свободы» в отдельных случаях используется как синонимы, однако чаще всего под свободой подразумевают более широкие возможности индивидуального выбора, но без конкретизации того или иного права и указания на результат осуществления [20, с. 6]. Свободами также называют политические или иные фундаментальные права.

Авторы В. С. Несерянец и Е. А. Лукашева [11, с. 133; 12, с. 336] рассматривают права и свободы как явления близкие, но не совпадающие. Термин «свобода» призван подчеркнуть более широкие возможности индивидуального выбора, не очерчивая конкретного результата, он используется для обозначения правомочий субъекта на конкретно определенное действие и поведение. Хотя в понятийно-правовом смысле эти термины равнозначны их различие в терминологии является скорее традиционным.

В юридической литературе очень часто используются такие категории как «субъективные права», «основные права» и «права человека». Очевидно, что эти понятия близкие, иногда заменяющие друг друга, но как отмечает Л. И. Глухарева, они все-таки по своему смысловому содержанию и научному предназначению разные [5, с. 50].

Соотношение субъективных прав и прав человека. Права человека не существуют без субъекта. Субъектом, в данном случае, выступает индивид, а право приобретает характер субъективного. Под последним понимается потенциал и мера его (индивида) свободы в обществе и государстве, грани возможного поведения, очерченные пра-

вовыми и другими социальными нормами [1, с. 45-46].

По мнению Н.И. Матузова, субъективное право должно включать четыре возможности субъекта [10, с. 26; 9, с. 82]:

- 1) вести себя определенным образом;
- 2) требовать соответствующего поведения от других лиц;
- 3) пользоваться определенным социальным благом;
- 4) прибегнуть в необходимых случаях к мерам государственного принуждения.

Другими словами, субъективное право рассматривается, по его мнению, одновременно как: право – поведение, право – требование, право – притязание и право – пользование.

Субъективные права представляют собой широкое, собирательное понятие, которое охватывает, помимо прав человека, все виды прав личности: права человека и гражданина, конституционные и отраслевые, основные и текущие, социально-экономические, культурные и личные, естественные и «благоприобретенные», находящиеся в общих и конкретных правоотношениях, индивидуальные и коллективные [9, с. 82].

В целом, в юридической литературе субъективные права рассматриваются как гарантируемые законом вид и мера возможного или дозволенного поведения лица [18, с. 525].

В отличие от этого определения, Л.И. Глухарева [5, с. 51] считает, что субъективные права – специальная юридическая категория, которая выражает формально закрепленные, т.е. прошедшие надлежащую право-творческую процедуру и потому гарантированные государством, полномочия физических и юридических лиц; эти полномочия открывают не потенциальные, а реальные (гарантированные) возможности действовать опре-

деленным образом и добиваться желаемых целей и благ. В тоже время, автор предполагает, что далеко не все субъективные права, которые как-то связаны, раскрывают, опосредуют и т.п. всевозможные блага и интересы личности, следует именовать или относить к правам человека. Не все субъективные права есть права человека. Соотношение между ними иное.

Права человека становятся субъективными правами, если они нормативно закрепляются в законах (официальном праве) государства, в этом случае они выступают частью огромной совокупности всех известных в различных отраслях права субъективных прав. Поэтому, отмечает автор, закономерно возникает необходимость выяснить, по каким критериям (показателям) права человека, выраженные как субъективные права, могут быть выделены (отделены) из всего массива субъективных прав. Соответственно, предполагается, что таких критериев несколько [5, с. 51-52].

Первый критерий – формальный. Он указывает, что права человека, получившие форму субъективных прав, закреплены, по сравнению с остальными субъективными правами, в *особых документах* – конституциях и международных документах. Благодаря этим документам можно составить представление об общем каталоге тех субъективных прав, которые официально именуются правами человека.

Второй (содержательный) критерий позволяет выделить из совокупности всех субъективных прав только те, которые стоят на страже *первооснов человеческого существования*, т. е. защищают первоосновы жизнедеятельности личности, снижение или преодоление порога которых влечет биологическое,

социальное или духовное уничтожение человека (в прямом и переносном смысле). Только те субъективные права, которые защищают эти первоосновы (нормальную жизнедеятельность, человеческое достоинство, сам факт бытия человека и т.д.), могут считаться правами человека. Следовательно, здесь права человека по форме являются субъективными правами, а по существу (содержанию) продолжают оставаться человеческими правами. Например, совершенно очевидна разница между правом на жилище и правом на получение кредита для покупки жилья, правом на труд и правом на заключение договора строительного подряда, свободой творчества и правом на свободную запись произведения, эфирного вещания.

Третий критерий акцентирует внимание на факте обладания субъективными правами *определенным кругом субъектов*. Как известно, субъективными правами обладают физические и юридические лица, отвечающие качествам правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. Правами же человека, в отличие от этого, наделен каждый, любой индивид. Например, носителями субъективных прав могут быть клиент, заказчик, страховщик, а прав человека – все люди, в том числе клиент, заказчик и страховщик. Правами человека обладают все люди, каждый представитель человечества, в отличие от субъективных прав, носителями которых признаются лишь физические и юридические лица.

Следующий, **четвертый** критерий свидетельствует о специфической черте прав человека – их несимметричном характере. Права человека не сбалансированы встречными правами, не уравниваются какими-либо правами противоположной сто-

роны, т. е. не основаны на принципе взаимности, как, например, субъективные права, в которых права и обязанности обеих сторон корреспондируют друг другу. Например, нет противоположных прав у государства или других лиц по отношению к праву человека на объединение или охрану здоровья, зато есть корреспондирующие права у арендодателя и арендатора, продавца и покупателя.

Пятый критерий подчеркивает, что возникновение и существование прав человека не связано с возникновением каких-либо *юридических фактов* (за исключением рождения самого человека, которое, с точки зрения позитивного права, может быть расценено как юридический факт). Например, право на жизнь, право на благоприятную окружающую среду, право на образование. Обретение же субъективных прав всегда поставлено в зависимость от тех или иных свойств и качеств лица, некоторых действий либо наступления определенных событий. Например, право кредитора требовать уплаты неустойки в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательства.

Шестой критерий указывает на вид правоотношений, в рамках которых реализуются права человека, получивших форму субъективных прав. Права человека существуют в рамках *общерегулятивных правоотношений*, в которых носителю данных прав противостоят обязанности неопределенного количества лиц. Например, каждый имеет право на жизнь, и все (в том числе государство) обязаны не совершать действий, направленных на ее уничтожение.

Субъективные же права возникают в рамках конкретных правоотношений, в которых правам и обязанностям одной сто-

роны соответствует строго определенным правам и обязанностям другой стороны. Например, по договору купли-продажи продавец обязуется передать определенную вещь (товар) в собственность покупателю, а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него некоторую денежную сумму.

Завершая, Л.И. Глухарева подчеркивает, что ни один из перечисленных выше критериев не обладает высокой степенью определенности для однозначного решения вопроса: как отграничить права человека, выраженные в форме субъективных прав, от иных субъективных прав?

Тем не менее, все вместе, в совокупности они все же помогают наметить границу между правами человека, выраженными как субъективные права, и остальными субъективными правами и создают возможность оперировать в юридической сфере правами человека в качестве самостоятельного института.

В то же время, подчеркивает автор [5, с. 55] целесообразно избегать именовании прав человека как субъективных прав, но не потому, что они не субъективны, а потому, что характер субъективности для них не основной, кроме того, он вносит неопределенность, размывает границы между этими категориями – правами человека и субъективными правами.

Права человека и основные права. Соотношение между указанными категориями становится понятным, особенно при сравнении их с понятием «отраслевые права». Права человека называют основными правами, когда хотят сопоставить права, зафиксированные в основополагающих международных или конституционных актах, с правами, получившими выражение в отраслевом законодательстве.

Однако, основными их именуют не потому, что они перечислены в основополагающих актах, а потому, что они защищают основы жизни и жизнедеятельности человека, первооснову его достойного существования.

Основные права опосредуют наиболее существенные, коренные отношения между государством и человеком, занимают особое место в важнейших областях жизни и деятельности индивида, общества и государства. Именно поэтому они фундаментальные, базовые, основные права, именно поэтому они закреплены, как правило, в документах высшей юридической значимости.

В связи с тем, что основные права закрепляются в нормах международного и конституционного уровня, их называют также (соответственно) международными стандартами и конституционными правами.

В теории конституционного права понятия «основные права» и «конституционные права» используются как идентичные. Однако очевидно, что основные права по своему объему (перечню прав) шире конституционных, и не только потому, что фиксируются также в международных документах. Они могут существовать в качестве неписаных, позитивно не зафиксированных прав.

Необходимо также заметить, что хотя рамки основных прав человека в целом сегодня юридически определены (в международных и конституционных стандартах), однако не существует препятствий для более широкого и детального их толкования. Такую стратегию, например, избрал для себя в своей деятельности Европейский суд по правам человека. Все это порождает возможность появления дополнительных основных прав, отражающих новые сторо-

ны и измерения уже признанных прав.

Следует обратить внимание, что права человека как основные права объединяют две группы разных по своей природе и происхождению прав. Одна из них может быть названа *защитными правами* (право на жизнь, запрет пыток, рабства и принудительного труда, свобода и личная неприкосновенность, право на уважение частной жизни, свобода вероисповедания, выражения мнения, объединений, заключения брака и т. д.). Защитные права являются непосредственно действующими, т.е. обладают механизмом прямого действия и не требуют для своей реализации принятия дополнительных законов. Обладая ими, индивид получает минимальные гарантии против всевластия государства, поскольку в этом случае государство устанавливает само для себя границы применения власти. Это означает, что защитные права действуют напрямую лишь в публичной сфере и только по отношению к государству [19, с. 32].

В отличие от них другая группа прав человека (основных прав) – социальные права (право на образование, защита от безработицы, защита материнства, детства, пожилых лиц и т.д.) – имеет иные характеристики. Поддерживая социальные права, государство обещает гражданам, что предоставит помощь и окажет некоторые услуги. Но поскольку помощь и услуги связаны с необходимостью просчитать и организовать деятельность по их реализации, большинство социальных прав, будучи основными, не могут быть квалифицированы в качестве прав прямого применения. Для своего претворения в жизнь они предполагают обращение к специальным законодательным актам (актам, специально при-

нимаемым для реализации социальных прав), а равно к специально создаваемым особым механизмам их осуществления.

Таким образом, основные права – это всегда права человека. Отраслевые же права таковыми считаются (за очень редким исключением) не могут. Отраслевые права – это не права человека, а субъективные права, обладающие всеми признаками позитивных (законодательных) норм.

По отношению к основным правам отраслевые права выполняют служебную функцию. Так, они [3, с. 130]:

- раскрывают, конкретизируют, толкуют содержание основных прав;
- определяют объем и масштабы их действия;
- являются средством (механизмом) реализации основных прав;
- могут выступать по отношению к ним в роли юридических гарантий и т. д.

Основные права нуждаются в конкретизации и развитии посредством текущего законодательства (отраслевых прав), в противном случае они рискуют остаться нереализованными. Отраслевые права – это важное «окружение» основных прав, так сказать, малые права, решающие сложнейшую задачу практической применимости основных прав (прав человека).

Однако, подчеркивая самостоятельность основных и отраслевых прав, все же не следует отрывать их друг от друга; в совокупности, вместе они воплощают идею человеческих прав и создают режим защищенности человека.

Выводы. Таким образом, анализ субъективных прав, основных прав и прав человека показывает как взаимосвязь, некоторое перекрещивание смыслов этих категорий, так и различия

в содержании, природе и выполняемых функциях. С учетом этого необходимо всегда правильно и к месту использовать каждое понятие, неукоснительно руководствуясь при этом правилом четкости научного юридического языка.

Литература

1. Бабай А. Н. *Права человека и гражданина*. / А. Н. Бабай, А. И. Колташов, С. В. Нарутто. Хабаровск, 2005.
2. Воеводин Л. Д. *Конституционные права и обязанности советских граждан*. Москва, 1972.
3. Воеводин Л. Д. *Юридический статус личности в России. Учебное пособие*. М., 1997.
4. Глухарева Л.И. *Права человека в современном мире*. Москва, 2003.
5. Глухарева Л.И. *Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия*. В: Вестник Российского государственного гуманитарного университета, 2009, №11.
6. Зиновьев А. В. *Права, свободы и обязанности человека и гражданина*. В: Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России, 2008, №4.
7. Козулин А. И. *Об источниках прав человека*. В: Государство и право, 1994, №2.
8. Лукашева Е. А. *Права человека: Учебное пособие для вузов*. Москва, 2000.
9. Матузов Н. И. *Актуальные проблемы теории права*. Саратов, 2003.
10. Матузов Н.И. *Теория и практика прав человека в России*. В: К 50-летию Всеобщей декларации прав человека. М., 1998.
11. *Права человека: Учебник для вузов*. Отв. ред. Е. А. Лукашева. Москва: НОРМА, 2002.
12. Нерсесянц В. С. *Общая теория права и государства: Учебник для вузов*. Москва, 2000.
13. Рассказов Л. П., Упоров И. В. *Философия права*, 2000, №2.
14. Рудинский Ф. М. *Механизм*

гарантий прав человека в современных условиях. В сб.: Права человека в условиях становления гражданского общества. Материалы международной научно-практической конференции (16-17 мая 1997). Курск, 1997.

15. Семенова А. Ю. *Современное понимание прав и свобод человека и гражданина*. В: Вестник Тюменского государственного университета, 2006, №1.

16. Соловьев В. С. *Критика отвлеченных начал*. Собр. соч. в 12 т. Т. 2. Брюссель, 1966.

17. Сытников Д.О. *Соотношение прав и свобод человека: от противопоставления к интеграции*. В: Власть и управление на Востоке России, 2008, №1.

18. *Теория государства и права. Курс лекций* / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Москва: 2005.

19. Экшттайн К. *Основные права и свободы. По российской Конституции и Европейской конвенции: Учебное пособие для вузов*. М., 2004.

20. Костаки Г., Чиобан Н. *Права и свободы человека – сущность и соотношение категорий* В: Закон и Жизнь, 2011, пг. 1.

КОМЕРЦІЙНЕ ПОСЕРЕДНИЦТВО: ПОВНОВАЖЕННЯ ТА ФУНКЦІЇ АГЕНТА

Володимир ПРОЦЕНКО,
кандидат юридичних наук, старший науковий співробітник
відділу проблем приватного права НДІ приватного права і підприємництва
імені академіка Ф.Г. Бурчака НАПрН України

SUMMARY

The article is devoted to the regulation of rights and obligations of one of the parties to the contract of commercial intermediary (agency relationship) - an agent on the comparative legal analysis of the legislation of Ukraine and the Republic of Moldova. The problems of the legal nature of the contract, the rights and obligations arising from the agent of contractual relations, proposals to improve the current legislation of Ukraine is made.

Keywords: commercial mediation, principal, agent, contract, rights and obligations, the execution of the contract.

АННОТАЦІЯ

Стаття посвячена регулюванню прав і обов'язностей одної із сторін договору комерційного посередництва (агентських отношений) – агента на прикладі порівняльного-правового аналізу законодавств України та Республіки Молдова. Розглянуті питання правової природи договору, прав і обов'язностей агента із виниклих договірних отношений, вносяться пропозиції по удосконаленню діючого законодавства України на основі, проведеного дослідження.

Ключевые слова: комерційне посередництво, принципал, агент, договір, права і обов'язності, виконання договірних отношений.

Перехід до сучасної моделі правового розвитку України вимагає належного законодавчого забезпечення приватного підприємництва, зокрема торговельного представництва й посередництва. Як склав прикладом вирішення цього питання є введення в законодавство України нових правових норм, а також форм договорів, що раніше не застосовувались на пострадянському правовому просторі. Одним з таких нововведень є відносини комерційного посередництва (агентування) та агентського договору.

Проте ґрунтовний аналіз наукових джерел з агентського договору показав, що, не дивлячись на важливість названої проблеми, питанню про права та обов'язки агента не приділено належної уваги.

значає поняття синалагматичного договору. Так, відповідно до ст. 704 ЦК РМ, договір визнається синалагматичним, якщо кожна із сторін взаємно зобов'язується таким чином, що обов'язок кожної з них є зустрічним стосовно обов'язку іншої сторони договору.

Застосування правил щодо синалагматичного договору до агентського договору дозволяє стверджувати, що при невиконанні або неналежному виконанні обов'язків однією із сторін договору, інша сторона має право відмовитися від виконання власних обов'язків у тій мірі, у якій сторона, яка не виконала свого зустрічного обов'язку, якщо інша сторона не зобов'язалася виконати обов'язок першою або обов'язок виконання не впливає із закону або суті зобов'язання (ч. 1 ст. 705 ЦК РМ).

Фігура агента є визначальною для встановлення правовідносин за агентським договором. Відповідно, не тільки його правове становище, але й обов'язки, що виникають у нього за агентським договором, слід вважати основними для оцінки встановлення,

Частково дослідження названої проблеми проводили В. Васильєва, О. Дзера, А. Довгерт, А. Дрішлюк, А. Дядюк, В. Кисіль, Р. Колосов, В. Луць, О. Полтавський, О. Трояновський, Н. Саніахметова, Я. Шевченко та інші [1].

Проте в своїх наукових працях вони розглядали відносини агентування в загальному плані оглядово, не приділяючи уваги питанням прав та обов'язків сторін агентського договору. Цивільно-правовий аналіз у порівняльному аспекті із регулювання названих

договорів в Україні з законодавствами інших країн не проводився. Цим і обумовлена актуальність даного дослідження.

Синалагматична природа агентського договору припускає, що кожна із сторін зобов'язання, яке виникло з такого договору, володіє і правами, і обов'язками. Причому, у взаємному зобов'язанні правам однієї сторони відповідають обов'язки іншої сторони.

На відміну від ЦК України, цивільне законодавство Республіки Молдова у своєму змісті чітко ви-

динаміки розвитку і припинення правовідносин за агентським договором. Іншими словами, агент за договором є основним боржником за договірним зобов'язанням, на нього покладається коло основних обов'язків, виконанню яких кореспондується зустрічний обов'язок принципала.

Визначальне значення для уточнення кола прав і обов'язків сторін агентського договору має характер відносин, що виникають залежно від безпосереднього змісту предмета договору. Відомо, що предмет агентського договору може обмежуватися фактичними діями агента, суть яких зводиться до сприяння укладенню договорів від імені принципала і за його рахунок [2, с. 50].

Однак найчастіше предмет договору припускає встановлення відносин прямого представництва, в межах яких на агента покладається обов'язок вчинення договорів та інших юридично значимих дій від імені і за рахунок принципала (п. 1 ст. 297 ГК України; ч. 1 ст. 1199 ЦК РМ). У першому випадку до агентського договору цілком можуть бути застосовані правила про посередницькі відносини, а в другому - до агентського договору. Відповідним чином можуть бути застосовні правила про представництво та договору доручення.

Знову ж таки, виходячи з визначення предмета договору, можна дійти висновку, що основним обов'язком агента є вчинення від імені і за рахунок принципала фактичних або юридичних дій. Фактичні дії, що вчиняються агентом у ході виконання договору, можуть бути різними, наприклад, ведення ділового листування з клієнтами, маркетингова та інша діяльність, спрямована на пошук об'єкта угоди, у сприянні укладення якої він приймає участь.

Агентові може бути доручено безпосереднє укладення договору від імені і за рахунок принципала. Основне обмеження для

вчинення таких договорів визначається природою агентського договору як комерційного договору. Це значить, що агентові не може доручатися укладення договорів або вчинення інших дій, врегульованих трудовим або податковим законодавством [3, с. 66].

Закон, як правило, не містить вичерпного переліку обов'язків комерційного агента, проте обумовлює, що агент повинен виконувати розумні вказівки принципала щодо виконання доручення. У необхідних випадках закон може конкретизувати дії, що складають зміст обов'язків комерційного агента, які він повинен вчиняти в інтересах принципала. Так, ч. 2 ст. 1200 ЦК РМ серед дій, що складають обов'язки агента, називається обов'язок агента з проведення перемов або участі в них і вжиття відповідних заходів, спрямованих на сумлінне виконання обов'язків агента. Іншим обов'язком, передбаченим законом, є обов'язок укласти, при необхідності, договори за вказівкою принципала. Саме в цьому випадку комерційний агент діє як представник (повірений) принципала.

Разом з тим, конкретизація дій, які виконуються агентом, може передбачатися нормами спеціального законодавства, що регулюють агентування в окремих сферах господарської (економічної) діяльності Республіки Молдова.

Так, при виконанні агентського договору агент зобов'язаний суворо дотримуватися вказівок принципала. Як правило такі вказівки конкретизуються в тексті договору. За допомогою вказівок принципала безпосередньо встановлюються межі свободи агента при виконанні договірної зобов'язання. У необхідних випадках агент сам повинен запропонувати принципалу дати вказівки, які необхідні для виконання договору з його боку.

За відсутності таких вказівок щодо умов і порядку виконання доручення агент повинен вияв-

ляти турботу, дбайливість і сумлінність щодо захисту інтересів принципала, властиву професіоналу. При цьому агент має керуватися прийнятими серед фахівців загальними уявленнями відносно інтересів принципала [4, с. 134].

Визначення ступеня дбайливості, властивого професіоналу, є питанням факту, що залежить від природи агентського договору і конкретних умов доручення. Загальним критерієм ступеня дбайливості може бути той ступінь дбайливості, що має бути властивий агентові, який професійно займається виконанням такого роду доручень [2, с. 52].

Іншими словами, якщо агент уповноважений на здійснення своєї звичайної професійної або комерційної діяльності, то при виконанні доручення він повинен вчиняти такі дії, які є звичайними для цього виду професійної чи комерційної діяльності, або пов'язані з виконанням такого роду обов'язків. Порушення цієї загальної вимоги до виконання обов'язку агентом може спричинити пред'явлення йому позовних вимог про відшкодування збитків, які можуть бути заподіяні принципалові внаслідок неналежного виконання договору агентом.

При укладенні агентського договору або в ході його виконання сторони повинні погодити ціну правочинів, які слід укласти агентові, терміни перерахування коштів між учасниками відносин, опосередковуваних агентським договором, про можливі і необхідні відступлення від покладених на агента обов'язків за агентським договором.

Слід наголосити на тому, що обов'язок агента виконувати вказівки принципала має свої межі законності і вимоги дотримання публічного порядку. Агент не може нести відповідальність перед принципалом, якщо він відмовиться від виконання протиправного, аморального доручення, а також доручення, що пору-

шує права та інтереси інших осіб, суперечить публічному порядку країни, в якій видано доручення, чи країни, де воно виконується [5, с. 55].

У ході виконання доручення комерційний агент зобов'язаний надавати принципалові всю необхідну інформацію, якою він володіє. Цей обов'язок є загальним для будь-якого агента: «агент зобов'язаний розкрити перед принципалом всю відому інформацію, яка розповсюджується на дії агента, пов'язані з виконанням доручення принципала» [6, с. 165]. Зокрема агент, з метою захисту інтересів принципала, зобов'язаний інформувати останнього про невиконання угод третьою особою.

Про хід виконання свого доручення принципал може мати уяву на підставі звітів, які комерційний агент зобов'язаний подавати принципалові. Чинне законодавство України та Республіки Молдова не містить вказівок щодо термінів надання такого роду звітів. Проте, здається, що такі звіти повинні подаватися агентом принципалу у термін, передбачений агентським договором, а якщо такий термін в ньому не встановлений, то - або в міру виконання договору, або на момент проведення остаточних розрахунків за договором. Як правило, зміст звіту і вимоги щодо його складання сторони погоджують заздалегідь.

Звіти повинні містити дані про проведені переговори, про укладені правочини з додаванням, у необхідних випадках, копій укладених договорів. Звіти агента відбивають стадії і порядок виконання доручення і можуть містити інформацію про кон'юнктуру ринку, відомості про потенційних продавців або покупців, їх фінансовий стан, про репарації відносно якості продукції і т. п.

Оскільки комерційний агент діє не лише від імені, але й за рахунок принципала, то обов'язковим є надання ним фінансових зві-

тів. Агент повинен прикласти до свого звіту докази, що підтверджують необхідність зроблених ним витрат. Витрати, понесені агентом при укладенні і виконанні договору, можуть складатися з витрат з перевезення, експедирування, збереження, страхування товарів, а також витрат на ведення судових процесів.

Поведінка комерційного агента, як професійного учасника ринку, має бути спрямована на запобігання заподіяння будь-якої шкоди принципалові. Агент повинен вжити всі залежні від нього заходи для запобігання такої шкоди незалежно від того, чи передбачені вони законом або угодою сторін, чи ні. Таким чином, обов'язок комерційного агента діяти з представництва і захисту інтересів принципала відповідно до принципу сумлінності означає також те, що поведінка комерційного агента протягом усього терміну дії договору має відповідати цьому принципу навіть за відсутності щодо цього спеціальних положень закону або договору.

У ході виконання доручення агент зобов'язаний уникати такого стану, коли його обов'язки та інтереси суперечать один одному, якщо тільки він не надав принципалові повної інформації про свої інтереси з вказівкою їх точного характеру і не дістав згоди принципала щодо врахування таких інтересів.

За нашими спостереженнями чинне законодавство України передбачає, що виникнення агентських відносин можливо у двох варіантах. Перший варіант являє собою класичне надання послуг на підставі повноважень, передбачених безпосередньо агентським договором. Згідно із п. 1 ст. 296 ГК України агентські відносини виникають у випадку надання суб'єктом господарювання (принципалом) на підставі договору повноважень комерційному агентові на вчинення відповідних дій.

Агент, вчиняючи юридично

значимі дії, спрямовані на виникнення прав і обов'язків безпосередньо у принципала, не повинен виходити за межі повноважень. Під перевищенням повноважень розуміється довільне (самоуправне) збільшення представником обсягу прав на вчинення правочинів, що визначені вказівками особи, яку представляють, або нормами права. При перевищенні повноважень представник за своєю ініціативою розширює межі наданих йому повноважень, не погодивши такий відступ із принципалом. Перевищення повноважень можливе як в кількісному, так і в якісному відношенні.

Під кількісним перевищенням мається на увазі перевищення кількості, міри, ваги речей - матеріальних предметів; термінів договору, який потрібно укласти; розміру ціни купівлі або продажу. Перевищення повноважень відносно якості може стосуватися: властивостей і специфіки предмета угоди; вибору контрагентів, з якими укладається договір; його характеру, можливості вчинення дій, не передбачених довіреністю або іншим дорученням принципала [7, с. 612]. Слід зазначити, що обсяг повноважень агента можна визначати, виходячи не тільки із змісту агентського договору, але й також брати до уваги вимоги закону і додаткові інструкції принципала.

Норми, що встановлюють обов'язок агента діяти в межах наданих йому повноважень, певним чином узгоджуються з його правом відступати в інтересах принципала від змісту доручення без попереднього запиту про це (п. 2 ст. 1004 ЦК України, ч. 2 ст. 1040 ЦК РМ).

Відповідне застосування правил договору представництва до агентського договору дозволяє стверджувати, що агент, як професіонал, має право відступати від вказівок принципала, якщо, виходячи з обставин, він може припустити, що принципал, який по суті був ознайомлений з об-

ставинами, власне кажучи, схвалив би такі відступи. Про необхідність відступити від вказівок довірителя агент зобов'язаний повідомити принципала. Лише у випадку, коли зволікання з боку агента може поставити під загрозу виконання агентського договору, він наділяється правом продовжити виконання договору, відступивши від вказівок принципала і не дочекавшись при цьому від нього його відповідного рішення (ч. 2 ст. 1040 ЦК РМ).

Крім того, дотримання принципу добросовісності при виконанні агентського договору припускає обов'язок агента повідомити принципала про те, що вказівки останнього можуть призвести до негативного результату, завдати шкоди справі виконання договору. У цьому випадку агент може продовжувати діяти за договором лише після того, як він повідомив принципалові про можливий збиток, а останній наполягає на виконанні своїх вказівок (ч. 3 ст. 1040 ЦК РМ).

Закон передбачає, що агентські відносини можуть виникнути не тільки внаслідок укладеного між агентом і принципалом договору, але й внаслідок наступного схвалення суб'єктом господарювання (принципалом), якого представляє агент, угоди, укладеної в інтересах цього суб'єкта агентом без повноваження на її укладення або з перевищенням наданого йому повноваження (абз. 2 п. 1 ст. 296 ГК України).

Йдеться про відоме з часів римського права наступне схвалення дій, вчинених в інтересах особи, яку представляють (*ratihabitio* - схвалення, ратифікація - лат.). При цьому угода, укладена від імені суб'єкта, якого представляє комерційний агент, без повноваження на її укладення або з перевищенням наданого агенту повноваження, вважається схваленою цим суб'єктом за умови, якщо він не відхилить перед третьою особою дії комерційного агента. Подальше схвалення уго-

ди суб'єктом, якого представляє агент, робить угоду дійсною з дня її укладення (п. 2 ст. 298 ГК України).

Таким чином, чинне законодавство України передбачає два можливих варіанта поведінки принципала у випадку, коли агент представляє його інтереси з перевищенням повноважень: принципал має право або схвалити дії, що вчинені агентом від його імені, або відмовити в схваленні дій, вчинених агентом від його імені за відсутності відповідних повноважень або з їх перевищенням. У цілому український законодавець виходить із презумпції наступного схвалення такої угоди. Винятком є ситуація, коли принципал прямо відхилить перед третьою особою дії комерційного агента [7, с. 616].

Встановлення агентських відносин шляхом наступного схвалення принципалом договору, укладеного агентом, припускає, що третя особа, з якою цей договір укладений, «не знала і не могла знати про перевищення агентом представницьких повноважень, інакше варто розглядати цей договір як укладений *negotiorum gestor* ом за умови її наступного схвалення принципалом» [8, с. 87-88]. Ведення справ, *negotiorum gestio* означає таке відношення, коли одна особа веде справи іншої особи, керує її майном тощо, не маючи на те доручення від цієї особи. У тих випадках, коли ведучий справи (*gestor*) має відповідне доручення від господаря справи (*dominus*), виникає договір, в тому числі і агентський договір чи договір доручення, на основі якого і визначалися відносини між сторонами. Якщо ж доручення не існує, то немає підстав говорити про контрактне зобов'язання [9, с. 15].

Причому агент, що діє з перевищенням повноважень, може діяти як у силу необхідності, так і під впливом омани. Зважаючи на те, що агентом є професіонал, слід припустити, що відповідаль-

ність за дії, вчинені з перевищенням повноважень агент несе лише у випадку, коли він діяв з перевищенням повноважень під впливом невичачної омани.

Крім того, при визначенні відповідальності агента за дії, вчинені без повноважень або з їх перевищенням, необхідно враховувати і позицію третьої особи, з якою агент здійснює операцію. На наш погляд, відповідальність агента за дії, вчинені ним під впливом омани, може виникнути лише у випадку, коли третя особа діяла сумлінно, тобто не знала і не могла знати, що агент не уповноважений на вчинення відповідних дій. У протилежному разі слід визнати, що договір, укладений між агентом і третьою особою, реалізовано. При подальшому схваленні такого договору принципалом права і обов'язки за ним безпосередньо виникнуть у принципала і, відповідно, третьої особи.

Якщо ж схвалення дій представника не відбудеться, то такий правочин правових наслідків для принципала не спричинить, однак його не можна визнати недійсним. Відповідно до п. 1 ст. 241 ЦК України правочин, укладений представником, у нашому випадку агентом, з перевищенням повноважень, створює, змінює або припиняє цивільні права й обов'язки особи, яку він представляє - принципала, лише у випадку подальшого схвалення правочину цією особою. Таким чином, правочин, укладений агентом з перевищенням повноважень, у випадку, коли він в подальшому не схвалений принципалом, безпосередньо створює права й обов'язки для агента і, відповідно, третьої особи.

Відповідне застосування правил про представництво і доручення до агентського договору дозволяє стверджувати, що агент зобов'язаний виконати покладений на нього за договором обов'язок особисто (п. 1 ст. 240 і ст. 1005 ЦК України, ч. 1 ст. 1036

ЦК РМ). Обов'язок особистого виконання агентського договору безпосередньо покладено на агента також нормою п. 1 ст. 300 ГК України.

Обов'язок особистого виконання ґрунтується на формулі *delegatus non potest delegare*, закріпленій раніше у провідних судових прецедентах батьківщини агентського договору - Англії. Суть її була викладена суддею Тезигером у справі *De Bussche v. Alt* (1878) у такий спосіб: «За загальним правилом, немає сумніву, що застосування принципу (*«Delegatus non potest delegare»*) - уповноважений не може передавати свої повноваження - лат.) перешкоджає агентові встановлювати відносини принципала й агента між його власним принципалом і третьою особою. Але цей принцип при більш уважному розгляді означає лише те, що агент, який отримав повноваження від принципала, не може передати іншій особі зобов'язання перед принципалом, які він сам прийняв для того, щоб виконати їх особисто, і, оскільки довіра до конкретно найнятої особи лежить в основі агентського договору, ці повноваження не можуть бути такими, що презумуються» [10, с. 387].

У випадку, коли агентом є юридична особа, під особистим виконанням розуміється здійснення відповідних дій її органом або її компетентними працівниками. Коли ж агентом виступає фізична особа, яка здійснює підприємницьку діяльність, то дії, які доручено зробити агентові, останній повинен виконати особисто.

З правила, що встановлює обов'язок особистого виконання агентського договору, випливає, що принципал має право не приймати виконання доручення від третіх осіб. Все ж таки, з названого загального правила існують винятки. По-перше, у ряді випадків в агента може виникнути необхідність у залученні по-

мічників з метою надання йому технічної допомоги у виконанні договору доручення. У цих випадках, мабуть, немає підстави стверджувати про встановлення субагентських відносин, оскільки помічники, покликані агентом для надання йому допомоги у виконанні договірної доручення, діють під безпосереднім керівництвом і контролем агента. Отже, агент несе відповідальність за дії своїх працівників і помічників, як за свої власні.

По-друге, законом може бути прямо передбачена можливість передачі виконання доручення третій особі (п. 2 ст. 300 ГК України; ч. 1 ст. 1036 ЦК РМ). До того ж, згода принципала на передоручення виконання в цьому випадку повинна бути безпосередньо виражена.

По-третє, агент може передоручити доручення, керуючись інтересами принципала. Передоручення можливо, наприклад, коли через непередбачені обставини агент не може виконати доручення особисто і не має можливості сповістити про це принципалові протягом необхідного терміну, а передача повноважень третій особі необхідна для виконання дій в інтересах принципала (ч. 2 ст. 1036 ЦК РМ). У цьому випадку в агента виникає обов'язок негайно інформувати принципала про необхідність залучення до виконання договору помічника, заступника агента.

Отже, у двох останніх випадках агент має право передоручити доручення (повністю або частково) іншій особі - заступникові (субститутіві). За наявності дозволу на передачу виконання доручення третій особі агент відповідає лише за вибір третьої особи за його діловими (кваліфікаційними) якостями і за порядок передачі йому вказівок (ч. 4 ст. 1036 ЦК РМ).

У цьому випадку, йдеться про відповідальність агента перед принципалом за неналежний вибір субституту (*culpa in eligendo*

- вина у виборі помічника - лат.), коли заступник виявився явно нездатним здійснювати дії за агентським договором. За дії особи, якій агент передав виконання без дозволу принципала, агент відповідає як за свої власні (ч. 3 ст. 1036 ЦК РМ). В усякому разі, субагентський договір повинен відповідати змісту основного договору і бути спрямованим на виконання основного договору.

Треба враховувати, що принципал має право відхилити заступника, обраного агентом. Він також має право пред'являти позов особі, яка надала допомогу повіреному, або його заступнику (ч. 5 ст. 1036 ЦК РМ). У такому випадку сам факт заміни, здійсненої повіреним, є достатнім для виникнення в довірителя права на подання позову безпосередньо заступникові.

Фідуціарна природа агентського договору безпосереднім чином впливає на заборону для агента мати користь з укладених угод. Будь-яка винагорода, отримана агентом від особи, з якою він вступає у відносини від імені принципала, може бути витребувана останнім.

Агент також не має права мати яку-небудь вигоду від конфіденційної інформації, що стала йому відомою в ході виконання доручення принципала. Обов'язок нерозголошення конфіденційної інформації, що стала відомою комерційному представникові, є загальним обов'язком для такого роду відносин (ч. 5 ст. 258 ЦК РМ) і повинна бути конкретизована з урахуванням особливостей, властивих агентському договору, безпосередньо в ньому.

У зв'язку з цим заслуговує на увагу досвід регулювання обов'язку з нерозголошення конфіденційної інформації в агентських відносинах, передбачений ст. 302 ГК України. Конфіденційна інформація, отримана агентом у результаті здійснення агентського договору, може від-

носитися до різних сторін діяльності принципала. Це може бути інформація про угоди, відомості про постійних клієнтів, щодо знижок, ціни, порядку розрахунків і тому подібних відомостей, які стали відомі агенту в ході виконання доручення принципала.

Згідно із п. 1 ст. 302 ГК України комерційний агент не має права передавати конфіденційну інформацію, отриману від суб'єкта, якого він представляє. Винятки складають випадки, коли принципал явно й однозначно виявив згоду на розголошення такої інформації третім особам.

Комерційний агент також не має права використовувати інформацію, що стала йому відома в ході виконання доручення, як у власних інтересах, так і в інтересах інших осіб, якщо таке використання суперечить інтересам принципала. До того ж заборона на розголошення і використання конфіденційної інформації поширюється як на весь період дії агентського договору, так і на період після припинення дії договору.

Для надання вірогідності застереженню про нерозголошення конфіденційної інформації, яка стала відома агенту в ході виконання договору, сторони згідно із п. 2 ст. 302 ГК України можуть укласти окрему угоду про захист конфіденційної інформації, що є у розпорядженні суб'єкта, якого представляє агент. Укладення такої угоди, як складової частини агентського договору або у вигляді окремого договору про нерозголошення конфіденційної інформації, допоможе в майбутньому запобігти можливим суперечкам, що пов'язані з конфіденційною інформацією. На наш погляд, угода (договір) про нерозголошення інформації за своєю природою є акцесорним договором, - його можна визнати дійсним лише за умови дійсності агентського договору.

Підсумовуючи, ми рекомендуємо положення національного

законодавства України, що регламентує сплату винагороди комерційному агенту, доповнити нормою, що закріплює право комерційного агента на винагороду після закінчення терміну дії агентського договору у випадку, коли пропозицію про укладення угоди було отримано від третьої особи до закінчення терміну дії агентського договору. А також виходячи з того, що правило про відшкодування понесених комерційним агентом витрат є диспозитивним: сторони можуть домовитися, що сума витрат покривається агентською винагородою і комерційний агент не має права в такому випадку вимагати компенсації за понесені витрати при виконанні доручення принципала. Однак, у всякому разі, комерційний агент не може бути позбавлений права вимагати відшкодування збитків, заподіяних йому. Все вказане спрямовано на захист інтересів комерційного агента і, як наслідок, на створення умов для стабільного цивільного обігу.

Список використаних джерел:

1. Васильєва В. А. Цивільно-правове регулювання діяльності з надання посередницьких послуг: монографія. – Івано-Франківськ: ВДВ ЦІТ Прикарпат. нац. ун-т ім. Василя Стефаника, 2006; Дзера О. В. НПК Цивільного кодексу України. – 3-тє вид. – К.: Юрінком Інтер, 2008; Довгерт А. С. Цивільний кодекс України. Постатейний науково-практичний коментар в двох частинах. – К.: Юстініан, 2006; Дрішлюк А. І. Агентський договір: цивільно-правовий аспект: дис... на здобуття наук. ступ. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Одеська нац. юрид. академія. – Одеса, 2003; Дядюк А. Л. Правове регулювання комерційного посередництва (агентських відносин) у сфері господарювання: дис... на здобуття наук. ступ. канд. юрид. наук: 12.00.04 / Київ. нац. економ. ун-т ім. В. Гетьмана. – К., 2010; Кисіль В. І. Механізми колізійного регулювання в сучасному міжнародному приватному праві: Дис... докт. юрид. наук:

12.00.03. – К., 2001; Колосов Р. В. Договір комісії і агентський договір у цивільному праві: дис... на здобуття наук. ступ. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України. – К., 2004; Луць В. В. Контракти у підприємницькій діяльності: Навч. посіб. – 2-е вид., стер. – Юрінком-Інтер, 2001; Полтавський О. В. Договір морського агентування: дис... на здобуття наук. ступ. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Нац. ун-т внутр. справ. – Х., 2004; Трояновський О. В. Відповідальність сторін за міжнародним договором комерційного посередництва: дис... на здобуття наук. ступ. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Одеська нац. юрид. академія. – Одеса, 2009. Саніахметова Н. О. Підприємницьке право. – К.: АСК, 2005; Цивільне право України: У 2 т. / За ред. Я.М. Шевченко. – К.: Ін Юре, 2003 та інші.

2. Назаренко В. Застосування норм міжнародного публічного та приватного права для вирішення проблем, що виникають при укладенні та виконанні посередницьких договорів з іноземними суб'єктами господарювання // Підприємництво, господарство і право. – 2008. – № 4.

3. Мілаш В. Окремі питання, пов'язані з укладенням господарських договорів // Підприємництво, господарство і право. – 2010. – № 1.

4. Полтавський О. В. Договір морського агентування: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / О. В. Полтавський. – Х., 2004.

5. Климовська І. Особливості цивільно-правової відповідальності комерційного представника // Юридична Україна. – 2009. – № 2.

6. Schmitthoff Clive M. The Export Trade, The Law and Practice of International Trade. 5th. ed. London. Stevens. 1969.

7. Господарський кодекс України: коментар. – Х., 2005.

8. Нерсесов Н. О. Представительство и ценные бумаги. – М.: Статут, 2000.

9. Берестова І. Е. Набуття, збереження майна без достатньої правової підстави: загальнотеоретичні проблеми та правові наслідки: монографія. – Дніпропетровськ: Юрид. акад. М-ва внутр. справ, 2005.

10. Ансон В. Договорное право. – М.: Юрид. лит., 1984.

ВНЕДРЕНИЕ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ АЛЕКСАНДРА II: БЕССАРАБСКАЯ СПЕЦИФИКА И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Андрей БОРШЕВСКИЙ,

доктор, старший научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук
Молдовы

Борис СОСНА,

доктор, и.о. профессора Европейского университета Молдовы, старший научный сотрудник
Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы

SUMMARY

The goal of the work is to define the degree of incarnation of the Russia judicial and procedural legislation on justice in the activity of courts in Bessarabia, the significance and consequences of the given aspect of the judicial reform for the population of the region.

The sources for the solution of the outlined tasks for the research were various documents including the archive documents, monograph researches, including the works of pre-revolutionary Russian and interwar Romanian authors (that have become rare books), modern scientific publications, the legislation and press, the part of which is included in the scientific circulation for the first time.

Keywords: judicial reform, Bessarabia, legal charter, local laws.

АННОТАЦИЯ

Цель работы – определить степень воплощения российского судебно-процессуального законодательства о юстиции в деятельности судов Бессарабии, значимость и последствия данного аспекта судебной реформы для населения края.

Источником решения намеченных задач исследования послужили разнообразные документы, включая архивные материалы, монографические исследования, в том числе ставшие библиографической редкостью, работы дореволюционных российских и межвоенных румынских авторов, современные научные публикации, законодательство и пресса, часть из которых введены в научный оборот впервые.

Ключевые слова: судебная реформа, Бессарабия, Судебные уставы, местные законы.

Актуальность темы исследования. Социально-экономические и политические изменения, происходящие в Республике Молдова в течение последних десятилетий, неизбежно влекут за собой необходимость изменения законодательства и судебной власти. Основу государственного строительства в современном обществе составляет принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 6 Конституции РМ), который детерминирует проведение различных демократических реформ, в том числе судебно-правовой, в целях преобразования и превращения нашего общества в гражданское, наивысшей ценностью которого является человек, его жизнь, здоровье, другие блага и ценности, для охраны которых создаются социальные и государственные институты, правовые механизмы и в целом политическая власть, осуществляющая различные функции. Если законодательная власть выражает волю суверена – народа, от имени которого создает и принимает законы, а исполнительная обязана претворять их предписания в жизнь, то судебная власть создается для того, чтобы на основании сложившихся между участниками общественных отношений и правовых норм в предусмотренном законодательством порядке разрешать правовые конфликты.

– правосудие, служа интересам не отдельных индивидов, а всего общества. Однако к такому пониманию судебной власти, ее функции, человечество пришло не сразу, а в результате длительного исторического развития. Именно по этим причинам интерес к процессам трансформации судебной системы в различные исторические эпохи является актуальным и в наши дни. Изучение исторического опыта позволяет не только избежать ошибок в построении более совершенной судебной системы, но и использовать этот опыт в совершенствовании судебной власти и процесса.

Одним из этапов трансформации судебной власти в Бессарабии явилась судебная реформа 1869 года, которая была основана на либеральных и демократических принципах судебной реформы в Российской империи

Разрешая такого рода конфликты, судебная власть осуществляет очень важный вид государственной деятельности

1864 г., внесшей понятие равенства граждан перед законом и создавшей независимый от администрации суд.

Цель исследования - выявить особенности внедрения судебной реформы в Бессарабии, исследовать положительные и отрицательные моменты реформы для Бессарабской области.

Изложение основного материала. Судебная реформа 60-х гг. XIX в. обеспечила законодательную основу для учреждения судебных органов по образцу развитых европейских стран. Не будет преувеличением утверждать, что наибольшая заслуга творцов судебной реформы - введение в действительность мировой юстиции. По этому поводу составители Уставов отмечали, что кредит судебной реформы более всего зависит от успеха введения в действие института мировых судей [1]. Уже одно это достаточно объясняет, почему Судебные уставы вошли в историю как великий памятник законодательства.

Они ознаменовали начало новой эпохи в истории права, фактически сформировав демократическую судебную власть [2]. Как отмечал М.Н. Катков, это была не столько реформа, сколько создание судебной власти. В Указе Правительствующему сенату от 20 ноября 1864 года Александра II подчеркивалась необходимость создать «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего» [3]. Судебные уставы провозгласили самостоятельность судебной власти [4], равен-

ство граждан перед законом [5], гласность, состязательность [6], презумпцию невиновности [7], впервые в империи создали гарантию личности [8], благодаря им была уничтожена многовековая прерогатива царя – контроль за отправлением правосудия, и началась трансформация самодержавия в более современную форму монархии [9].

«Судебная реформа, - писал В. П. Безобразов, - вносит в народную жизнь право, как живой действительный факт, на место права, существовавшего лишь как мертвая буква закона, как смутное понятие, не исчезающее, конечно, никогда из верований и понятий народа, но носившееся в облаках над его головами, как нечто неуловимое, неосоздаемое, никогда не воплощавшееся в настоящее практическое дело» [10].

В результате введения в действие Судебных уставов была создана новая институциональная структура судопроизводства, которая представляла собой пример «творческой адаптации всех лучших достижений юриспруденции и судебной практики западноевропейских стран, главным образом Франции и Великобритании» [11], занимая достойное место в ряду передовых законодательных культур мира [12]. В то же время судебная система Российской империи имела принципиальные отличия, так как «слепое во всем подражание другим государствам, без соображения с потребностями нашего государства, было бы вредно», отмечалось в Объяснительной записке к проекту Устава уголовного судопроизводства [13].

Немецкий юрист К. Миттемайер, сравнивая проект Устава уголовного судопроизводства с законодательством Европы, писал, что «он стоит выше даже многих новейших законодательных работ» [14].

В ходе реформы был реорганизован общий (коронный) и создан мировой суд.

В России проекты создания института мировых судей появились уже в начале XIX века. Так, например, в проекте конституции декабриста Н.М. Муравьева предлагалось в качестве судов первой инстанции учредить «совестных судей», которые бы избирались на должность населением уезда. А судебный процесс у совестного судьи, согласно проекту, должен был проводиться гласно, открыто и по возможности устно [15]. В 1827 г. граф Кочубей, в то время председатель Государственного Совета высказал мысль об учреждении в уездах «мирных судов» (*juges de paix*) [16], затем над созданием мировой юстиции более двадцати лет работали различные правительственные комиссии. Их задачей было создание судебно-процессуальной конструкции, призванной осуществить равенство в суде субъектов правоотношений, неприкосновенность личности и собственности. Идея о мировом судье как судье совести, примирителе сторон, была сформулирована в актах судебной реформы 1864 г. одним из их авторов - С. И. Зарудным [17]. По мнению Зарудного, в России, как и везде есть дела, которые требуют быстрого разрешения на месте. Но это не достигается установлением особых правил, по которым в отдаленных от суда местах все делается в один день. Оно достигается установлением судей на недалеком расстоянии от тяжущихся, специальных судей, которые только и занимаются этими делами. Теперь такие дела производятся в полиции и в суде. Суд получает дело, испорченное полицией. Отсюда и смешение властей, бесконечные споры, трата времени и денег. Изъять эти дела из ведомства

полицей, предоставить их судам в настоящем их составе, значит обременить их выше человеческих сил, а тяжущихся лишить всякой возможности даже начинать дело, так как суд не суд, отмечал Зарудный С.И., когда за малоценным иском в 40 рублей необходимо ехать за 100 верст; суд не суд, когда требуется безотлагательное разбирательство, а чтобы добраться до суда надо ехать или идти пешком за 100 или 200 верст, и, прежде чем суд поедет на место или пошлет туда полицию, следует вызвать ответчика, а он скрывается и явится через год, когда время уйдет и возможность добиться правды исчезнет. Очевидно, что суд не мог открыть истины, так как это, по самому ходу вещей, сделалось невозможным [18].

Две основные причины, достаточно тесно связанные между собой, содействовали созданию мировой юстиции:

Во-первых, с уничтожением крепостного права возникла необходимость отделить судебную власть от административной [19] и изъять из ведомства полиции рассмотрение всех судебных дел.

Во-вторых, необходимо было сделать обращение в суд более простым и доступным для населения, и значительно сократить срок разрешения дела в суде [20].

Потребность введения в Бессарабии Судебных уставов 1864 года, в том числе и мировой юстиции, вызвала активные дискуссии в бессарабском обществе.

В 1863 г., в Бессарабской области началось активное обсуждение проектов судебной реформы. Доброжелательно воспринимая проекты реформ русской системы судостроительства и судопроизводства, юристы области добивались вместе с тем сохранения местных законов, считая

необходимым привести их в стройную систему, упразднить противоречивые и устаревшие статьи.

Гражданский губернатор Бессарабской области барон Велио, вопреки ст.ст.13 и 14 “Основных положений судебной части России”, предполагавших выборность мировых и почетных участковых судей, высказывался за то, чтобы “мировые судьи назначались правительством, а почетные – избирались обществом из местных землевладельцев, имеющих высшее образование, а при недостатке их, и из зажиточных лиц, но окончивших курс наук в высших учебных заведениях, а затем все мировые судьи должны были быть утверждены в звании Первым Департаментом Правительствующего Сената”. Барон Велио остается “глубоко убежденным, что на этом новом поприще свежие и даже никогда не служившие, но образованные люди окажутся гораздо полезными, нежели те, которые успели уже пропитаться воздухом нынешних судебных инстанций по той простой причине, что привычка есть вторая натура, а отвыкнуть от дурного старого гораздо труднее, нежели привыкнуть к хорошему новому”. Это положение, полагал он, применимо к мировым судьям, так как простота этого института не заключает в себе ничего головоломного, к чему бы свежий и образованный человек не сумел привыкнуть сразу [21].

Генерал-губернатора Новороссии и Бессарабской области генерал-адъютанта Коцеба отмечал, что “...мировому судье чаще всего приходится чинить суд и расправу между лицами низшего, беднейшего сословия, которое в большей части Бессарабии... не знает русского языка. Посему знание молдавского языка, - справедливо подчерки-

вает он, - не только должно составлять существенное условие для занятия должности мирового судьи, но еще необходимо дозволить... приговоры его излагать на молдавском и русском языках... ибо если записывать решение и приговоры мировых судей в установленную для того книгу только на русском языке, то эта мера может вселить недоверие к мировым судьям со стороны... тяжущихся”.

Решения мировых судей в апелляционном порядке, рассуждает далее Коцеба, подлежат рассмотрению мировых съездов, в которых будут решаться вопросы тех же мировых судей, а потому употребление молдавского (рум.) языка при производстве гражданских и уголовных дел в мировых судебных учреждениях не влечет за собой никаких неудобств и вместе с тем отстранит необходимость в присяжных переводчиках в данной судебной инстанции. Более того, генерал-губернатор считал, что мировые съезды, подобно мировым судьям, обязаны будут решения дела и приговоры излагать также на обоих языках. Вследствие такого соображения автор записки полагал: а) кроме определенных в общих для империи “Основных положениях...” условиях для избрания в мировые судьи в Бессарабии требовать, чтобы они знали русский и молдавский языки и б) в мировых судах и съездах Бессарабии суд производился на русском и молдавском языках согласно желаниям тяжущихся, а в случае неодинаковости национальностей и несогласия спорящих в выборе языка судопроизводства – отдавать предпочтение русскому языку, а объявление тяжущимся обвинения непременно производить и излагать в установленной для того книге на обоих языках. Исключения могли быть допущены

ны только относительно судов Аккерманского уезда [22].

Генерал-губернатор Коцеба не согласен с предложениями барона Велио о назначении мировых судей, считая, что это ведет к уничтожению двух главных начал реформы: избирательного начала и начала разделения властей: судебной и административной [23]. В записке отмечается, что возражение барона Велио против условия избрания на должность мирового судьи только чиновника, прослужившего преимущественно по судебной части не менее 3 лет, не подлежит рассмотрению, ибо это условие требуется от тех только лиц, которые не получили образования в высших или средних учебных заведениях, в Бессарабии молодых людей с соответствующим образованием довольно много, и это условие при подборе мировых судей гораздо меньше будет чувствоваться.

В высказываниях губернатора Велио и генерал-губернатора Коцебы прослеживается профессионализм, конструктивизм и не безразличие к бессарабскому суду, судопроизводству, процессуальному законодательству и местному праву. Доводы барона Велио против осуществления судебного процесса на молдавском (рум.) языке не могли быть оценены однозначно. Они основаны на объективно сложившихся условиях в Бессарабии спустя полвека после ее аннексии Россией. К этому времени здесь в уголовном процессе повсеместно применялись русские законы. Кассационной инстанцией являлся имперский Сенат, а основной состав юридических кадров получил образование в российских вузах. Применение молдавского (рум.) языка в судах области действительно создало бы для них неудобство; потребовался бы перевод русских

законов на молдавский (рум.) язык, затруднялся бы процесс апелляции в имперский Сенат. С другой стороны, для тяжущихся, не владеющих русским языком, особенно в гражданском процессе, без применения молдавского (рум.) языка крайне трудно было бы обойтись. Предложения генерал-губернатора Коцебы по этой проблеме являются более продуманными, они отвечали реалиям современности [24].

Судебные уставы 1864 года вводились не на всей территории Российской империи. Судебная реформа не распространялась на Белоруссию, Среднюю Азию, Сибирь, северную и юго-восточную окраины Европейской России. Поэтому после введения Судебных уставов в центральных русских губерниях местными властями и юристами был поднят вопрос о проведении реформы и в Бессарабии.

Требования юридической общественности Бессарабии о немедленном проведении судебной реформы обосновывались двумя обстоятельствами. Первое из них заключалось в наличии большого количества мелких тяжбных дел в судах Бессарабии, причиной которых, по утверждению председателя Бессарабского областного гражданского суда А. Джунковского, являлись: 1) перепутанность прав земельного владения, происшедшая еще во время аннексии Бессарабии Россией, когда многие лица приобретали здесь земли без документов или по документам недостоверным; 2) частые споры резешей, вызывавшиеся бесконечными переделами земель, находившихся в собственности целых селений, и которые разрешались, как правило, в судебном порядке; 3) неясность и неточность местных законов Арменопуло и Донича, допускавших множество проти-

ворчивых толкований, вводящих в заблуждение тяжущихся.

Второе обстоятельство, вызывавшее необходимость проведения судебной реформы в Бессарабии, по мнению того же А. Джунковского, заключалось в расположении этого края на границе с европейскими государствами. Прибывшие из стран Западной Европы в Бессарабию иностранцы, привыкшие к скорому и гласному суду, оставались недовольными действовавшими в области законами. С другой стороны, многие жители Бессарабии, бывая в западноевропейских странах и знакомясь там с более прогрессивными законами и системой судопроизводства, возвращаясь на родину, высказывали неудовольствие устаревшими и потому мало пригодными местными законами [25].

Юристы области выступали за немедленное введение Судебных уставов 1864 г. и упорядочение местных законов, которые должны были продолжать действовать наряду с общерусскими. В упорядочении местных законов они усматривали облегчение судебной практики и ускорение разбора дел, которые рассматривались на основании местных законов. Представители местной знати также возражали против замены местных гражданских законов общероссийскими [26]. Существенным элементом для введения в Бессарабии Уставов 1864 года было и то, что «суд, введенный Уставами 1864 года, представлял собой феномен демократического суда в условиях абсолютистского государства» [27].

Судебная реформа в Бессарабии была ускорена предшествующей ей аграрной и земской реформой [28]. 14 июля 1868 г. Было утверждено императором Александром II «Положение о поземельном устройстве ца-

ран”, а 28 октября того же года состоялось “высочайшее повеление” об открытии в области земских учреждений. 24 апреля 1869 г. Правительствующий сенат, на основании высочайше утвержденного 8 апреля мнения Государственного Совета принимает решение о проведении в Бессарабии судебной реформы [29]. В нем утверждалось: “Государственный совет в Соединенных департаментах законов, Государственной экономии, Гражданских и духовных дел и в Общем собрании рассмотрев представление министерства юстиции от 18 апреля о введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года в Бессарабской области и соглашаясь в существе с заключением его министра, мнением положил: ввести в действие Судебные Уставы... в течение 1869 года в Бессарабской области с присоединением ее к округу Одесской судебной палаты, постановив для сего следующие правила: 1) Уставы эти вводятся в Бессарабской области на точном основании “Положения 19 октября 1865 года” [30], удостоенных 10 марта 1869 года высочайшего утверждения дополнительных к нему правил о порядке окончания дел прежних судебных установлений; 2) Судебные установления образуются, а чины прокурорского надзора, равно судебные следователи и судебные приставы, назначаются на основании прилагаемого при сем штата; 3) С открытием новых судебных установлений судебные места прежнего устройства, а равно должность областного прокурора и уездных стряпчих, упраздняются, с прекращением дальнейшего отпуска на их содержание сумм, со дня открытия новых судебных установлений; 4) Из исчисленной на основании прилагаемого при сем штата суммы 118800

рублей потребные деньги с будущего 1870 года производятся из государственного казначейства, на текущий же год в распоряжение министерства юстиции отпускается единовременно половина означенной суммы, именно 59400 рублей с представлением ему: а) Назначать в новые судебные установления всех должностных лиц и ранее трех месяцев до времени открытия судебных установлений производить им содержание из означенной суммы и возлагать на них участие в разборе и решении дел прежних судебных мест и б) Расходовать эту сумму на другие предметы как по временному усилению прежних судебных мест, так и вообще для усиления мер, необходимых для усиленного введения уставов в действие” [31].

3 ноября 1869 года по докладу министра юстиции Российской империи император Александр II подписал именной Указа об открытии новых судебных мест в Бессарабской области [32]. Их открытие было поручено провозгласить старшему председателю Одесской судебной палаты сенатору Шахматову [33].

Открытие судов, предусмотренных новыми Судебными уставами, было назначено на декабрь 1869 года [34].

20 декабря 1869 года было объявлено о введении с этого числа в Бессарабии новых Судебных Уставов и судебных учреждений [35]. Старый суд был упразднен [36], новые учреждения состояли из общих и мировых судов [37].

На открытии Кишиневского окружного суда сенатор А.А. Шахматов, в присутствии членов окружного суда и мировых судей зачитал Указ об «открытии в области действия Судебных уставов. Сенатор отметил, что выборы мировых судей оказались успешными, так как

почти повсеместно в судьи облечены лица, пользующиеся общественным доверием и достойные быть миротворцами населения» [38].

И хотя мировые суды официально были открыты 20 декабря 1869 года, но не все они начали функционировать по причине недостатка квартир, устройства камеры для судьи, а в некоторых участках во время открытия новых судов судей вовсе не было. Поэтому фактически «мировые суды ... начали свою деятельность собственно с января 1870 года» [39]. В первых заседаниях перед зданием мировых судей собиралась «толпа народу» [40], «камеры мирового судьи постоянно полны любопытными» [41]. Во время заседаний мирового съезда в зале присутствовало по 50- 60 человек [42], в результате чего «не только зал заседания, но и прихожая и сени были битком набиты любопытными, не успевшие занять место стояли... сплошной массой» [43]. К пятидесятилетию реформы было отмечено, что при введении Судебных уставов «судья всецело отдавался своему делу и стремился к осуществлению желания законодателя, чтобы суд был справедливым, милостивым и равным для всех. Публика, видя с каким одушевлением судья исполняет свою обязанность, относилась к нему ... с благовеньем» [44] и надеждой, что новые суды будут значительно совершеннее прежних [45].

В соответствии с Уставами судебная система состояла из мировых и общих судов. Такое разделение сразу выделяло мировые суды и подчеркивало их специфику. “Место, занимаемое мировым судом в системе судебных установлений, определяется тем взаимоотношением, которое существует между мировыми и общими судебными учреждениями с точки зрения

подведомственных им дел» [46]. «Соображения Государственной канцелярии об основных положениях судоустройства» определяли одну из отличительных особенностей мировых судей как их способность «исключительною властью решать дела без участия коллегии» [47].

Принципиальным отличием мировых (как и общих) судов от дореформенных судебных учреждений была их всеобщность [48] и гласность.

Гласность судопроизводства открыла двери судов для широкой публики, в прессе появились отчеты о ходе судебного разбирательства по наиболее интересным делам. Отправление правосудия было единственным направлением государственной деятельности, которое осуществлялось открыто. Противоречия, существовавшие в обществе, отражаясь в судебных процессах, как в зеркале, становились достоянием широких масс. Гласность способствовала росту авторитета суда в обществе [49].

В результате реформ судоустройству империи была придана стройная функциональная конструкция. Учреждение Судебных установлений сформулировало это положение предельно четко: «Власть судебная принадлежит: мировым судьям; съездам мировых судей; окружным судам; судебным палатам и Правительствующему сенату, в качестве верховного кассационного суда» [50].

Судебная власть данных установлений распространяется на лица всех сословий и на все дела, как гражданские, так и уголовные [51] – было записано во 2 ст. Учреждения судебных установлений. Но тут же в примечании было замечено, что «Судебная власть духовных, военных, коммерческих, крестьянских, станичных, иногородних судов определяются особыми

о них постановлениями» [52]. Сенат отмечал, что «право обращаться к судебной защите... есть неотъемлемое право каждого» [53], «такое право не может подлежать никаким ограничениям» [54].

Ст.3 гласила: «мировой судья есть власть единоличная, съезд мировых судей, окружной суд, судебные палаты и Сенат суть установления коллективные». Ведомство мировых судей, их съездов, окружных судов и судебных палат ограничиваются особыми участками и округами. Ведомство Правительствующего сената в отношении к судебной части распространяется на всю империю (Ст.4). Мировые судьи, их съезды, окружные суды и судебные палаты рассматривают дела по существу; Правительствующий сенат, в качестве верховного кассационного суда... наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судебными установлениями империи (Ст.5).

Важное значение для деятельности судов имели решения и разъяснения Правительствующего сената, направленные на единообразное применение и исполнение законов всеми судебными учреждениями империи. Сенат указывал, что разъяснения им законов в кассационном порядке имеют для судов обязательную силу по всем аналогичным делам. Основание к этому Сенат находил в ст. 815 Устава гражданского судопроизводства и ст. 933 Устава уголовного судопроизводства, предусматривающих публикацию решений Сената к всеобщему сведению для руководства к единообразному исполнению и применению законов. В отдельные периоды Сенат назначал дисциплинарные взыскания на судей, которые не подчинялись последовавшим от него разъяснениям [55]. Однако

в юридической литературе второй половины XIX века это не признавалось [56]. Большинство ученых и практиков считали, что кассационные решения Сената служат руководством для деятельности судов [57] на будущее время, однако обязательное значение эти решения имели только по тем делам, по которым они постановлены; для тех же аналогичных, не рассмотренных Сенатом, они обязательной силы не имели. Эти решения имели лишь «значение программы, которой Сенат держится и предполагает держаться в своей практике, не обязательной ни для него, ни для судебных мест, которым она препровождена» [58].

Учитывая основанную на нравственном авторитете [59] Сената роль этих решений как судебного прецедента и руководства к единообразному исполнению и применению законов, мировые суды, являясь обязательными подписчиками на сенатские издания [60], использовали сенатскую практику в гражданском и уголовном судопроизводстве.

В заключении остановимся на этнополитическом аспекте судебной реформы, которую, по моему мнению, не ожидали даже авторы Судебных уставов. Как отмечали современники, в Бессарабии истцами по гражданским делам в мировых судах являлись большей частью евреи, а ответчиками - лица других национальностей [61]. Это позволяет сделать вывод, что данный институт активно использовался евреями для защиты своих прав. При этом очевидно, что мировой суд не был первоначально задуман для защиты прав еврейского населения, более того, по нашему мнению, составители Судебных уставов даже не ставили перед данным учреждением подобной

цели. Однако в силу специфики положения еврейского населения Бессарабии, именно они более других жителей региона обращались в мировой суд для восстановления своих нарушенных прав при рассмотрении гражданских дел. На наш взгляд, причина того, что евреи - истцы при рассмотрении гражданских дел занимали первое место (при том, что, как уже отмечалось, в Бессарабии по численности населения евреи были лишь на третьем месте), заключалась в их социально - экономическом положении. Около 80% бессарабских торговцев были евреями; торговля зерном также почти полностью была сосредоточена в их руках [62]. В Кишиневе основная доля фабрично-заводских предприятий, мельниц, складов, типографий принадлежали евреям. Именно по этим причинам они более других нуждались в защите своих прав в гражданских правоотношениях. Также отметим, что количество апелляционных и кассационных жалоб на решения мировых судей Бессарабии в конце 60-х - 70-е гг. XIX века составляло менее 11%. Это демонстрирует, что большинство решений суда удовлетворяли как истца, так и ответчика, что характеризует мировой суд как справедливый. Из этого следует, что данный суд служил механизмом защиты прав еврейского населения Бессарабии.

Отметим также, что аналогичная ситуация наблюдалась не только в Бессарабии. В 1877 году одесский полицейский чиновник В. Н. Касперский отмечал: «Я не думаю, чтобы мировые судьи в Западном крае были призваны служить еврейскому делу; между тем на практике так выходит. По гражданским делам на разбирательстве у мирового судьи истцом почти постоянно является еврей, адвокатом - ев-

рей, зрителями - евреями» [63].

Выводы: Проведение судебной реформы в Бессарабии, по утверждению румынского профессора истории и права А.Болдура, бессарабского врача и политика П.Казаку, молдавского академика И.Г.Будака и других исследователей [64], было прогрессивным явлением, представлявшим из себя шаг вперед в социально-экономическом развитии края. Шимановский М.В. называл реформу 1864 года, введенную в Бессарабии 8 апреля 1869 года благотворной [65]. С введением новых судебных уставов, основанных на буржуазном процессуальном праве, все больше и больше вытеснялись из судебной практики те местные законы, которые уже отжили свой век и были основаны на традиционном праве и, стало быть, эта реформа должна была содействовать развитию новых капиталистических правоотношений, и с этими объективными выводами нельзя не согласиться. П.Казаку, однако, жалеет только, что эта реформа в ее хорошем проявлении в широкой практике продолжалась до царствования Александра III (1881).

Справедливы замечания и других ученых о том, что судебная реформа, являвшаяся наиболее последовательной из всех буржуазных реформ империи, сохранила в то же время пережитки феодальных отношений и не устранила условия национального притеснения царизмом народов национальных окраин в сфере судопроизводства. Правительство не удовлетворило многочисленные аргументированные ходатайства бессарабской общественности и даже генерал-губернатора о допущении в качестве языка судопроизводства, наряду с русским, молдавского (рум.) языка [66]. Отметим, что при этом,

по утверждению П.Казаку, в большинстве случаев мировые судьи выбирались из среды образованных местных собственников, в большинстве своем знающих местный язык и обычаи, а разбирательство велось на языке подсудимого, и только решения и документы составлялись на чужом языке [67]. Так, в деле отставного коллежского секретаря М. Захарьянова и мещанина Попогумбиу мировой судья 4 участка Кишиневского мирового округа по просьбе обвиняемого разрешил ему «рассказать по молдавски» [68] обстоятельства дела. Однако часть избранных мировых судей не знала молдавский (румынский) язык, в результате чего «молдаванам, не знающим по-русски, приходилось часто быть в очень затруднительном положении в тех судах, где судьи не знают местного языка» [69].

Не были учтены центром империи предложения местных юристов по судоустройству Бессарабии. Вместо 2-х округов и областной Судебной палаты в Бессарабии был учрежден всего один округ, а судом второй инстанции для жителей области была определена Одесская Судебная Палата.

Система мирового суда формировалась на тех же условиях, что и в империи, с единственным исключением, что наряду с общими правовыми основами и общеимперскими законами, в Бессарабии мировые суды могли руководствоваться и местными законами, и обычным правом [70].

Сущность мировой юстиции заключалась в том, что ею рассматривались быстро, без излишних формальностей в доступной населению судебной инстанции малозначительные дела. Мировой суд был призван воплощать в жизнь жившую в народе мечту о суде «скором,

правом и милостивом?»; освобождал вышестоящие инстанции от разрешения мелких дел; решал отчасти проблему юридических кадров, так как рассмотрение такого рода дел вполне можно было вверить непрофессионалам, если они отвечали определенному уровню требований, были избраны представительным органом, пользовались уважением и доверием среди местного населения [71].

Литература

1. Судебно-статистические сведения и соображения о введении судебной реформы по Бессарабской области. Без года и места издания (далее-Б.г.м.и.) С.21.
2. Мартыничик Е. Г. Судебная власть в Молдове. Создание и функционирование. Часть 1. Историко-правовые очерки. Кишинев, 1999. С. 15.
3. Указ Правительствующему сенату от 20 ноября 1864г.//Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т.8. Судебная реформа/ Под ред. Б.В. Виленского. М., 1991. С.28.
4. Мухаметшин Ф.Б. Судебная реформа 1864 года в оценке ее современников// История государства и права. 2005. №1. С. 50-52.
5. Boldur A. Istoria Basarabiei. Bucureşti, 1992. P. 358.
6. Новаков С.З. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел южной Бессарабии (1857-1918). Кишинев, 2004. С. 241.
7. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864- 1917 гг./Сост. С.М. Казанцев. Ленинград, 1991. С. 4.
8. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к 50-тилетию Судебных уставов). М., 1914. Послесловие. С. 3.
9. Lincoln B. The great reforms: Autocracy, bureaucracy and politics of change in Imperial Russia. DeKalb, 1990. P.115
10. Джаншиев Г. Эпоха Великих реформ. Исторические справки. М., 1900.С. 432.
11. Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России//Великие реформы в России, 1855-1874. М., 1992. С. 305.
12. Пусторослев П.П. Из лекций русского уголовно-судебного права. Вып. I. Юрьев, 1909. С. 36.
13. Хаматова Е. В. Уголовное судопроизводство в мировом суде: история и современность. М., 2003. С. 7.
14. Миттермайер К. Новый проект русского уголовного судопроизводства//Журнал Министерства юстиции. 1864. Т. 22. С. 16.
15. Ефремова Н.Н. Судостроительство в России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1993.С.180.
16. Шаркова И.Г. Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. 1998. №9. С. 79-80; Chirtoacă L. Justiția de împăcare în Basarabia în baza reformei judecătorești din a doua jumătate a secolului al XIX-lea// Anale științifice ale Universității de Stat din Moldova. Seria «Științe socio-umane». Vol. I. Chișinău, USM, 2000. P. 257.
17. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. С. 69-70.
18. Джаншиев Г. С.И. Зарудный и судебная реформа: Историко-биографический эскиз. М.,1889. С. 127.
19. Титов А.А. Реформы Александра II и их судьбы. М., 1910.С. 98.
20. Михайловская И. Возрождение мировой юстиции в России: «Будущее в прошлом»//Муниципальное право. 2001. № 2. С. 75-76; Борисова Е. А. Общая характеристика гражданского судопроизводства по Уставу гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Законодательство.2005.№ 2. С. 86.
21. Кустрябова С., Захария С.К. Позиция правоведов и общественности Бессарабии по вопросу статуса местных законов и молдавского языка в судах области (архивные документы Российской империи периода подготовки судебной реформы 60-х гг. XIX в.). // Закон и жизнь. 2002. № 3.С. 40-41.
22. Кустрябова С., Захария С. Судебная система Бессарабии 1812-1869 гг. в контексте молдо - российского законодательства конца XVIII в. – 60-х гг. XIX в. Комрат, Тип. Комратского госуниверситета, 2004. С. 130.
23. Кустрябова С., Захария С.К. Позиция правоведов и общественности Бессарабии по вопросу статуса местных законов и молдавского языка в судах области... С. 42.
24. Кустрябова С., Захария С. Судебная система Бессарабии 1812-1869 гг. ...С. 132-133.
25. Будак И.Г. Будак И.Г. Буржуазные реформы 60-70-х гг. XIX в. в Бессарабии. Кишинев, 1961. С. 141.
26. Чебан А.Т. Политико-правовая мысль Молдавии второй половины XIX – нач. XX вв. Кишинев, 1980. С. 15.
27. Немытина М. В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов, 1999. С. 6.
28. Кустрябова С., Захария С.К. Введение в Бессарабской области Судебных Уставов Александра II 1864 г. и их влияние на судостроительство края. Оценка данных процессов в источниках и литературе // Probleme ale științelor socio-umane și modernizării învățământului. Conferința științifică anuală a Universității Pedagogice de Stat “Ion Creangă” (20-21 martie 2002) Vol. II. Chișinău, 2002. С. 270.
29. НА РМ. Ф. 3, оп. 2, ед. хр. 652. Л. 46; Бессарабские областные ведомости. 1869. 2 июля; Высочайше утвержденное 8 апреля 1869 года мнение Государственного Совета «О введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года в Бессарабской области»// ПСЗ. Собрание второе. Том XLIV, отделение первое. 1869. СПб., 1873. С. 309.
30. Высочайше утвержденное 19 октября 1865 года положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г.// Устав гражданского судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами и разъяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента, Общего собрания и Соединенного присутствия Первого и Кассационного департаментов Правительствующего сената и Циркулярами

Министра юстиции. Систематический сборник/Сост. В. Гордон. СПб., 1901. С. 869-873.

31. Высочайше утвержденное 8 апреля 1869 года мнение Государственного Совета «О введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года в Бессарабской области»// ПСЗ. Собрание второе. Том XLIV, отделение первое. 1869... С. 309

32. Именной Указ от 3 ноября 1869 г. об открытии новых судебных мест в Бессарабской области // ПСЗ. Собрание второе. Том XLIV, отделение второе. 1869. СПб., 1873. С. 238-239.

33. Там же. С. 238-239.

34. Чебан А. Т. Ук. соч. С. 8.

35. Бессарабские областные ведомости. 1870. 15 августа.

36. Новаков С.З. Ук. соч. С.244.

37. Chirtoacă L., Coptileț V. Unele aspecte comparative ale evoluției sistemului judecătoresc din Basarabia în secolul al XIX-lea//Funcționarea Instituțiilor Democratice în Statul de Drept: Materiale ale conf. teoretico-șt. int., 12-26 ian., 2003. Chișinău, 2003. P. 607.

38. Бессарабские областные ведомости. 1869. 24 декабря.

39. Там же. 1870. 15 августа.

40. Там же. 1870. 7 февраля.

41. Там же. 1870. 14 марта.

42. Там же. 1870. 7 февраля.

43. Там же. 1870. 14 марта.

44. К 50-летию со дня введения Судебных уставов частного поверенного М.Д. Кельнановича. Кишинев, 1914. С. 3.

45. Новаков С.З. Ук. соч.С.244.

46. Полянский Н. Устав уголовного судопроизводства. М., 1914. С. 154

47. Шаркова И.Г. Ук. соч. С. 79-83

48. Скрементова О.С. Институт мировых судей по Учреждению судебных установлений 1864 года// Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 4. В трех томах. Том 3. М., 2004. С. 348.

49. Немытина М.В. Пореформенный суд в России: деформация основных институтов уставов 1864 г.//Правоведение.1991.№ 2.

50. Судебные уставы императора Александра II с комментариями и разъяснениями. Учреждение су-

дебных установлений. СПб., 1884. С.1; Захария С.К. Причины реформы суда. Подготовка и принятие “Основных положений преобразования судебной части России” и Судебных уставов Александра II 20 ноября 1864 г. // Закон и жизнь. 2002. № 4. С. 44.

51. Учреждение судебных установлений//Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т.8. Судебная реформа/Под ред. Б.В. Виленского. М., 1991. С.32.

52. Скрементова О.С. Ук. соч. С. 348.

53. Устав гражданского судопроизводства. С объяснениями по решениям Гражданского Кассационного департамента Правительствующего сената./Сост. А. Боровиковский. СПб, 1883. С. 5-6.

54. Там же. С.6.

55. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. СПб., 1902. С. 160-161.

56. Борисова Е. А. Общая характеристика гражданского судопроизводства по Уставу гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Законодательство. 2005. №5. С. 82-83.

57. Победоносцев К.П. Судебное руководство. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства с полным указателем к судебным и распорядительным решениям по сему предмету Кассационных департаментов Сената. СПб., 1872. С. 384.

58. Демченко Г. Б. Судебный прецедент. Варшава. 1903. С. 82.

59. Фойницкий И.Я. Ук. соч. С.159.

60. НА РМ. Ф. 69, оп. 1, ед. хр. 1.С.41.

61. Бессарабские областные ведомости. 1870. 15 августа.

62. Джадж Э. Пасха в Кишиневе: Анатомия погрома / Перевод с английского. Кишинев, 1998. С. 39.

63. Жирнов Е. Столпы позора // Коммерсантъ - Деньги. 2007. № 13.

64. Кустрябова С., Захария С. Судебная система Бессарабии 1812-1869 гг... С. 154.

65. Шимановский М.В. О местных законах Бессарабии. Вып. I. Одесса, 1887. С. 21.

66. Кустрябова С., Захария С. Судебная система Бессарабии 1812-1869 гг... С. 155.

67. Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru 1812-1918. Chișinău, 1992. P. 142; Кустрябова С., Захария С. Судебная система Бессарабии 1812-1869 гг... С. 155.

68. Бессарабские областные ведомости. 1870. 28 февраля.

69. Там же. 1870. 7 февраля.

70. Кустрябова С., Захария С. Судебная система Бессарабии 1812-1869 гг... С. 130.

71. Ефремова Н., Немытина М. Местное самоуправление и юстиция в России (1864 - 1917 гг.) // Муниципальное право. 2001. №2. С.65-67.

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ПЕРВОЗКЕ ПАССАЖИРОВ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ

А. СОСНА,

доктор права, преподаватель Молдавского государственного университета, ст. научный
сотрудник Института юридических и политических исследований АНМ

И. АРСЕНИ,

магистр права, преподаватель Комратского государственного университета

SUMMARY

In this article the author reveals features of legal protection of consumer rights when using the services of road transport. In particular emphasis on safeguards of the rights of passengers, as well as how to protect the violated rights.

Keywords: Service, transport, road transport, contract, passenger, consumer rights, protection, damage, safety, quality, luggage, hand baggage.

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье авторами раскрываются правовые особенности защиты прав потребителей при пользовании услугами перевозки автомобильным транспортом. В частности особое внимание уделяется гарантиям защиты прав пассажиров, а так же способам защиты нарушенных прав.

Ключевые слова: Услуга, перевозка, автомобильный транспорт, договор, пассажир, потребитель, защита прав, ущерб, безопасность, качество, багаж, ручная кладь.

Актуальность темы. Транспорт - одна из важнейших базовых отраслей экономики, обеспечивающая удовлетворение потребностей населения и экономических интересов страны в перемещении пассажиров и товаров. Его еще образно называют кровеносной системой страны, отмечая тем самым жизненно необходимую роль транспорта в обеспечении политико-административной целостности и безопасности государства в нормальном функционировании сложного экономического комплекса страны.

Отличительной особенностью Республики Молдова является то, что пассажиры в пределах городов, пригородов и в междугородном сообщении перемещаются, в основном, общественным транспортом. При этом автомобильный транспорт играет существенную роль, если не сказать главную, в удовлетворении спроса на перевозки пассажиров в городах, пригородах и других населенных пунктах.

На современном этапе развития транспортного законодательства вопросы защиты прав пассажиров являются актуальными, т.к. юридическое равноправие в отношениях между пассажирами и транспортными компаниями, заключающими договор об использовании услуг, предоставляемых этими компания-

ми, – понятие весьма условное. Заключая договор об оказании транспортных услуг, пассажир всегда некоторым образом остается зависимым от перевозчика, что обусловлено спецификой публичного договора и договора присоединения: транспортное предприятие не вправе отказать пассажиру в заключении договора перевозки, при этом пассажир обязуется подчиняться условиям, предлагаемым перевозчиком. Интересы гражданина в таких отношениях призвана защищать система правовых норм, обеспечивающих достижение юридического равновесия экономически мощных транспортных предприятий и граждан в качестве их контрагентов по договорам перевозки.

Целью данной статьи явля-

ется раскрытие актуальных особенностей защиты прав потребителей при пользовании услугами перевозки пассажиров автомобильным транспортом.

Изложение основного материала. На современном этапе правовое регулирование защиты прав потребителей при перевозке пассажиров автомобильным транспортом находит свое отражение в следующих нормативных актах страны:

- Гражданский кодекс Республики Молдова (далее – ГК РМ) № 1107-XV от 06.06.2002 года [1].

- Кодекс автомобильного транспорта №150-XIV от 17.07.2014 года [3]

- Закон Республики Молдова «О транспорте» № 1194-XIII от 21.05.1997 года [4].

- Закон Республики Молдова «О защите прав потребителей» № 105-XV от 13.03.2003 года [5].

- Постановление Правительства Республики Молдова «Правила перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом» № 854 от 28.07.2006 года [7].

Договор перевозки пассажи-

ров - разновидность договора на оказание услуг. Согласно ст. 980 ГК РМ, по договору перевозки одна сторона (перевозчик) обязуется перед другой стороной (пассажем или отправителем) перевезти пассажира и багаж или груз в пункт назначения взамен условленной платы, в отношении которой обязуется другая сторона. В части (1) ст. 987 ГК РМ закреплено, что перевозка пассажира включает операции по посадке, перевозке и высадке. Заказчиками в договоре перевозки пассажира являются лишь граждане-потребители. Это обстоятельство обусловило правомерность применения в обязательствах, возникающих из перевозки пассажиров, не только транспортного законодательства, но и Закона РМ «О защите прав потребителей», что расширяет возможности пассажира при защите его прав и законных интересов.

Согласно ст. 1 Закона РМ «О защите прав потребителей» потребитель – это любое физическое лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее или использующее продукты, услуги для нужд, не связанных с предпринимательской или профессиональной деятельностью. В данной статье так же дано понятие услуги, согласно которой, услуга - деятельность, иная, чем та, результатом которой является продукт, осуществляемая с целью удовлетворения потребностей потребителей. По общему правилу, услуга представляет собой сложное действие, не имеет вещественного результата, обладает свойством неосвязаемости и этим кардинально отличается от наиболее распространенных объектов гражданских прав - вещей. Услуга проявляется в ее эффекте, который воспринимается зачастую на уровне чувств. Тут же проявляется другое ее свойство - трудность

обособления и неотделимости от источника. Иногда говорят о потреблении услуги в момент ее оказания. Таким образом, услуга – это фактические действия или фактическая деятельность, не имеющая овеществленного результата в имуществе, реализуемые и потребляемые в процессе осуществления, на возмездной основе [12, с.131-132].

Субъектами договора перевозки являются исполнитель и заказчик. Заказчиками выступают только пассажиры (граждане-потребители). Пассажиры - это лица, перевозимые автотранспортным средством, не участвующие в управлении им [10, с.272]. В соответствие со ст. 1 Закона РМ «О защите прав потребителей» - Исполнитель - это любое юридическое лицо или физическое лицо, имеющее разрешение на предпринимательскую деятельность, которые оказывают услуги. В частности, в качестве исполнителей данного вида услуг выступают транспортные агенты - физические лица или юридические лица, зарегистрированные в качестве субъектов предпринимательской деятельности, или, владеющие автотранспортными средствами или арендующие их и осуществляющие городские, пригородные, междугородные и/или международные перевозки пассажиров или грузов. Перевозчиком может быть физическое или юридическое лицо, которое берёт на себя обязательство перевезти груз, пассажира и его багаж. К перевозчику как к стороне договора перевозки предъявляются особые требования, а именно: а) должен быть организационно оформлен в одной из форм предпринимательства, предусмотренных действующим законодательством; б) в обязательном порядке должен иметь лицензию на право занятия перевозочной деятельностью [11, с.179].

К договору перевозки пассажиров применяются общие положения закона РМ «О защите прав потребителей» о праве на качество, безопасность, своевременную и надлежащую информацию об оказываемой услуге. Так в частности в ст. 10 Закона «О защите прав потребителей» закреплены основные обязанности исполнителя, согласно которым Исполнитель обязан: а) использовать при оказании услуг только безопасные продукты и процессы, которые, если это предусмотрено законодательством, должны быть сертифицированы; б) оказывать только услуги, не представляющие опасность для жизни, здоровья, наследственности и безопасности потребителей или их экономических интересов; в) соблюдать установленные или заявленные требования, а также предусмотренные договорами условия; г) выдавать кассовый чек или иной документ, удостоверяющий факт оказания услуги, в соответствии с положением, утвержденным Правительством; д) обеспечивать оказание услуги (в случае, когда услуга содержит разговорные или письменные текстовые элементы) на молдавском языке в соответствии с положением, утвержденным Правительством; е) хранить книгу жалоб на видном месте и регистрировать жалобы потребителей в соответствии с положением, утвержденным Правительством.

Помимо общих положений отметим ряд специфических требований предъявляемых к Исполнителям - перевозчикам при оказании услуг по перевозке пассажиров автомобильным транспортом в области защиты прав потребителей:

- Перевозчик обязан обеспечить безопасную перевозку пассажира в пункт назначения (части (2) ст.987 ГК РМ);
- обеспечивать своевремен-

ную подачу автобусов в надлежащем техническом и санитарном состоянии; обеспечивать перевозку пассажиров в условиях безопасности и комфортности в соответствии с условиями договора перевозки и утвержденным расписанием;

- заключать со страховыми организациями договоры об обязательном страховании пассажиров в соответствии с действующим законодательством;

- иметь сертификат соответствия оказываемых услуг, выданный органом сертификации, аккредитованным и уполномоченным в установленном порядке;

- Предприятия транспорта обязаны обеспечивать соответствие состояния транспортных средств, путей сообщения требованиям безопасности, нормам охраны труда и экологического права, государственным стандартам и сертифицировать их по нормам международных стандартов, обеспечивать качественные и своевременные перевозки пассажиров, а так же обязаны обеспечивать безопасность жизни и здоровья людей (ст.ст. 9.13 Закона РМ «О транспорте»);

- Автотранспортные перевозки пассажиров и багажа на платной основе могут осуществляться только транспортными средствами, предназначенными для соответствующих видов перевозок, оснащенными тахографами и ограничителями скорости, а так же если они зарегистрированы и их техническое состояние соответствует техническим нормам по безопасности дорожного движения и охране окружающей среды.

(ст. 46 Кодекса автомобильного транспорта).

- Транспортные агенты должны действовать в строгом соответствии с действующими нормативно-законодательными актами, а также международ-

ными соглашениями, стороной которых является Республика Молдова, обеспечивая безопасность дорожного движения и безопасность пассажиров, охрану окружающей среды, культуру обслуживания пассажиров и сохранность багажа. Транспортные агенты обязаны иметь лицензию на право осуществления автомобильных перевозок пассажиров в общественных интересах согласно действующему законодательству и выполнять условия относительно материально-технической базы, профессиональной пригодности, финансовых возможностей (пункт 2 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»);

- Транспортные средства, допущенные к перевозке пассажиров, работают на основании разрешения на деятельность по маршруту. Транспортные агенты помимо разрешения на деятельность должны иметь обязательно: а) лицензию на транспортную деятельность; б) сертификат соответствия, выданный органом по сертификации, аккредитованным и уполномоченным в соответствии с действующим законодательством, который подтверждает соответствие услуг по перевозке пассажиров действующим требованиям; в) сертификат классификации автобусов по звездам (в случае необходимости); г) сертификаты, подтверждающие периодическую (один раз в 3 года) профессиональную переподготовку водителей и менеджеров по видам транспорта (пункт 6 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»);

Необходимо выделить основные права потребителей гарантированные при перевозке пассажиров автомобильным транспортом. В частности пассажир имеет право:

- на безопасную, качествен-

ную и своевременную перевозку;

• приобрести в установленном порядке билет на любой регулярный маршрут. В части (1) ст. 986 ГК РМ, закреплено, что договор перевозки пассажира удостоверяется (документируется) выдачей билета (провозного документа). Билет- документ, выданный контрольно-кассовым аппаратом с фискальной памятью, или документ строгой отчетности с указанной ценой типографского изготовления, подтверждающий оплату и право проезда пассажира, заключение договора перевозки между транспортным агентом и пассажиром, а также наличие обязательного страхования пассажира (пункт 9 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»). Согласно ст. 64 Кодекса автомобильного транспорта, Допуск к автотранспортным перевозкам пассажиров по регулярным маршрутам на платной основе осуществляется на основании билетов и абонементов в случаях, прямо предусмотренных законом. Билеты продаются в билетных кассах автовокзалов, автотранспортных операторов, обслуживающих маршруты/рейсы, в специальных терминалах и/или агентствах по продаже билетов, через электронные системы продажи билетов, а в их отсутствие – водителем, при этом во всех случаях билеты должны продаваться и/или включаться в отчеты через единый план составления фактур и производства расчетов, для ведения которого заключается договор с Агентством.

• В случае, когда лицо согласно на проезд дорожным транспортным средством более низкого класса комфортности по сравнению с тем, на которое приобрел билет, ему возвращается разница между уплаченной начальной суммой и стоимостью

проезда в предложенном дорожном транспортном средстве.

- Если вместо предусмотренного транспортного средства предложено транспортное средство, проезд которым стоит дороже, лица, купившие билеты до объявления об имевших место изменениях, имеют право на проезд на основании приобретенных билетов без внесения дополнительной оплаты. С момента объявления замены дорожного транспортного средства билеты продаются по более высокому тарифу, а пассажиры информируются об этом.

- провезти с собой бесплатно одного ребенка в возрасте до 7 лет включительно, если он не занимает отдельного места для сидения; при следовании с ним нескольких детей в возрасте до 7 лет включительно за каждого ребенка, кроме одного, перевозимого бесплатно, вносится плата в размере 50% от полной стоимости проезда взрослого пассажира, с правом занятия отдельного места для сидения. Стоимость поездки детей в возрасте от 7 до 10 лет включительно оплачивается в размере 50% полной стоимости проезда взрослого пассажира, с правом занятия отдельного места для сидения. Проезд детей в возрасте старше 10 лет оплачивается по полному тарифу;

- провозить с собой бесплатно ручную кладь в объеме, установленном Правилами автомобильных перевозок пассажиров и багажа. *Ручная кладь* - вещи пассажиров, разрешенные к бесплатной перевозке в салоне транспортного средства (пункт 9 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»). За провоз ручной клади (предметы весом до 30 кг) размерами не более 60x40x20 - 100x50x30 см, которая не стесняет других пассажиров, плата не взимается (пункт 70 Правил

перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»). *Багаж* - вещи пассажиров, перевозимые отдельно в багажном отсеке (пункт 9 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»). Пассажир имеет право провозить в автобусе багаж, оплатив стоимость провоза по установленным тарифам. К перевозке допускается багаж размерами в пределах 60x40x20 - 100x50x30 см и весом не более 60 кг. Багаж перевозится в багажном отсеке, а при отсутствии багажного отсека - в салоне автобуса при норме на одного пассажира: в автобусах без багажного отсека - одно место; в автобусах с багажным отсеком - два места. (пункт 69 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»). При сдаче багажа в багажный отсек автобуса пассажиру выдается номерной жетон (ярлык, бирка), дубликат (корешок) которого прикрепляется к багажу. В пункте назначения багаж выдается пассажиру по предъявлении номерного жетона (ярлыка, бирки) (пункт 72 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»). В автобусах, не имеющих багажного отсека, место для багажа определяется непосредственно водителем с таким расчетом, чтобы обеспечивался беспрепятственный проход пассажиров через входные и выходные двери (пункт 73 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»). При сдаче багажа для перевозки пассажир имеет право объявить его ценность с уплатой установленного сбора. Объявленная ценность не должна превышать реальной стоимости багажа. Если объявленная ценность багажа высокая, перевозчик имеет право потребовать от пассажира предъявления к осмотру содержимого багажа и при явном

несоответствии суммы объявленной ценности и содержимого багажа установить его реальную стоимость или отказать в приеме багажа с объявленной ценностью (пункт 74 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»). Багаж выдается в пункте назначения предъявителю багажной квитанции или номерного жетона (ярлыка, бирки). Если багажная квитанция или номерной жетон (ярлык, бирка) не предъявлен, перевозчик выдает багаж лишь тогда, когда претендент докажет принадлежность ему багажа. Если представленных доказательств недостаточно, перевозчик может потребовать внесения залога, который возвращается по истечении одного года со дня сдачи багажа или при предъявлении исчерпывающих доказательств (пункт 75 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»). Не востребованный по прибытии транспортного средства багаж, независимо от того, была выдана при его приеме багажная квитанция или номерной жетон (ярлык, бирка) либо нет, сдается на хранение под ответственность транспортного агента и хранится им за счет пассажира. (пункт 77 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»). Пассажир несет ответственность за сохранность ручной клади и багажа, перевозимых в салоне автобуса. Ответственность за сохранность багажа, перевозимого в багажном отсеке, с момента приема к перевозке до момента его выдачи несет автопредприятие, которому принадлежит транспортное средство, если иное не предусмотрено договором. Транспортные агенты, автовокзалы (автостанции) несут ответственность за утрату, порчу или повреждение, недостачу сданных в камеру хранения или принятых к перевозке

вещей в соответствии с действующим законодательством (пункт 79 «Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом»). Согласно ст. 989 ГК РМ, перевозчик не отвечает за утрату документов, денег или других ценных вещей, за исключением случая, когда ему сообщили о характере или стоимости вещи, и он согласился осуществить ее перевозку. Он тем более не отвечает за утрату ручной клади, остающейся под присмотром пассажира, за исключением случая, когда последний докажет вину перевозчика.

- вернуть билет в билетную кассу до отправления автобуса и получить уплаченную сумму в случае отправления автобуса с опозданием более чем на один час, в случае не предоставления пассажиру указанного в билете места или предоставлении ему места более низкого класса, чем то, на который ему был продан билет;

- обновить проездные документы с доплатой 25% стоимости билета или получить обратно стоимость проезда за вычетом 25% стоимости билета при опоздании на автобус в течение трех часов, а при опоздании по причине болезни или несчастного случая - в течение 72 часов с момента отправления автобуса. Для возобновления проездного билета при опоздании свыше 72 часов пассажир подает письменное заявление на имя начальника автовокзала (автостанции), с приложением документов, подтверждающих факт заболевания или несчастного случая;

- получить полную стоимость проезда за вычетом комиссионных за предварительную продажу билета при возврате его в билетную кассу не позднее, чем за 2 часа до отправления автобуса, а при возврате билета за 15 минут до отправления автобуса получить стоимость проезда с

удержанием 15% стоимости билета и комиссионных за предварительную продажу билета.

- перевозить за плату по установленному тарифу багаж в размерах, предусмотренных настоящими правилами, животных (собак, кошек), мелких зверей и птиц в клетках с представлением документов, выданных ветеринарной службой страны, из которой перевозятся животные (при международных перевозках) или Республики Молдова (при национальных перевозках), при условии отсутствия веских замечаний со стороны других пассажиров относительно перевозки в салоне данных животных;

- на получение бесплатной своевременной и полной информации о транспортных услугах, условиях и порядке движения. В ст. 90 Кодекса автомобильного транспорта указано, что на автовокзалах (автостанциях) и остановочных пунктах междугородных маршрутов пассажирам должна быть предоставлена бесплатно следующая информация: а) расписание движения автотранспортных средств по всем маршрутам; б) таблица стоимости проезда пассажиров и провоза багажа; в) основные положения Правил автомобильных перевозок пассажиров и багажа; г) режим работы билетных касс и других служб автовокзала (автостанции); д) перечень категорий граждан, пользующихся льготами по оплате проезда на автомобильном транспорте. Также в частности согласно пункта 25 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом, в салоне транспортного средства должны быть указатель с фамилиями и именами членов экипажа, медицинская аптечка, противопожарные средства, занавески на окнах, чехлы и подголовники на новых сиденьях, а также выписка из раздела II «Права, обязанности и ответ-

ственность» правил, таблица стоимости проезда, наименование, адрес и контактные телефоны транспортного агента.

- на возмещение причиненного ущерба. Согласно ст. 989 ГК РМ, перевозчик обязан возместить убытки, причиненные пассажиру, за исключением случаев, когда убытки являются следствием форс-мажорных обстоятельств, состояния здоровья пассажира или его деяния. Перевозчик обязан также возместить убытки, причиненные в связи с состоянием его здоровья или здоровья его представителей либо в связи с функционированием транспортного средства.

Транспортный агент несет, в соответствии с пунктом 15 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом, материальную ответственность за: ущерб, причиненный вследствие гибели или нанесения вреда здоровью людей при пользовании автотранспортом; утрату, недостачу, порчу или повреждение принятого к перевозке багажа, повреждение дорог и других технических средств, обеспечивающих движение. В частности в соответствии со ст. 26 Закона РМ «О защите прав потребителей», потребитель вправе требовать возмещения ущерба, причиненного несоответствующими продуктами, услугами, независимо от того, состоял ли он в договорных отношениях с продавцом, исполнителем. Моральный ущерб, причиненный потребителю производителем, продавцом, исполнителем вследствие нарушения его прав, предусмотренных законом, а также другими нормативными актами, возмещается в размере, определяемом судебной инстанцией. Моральный ущерб возмещается независимо от возмещения материального ущерба, причиненного потребителю. Для возмещения ущерба пострадавший потребитель

должен представить доказательства ущерба. Под моральным ущербом подразумевается физические и психические страдания, которые были причинены действиями или бездействиями, посягающими на ценности немущественного характера, принадлежащие человеку с момента рождения, или посягающими на законно приобретенные ценности (жизнь, здоровье, репутация, личная жизнь и т.д.) [8] Моральный вред, причиненный потребителю хозяйствующим субъектом (производитель, исполнитель, продавец, другой исполнитель) в результате нарушения его прав, предусмотренных Законом о защите права потребителя, а также другими нормативными актами, возмещается в размере, установленном судебной инстанцией, и не зависит от существования и раз мера материального вреда. Обязанность доказывания в отношении существования, характера, степени и размера морального вреда возлагается на потребителя. При определении размера возмещения морального вреда судебная инстанция учитывает характер и тяжесть психических и физических страданий, причиненных потребителю, степень виновности хозяйствующего субъекта (производитель, исполнитель, продавец) и степень, в которой данное возмещение может удовлетворить потребителя [9].

Следует выделить следующие случаи имущественной ответственности перевозчика: 1) В случае вынужденной остановки автобуса в пути следования, независимо от вызвавшей ее причины, и невозможности доставить пассажиров в пункт назначения на данном транспортном средстве им возвращается стоимость проезда (без страхового сбора) и плата за провоз багажа (без сбора за объявленную ценность) за непроеденный путь.

(пункт 85 Правил). За утрату или недостачу принятого к перевозке багажа транспортные агенты несут имущественную ответственность в следующих размерах: а) за багаж, принятый к перевозке с объявленной ценностью, - в размере объявленной ценности, если не будет доказано, что она не соответствует действительной стоимости; б) за багаж, принятый к перевозке без объявления ценности, - в размере стоимости утраченного или недостающего багажа. В соответствии с законодательством о страховании пассажиры имеют право на получение возмещения в случае смерти или телесного повреждения, а также в случае утраты или повреждения багажа, при несчастных случаях вследствие использования автобуса, в том числе туристического. В случае смерти пассажира, причинения пассажиру увечий или иных повреждений здоровью по вине транспортного агента, возмещения данного ущерба осуществляется в порядке ст. ст. 1418-1421 ГК РФ. Следует особо отметить, что по спорам, связанным с договорами перевозки пассажиров автомобильным транспортом, до предъявления иска в суд предъявление перевозчику претензии обязательно. Данное требование прямо вытекает из ст. 1020 ГК РФ и пункта 89 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом. Порядок и сроки предъявления и рассмотрения претензий, возникающих при перевозке пассажиров и багажа, регулируются действующим законодательством. Пассажир может направить перевозчику письменную претензию в сроки, установленные действующим законодательством. Пассажиры вправе подавать автотранспортному оператору жалобы в течение трех месяцев со дня осуществления автотранспортной перевозки по регулярному маршруту

или со дня, когда должна была осуществляться перевозка. В месячный срок со дня получения жалобы автотранспортный оператор уведомляет лицо о признании жалобы обоснованной или об ее отклонении. В случае, когда автотранспортный оператор приходит к разумному заключению, что отправление дорожного транспортного средства в регулярный рейс будет аннулировано или задержано более чем на два часа, либо в случае излишне проданных билетов пассажирам предоставляется возможность выбора между: а) продолжением или перенаправлением поездки в сторону конечного назначения, без дополнительной оплаты и в сравнимых условиях, при первой возможности; б) получением в полном объеме стоимости проездного билета. Возмещение стоимости проездного билета, в полном объеме, осуществляется на основании заявления в пятидневный срок (ст. 67 Кодекса автомобильного транспорта).

Претензию необходимо предъявлять под расписку о получении, т.е. один экземпляр передается, а на втором, который останется у лица, предъявившего претензию, уполномоченное лицо перевозчика должно расписаться с указанием своей фамилии, должности, даты принятия. Желателен также штамп или печать перевозчика. Другой вариант вручения претензии - отправка по почте заказным письмом с уведомлением о вручении. Форма претензии произвольная, но в ней надо указать обстоятельства происшедшего (например, в чем заключались недостатки услуги), сослаться на документы, подтверждающие оказание услуг, и предъявить перевозчику соответствующее требование. Право на предъявление иска в связи со смертью, телесными повреждениями или любым другим ущербом, причиненным здоровью пассажира,

погашается по истечении 3 лет. Право на предъявление иска в связи с полной или частичной утерей либо повреждением багажа погашается во всех случаях по истечении одного года. Если пассажир не согласен с расчетом платы за пользование автотранспортом, он вправе обратиться с петицией к перевозчику, указав суть жалобы, дату, время посадки и номер транспортного средства, которым он пользовался, наименование автовокзала (автостанции), где был приобретен билет. Перевозчик обязан рассмотреть петицию в течение 30 рабочих дней, а если они не требуют дополнительного изучения и рассмотрения - незамедлительно или в течение 15 рабочих дней со дня регистрации и сообщить заявителю результаты рассмотрения [6]. Если истцом не был соблюден установленный законом досудебный порядок разрешения данных споров и данная возможность не была потеряна, судья, согласно пункта а) части (1) ст.170 Гражданского процессуального кодекса Республики Молдова (далее ГПК РМ), возвращает исковое заявление, а после возбуждения дела применяется ст.267 ГПК РМ - заявление остается без рассмотрения [1].

Согласно части (5) ст. 40 ГПК РМ, иски к перевозчикам, вытекающие из договоров перевозки пассажиров и багажа или грузов, предъявляются в судебную инстанцию по месту нахождения перевозчика, которому в установленном порядке была предъявлена претензия. Заявление о защите прав потребителей вытекающих из договоров перевозки пассажиров должно соответствовать по форме и содержанию исковому заявлению. Согласно положениям ст.166 ГПК РМ, в особенности, необходимо указать следующие данные: право потребителя, которое было нарушено, когда и каким образом оно

было нарушено, способ защиты, который должен быть применен судебной инстанцией; сумму предъявленного требования с соответствующими расчетами и основаниями, доказательства, подтверждающие каждое требование. К заявлению должны быть приложены необходимые документы, определяющие характер отношения сторон, их права и обязанности (договор, кассовый чек), а так же обязательно должна быть приложена претензия предъявленная перевозчику подтверждающая факт соблюдения досудебного урегулирования спора.

Выводы. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что помимо Закона РМ «О защите прав потребителей», существует целый ряд нормативных актов, которые детально регламентируют, а так же гарантируют пассажиру – потребителю защиту его права при пользовании услугами автовокзалов автомобильным транспортом. Действующее законодательство, гарантирующее и обеспечивающее защиту прав потребителей при перевозке пассажиров автомобильным транспортом основной задачей имеет обеспечение перевозки пассажиров в условиях безопасности и комфортности с целью избежания причинения гибели пассажирам или нанесения вреда здоровью, а так же утрату, недостачу, порчу или повреждение принятого к перевозке багажа

Литература:

- 1.Гражданский кодекс Республики Молдова № 1107-XV от 06.06.2002 года // Monitorul Oficial № 82-86 от 22.06.2002.
- 2.Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова № 225-XV от 30.05.2003 года// Monitorul Oficial №130-134 от 21.06.2013г.
3. Кодекс автомобильного транспорта № 150-XIV от 17.07.2014 года

//Monitorul Oficial № 247-248 от 15.08.2014.Дата вступления в силу: 15.09.2014

4.Закон Республики Молдова «О транспорте» № 1194 от 21.05.1997 года //Monitorul Oficial № 067 от 06.10.1997.

5.Закон Республики Молдова «О защите прав потребителей» № 105 от 13.03.2003 года // Monitorul Oficial № 176-181 от 21.10.2011.

6. Закон Республице Молдова «О подаче петиций» № 190 от 19 июля 1994 года //Monitorul Oficial № 6-8 от 24.01.2003, статья № 23.

7. Постановление Правительства Республики Молдова «Правила перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом» № 854 от 28.07.2006 года //Monitorul Oficial № 124-125 от 08.08.2006.П РМ №9 от 09.10.2006 года «О применении судебными инстанциями законодательства о возмещении морального ущерба // Бюллетень ВСП РМ №6, 2007 г., стр. 25.

9.Постановление Пленума ВСП РМ №7 от 09.10.2006 года «О практике применения законодательства о защите прав потребителей при рассмотрении гражданских дел» //Бюллетень ВСП РМ №7,2007, стр.20.

10. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга четвертая: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта - М.: Статут, 2006.

11. Гражданское право: Особенная часть: Учебное пособие / Г. Кибак, Т. Мишина, И. Цонова; Кишинэу: СЕР USM, 2006.

12.Мохова А.А. Гражданское право России (часть 1): Курс лекций: Учебное пособие. - Волгоград, 2003.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ

Виктория МАЗУР,

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Учебно-научного института права и психологи Национальной академии внутренних дел, г. Киев, Украина

SUMMARY

In the present article researched provisions relating to the commercialization of educational services and their influence on strategy of innovation development in Ukraine. Presents theoretical and legal analysis of the interpretation of “education service”, “commercialization of educational services”, “educational services market”, “business entities in the sphere of educational services”, “innovation education” and describes ways to apply of these terms in the implementation of economic activity.

Key words: education services, commercialization of educational services, educational services market, innovation development, innovation education, economic activity, producer of educational product, consumer of educational product, customer of educational product.

АННОТАЦИЯ

В представленной статье исследованы положения относительно коммерциализации образовательных услуг и их влияние на стратегию инновационного развития Украины, а также представлен теоретико-правовой анализ толкования содержания понятий «образовательная услуга», «коммерциализация образовательных услуг», «рынок образовательных услуг», «субъекты хозяйственной деятельности в сфере оказания образовательных услуг», «инновационное образование» и описаны пути применения данных понятий при осуществлении хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: образовательные услуги, коммерциализация образовательных услуг, рынок образовательных услуг, инновационное развитие, инновационное образование, хозяйственная деятельность, производитель образовательного продукта, потребитель образовательного продукта, заказчик образовательного продукта.

Постановка проблемы. Образование, без преувеличения, является одной из главных движущих сил социального импульса, мощным фактором развития человеческого потенциала и экономического роста. Для обеспечения обозначенного необходимым является не столько высокий уровень доступа населения к образованию, сколько качество образования, которое измеряется в объеме полученных когнитивных навыков. Анализ образовательного сектора развивающихся стран только доказывает этот факт: показатели качества образования в таких странах намного хуже, чем количественные показатели, которыми преимущественно отчитываются, в частности и в Украине [1]. Независимые наблюдатели указывают на низкую эффективность украинских образовательных заведений с точки зрения инновационных исследований и взносов таких исследований в мировой банк знаний [2], интеграции в международные образовательные и научные сети, мобильности преподавателей и студентов, связей с бизнесом и влияния на формирование национальной элиты, а также стимулирования соответствующего экономического и политического управления [3].

и науки к проблемам деятельности таких специфических образовательных учреждений, как высшие учебные заведения, поскольку именно они призваны обеспечить гражданам реальную возможность получения образования, доступа к ценностям отечественной и мировой научной мысли, культурного достояния современного общества.

Однако даже при наличии достаточно большого количества нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность образовательных учреждений и провозглашающих равноправный статус высших учебных заведений всех форм собственности, образовательные учреждения негосударственной формы собственности так и не обрели нормативную базу, которая дала бы им возможность в полной мере стать в один ряд с государственными учебными заведениями.

Актуальность темы. Переход экономики на рыночные принципы, развитие предпринимательской деятельности определяет необходимость усиления внимания законодателя

Создание механизма правового регулирования деятельности высших учебных заведений всех форм собственности, который будет учитывать и обеспечит достижение конечного результата - является главной целью деятельности этих организаций и будет способствовать удовлетворению образовательных потребностей граждан.

Закрепление в законодательстве Украины права каждого на получение образования в учебных заведениях (разных форм собственности), ставит перед наукой задачи разработки теоретических основ, а также необходимой жизнеспособной модели хозяйственно-правового регулирования их деятельности.

Новая парадигма развития современной мировой экономики заключается в том, что она безальтернативно базируется на знаниях и их постоянно растущем значении, которому постоянно способствуют и интенсивность информационного обеспечения, и возможность индивидуализации обслуживания, и прогрессирующая глобализация.

Эффективное использование интеллектуального потенциала нации обусловлено факторами, среди которых особое значение приобретают растущие объективно обусловленные требования клиентов, интенсивность конкуренции, правовые основы, инновационная политика государства, система образования, состояние и мощности научно-исследовательской инфраструктуры и прочие факторы, которые постоянно находятся в процессе развития в соответствии с изменениями в обществе. Очевидным является внедрение системы управления знаниями на уровне организации, региона, страны, что может повлечь соответствующие позитивные изменения относительно снижения расходов, сокращения времени получения информации, улучшения обслуживания клиентов, оптимизации

производственного цикла, снижения потерь интеллектуального капитала и тому подобное. Каждая из перечисленных составляющих пользы для организации может выступить потенциальным источником получения длительных конкурентных преимуществ. Такое утверждение базируется на особой характеристике капитала организации знаний, полноценно заменить который другими составляющими не представляется возможным.

Анализ последних исследований и результатов. Глубокое исследование разных аспектов правового регулирования деятельности в сфере образования как одной из составляющих инновационного развития с позиций хозяйственного, гражданского и административного права содержится в трудах В.П. Андрущенко, В.Б. Аверьянова, Ю.Л. Бошицкого, В.М. Коссака, С.В. Крисяка, Н.Н. Курко, П.С. Матвеева, В.К. Майбороды, С.В. Петкова, В.П. Петкова, В.С. Пикельной, Н.Г. Протасовой, Н.А. Саниахметовой, А.Х. Юлдашева и других ученых.

Анализ монографических и периодических источников информации относительно отмеченной проблематики показал, что в целом вопросы коммерциализации образовательных услуг в условиях инновационного развития Украины недостаточно освещены. При всей важности проведенных исследований сегодня в научных кругах нет четкого очерченного подхода до определения научных основ и направлений хозяйственно-правового регулирования деятельности в сфере предоставления образовательных услуг. Необходимо глубокое исследование понятия «коммерциализация образовательных услуг», «рынок образовательных услуг», «инновационное образование», «субъекты хозяйственной деятельности в сфере оказания образовательных услуг», а также последующее раз-

витие нормативно-правовой базы в сфере предоставления образовательных услуг. Как и каждое нововведение, каждая инновация - коммерциализация образования имеет свои плюсы и минусы. В нашей работе мы рассмотрим этапы коммерциализации системы образования и этапы формирования рынка образовательных услуг в условиях инновационного развития Украины. В связи с изложенным **целью** статьи является всестороннее рассмотрение факторов коммерциализации образовательных услуг в условиях инновационного развития Украины, а также анализ результатов исследований отдельных ученых для определения оптимального пути формирования рынка образовательных услуг и на этой основе разработку определений для обозначения некоторых понятий которые используются при регулировании предоставления образовательных услуг.

Научная новизна статьи заключается в идентификации перспектив и угроз относительно интеллектуального потенциала нации в контексте коммерциализации образовательных услуг и реализации стратегии инновационного развития, а также в теоретико-правовом анализе толкования содержания понятий «образовательная услуга», «коммерциализация образовательных услуг», «рынок образовательных услуг», «инновационное образование», «субъекты хозяйственной деятельности в сфере оказания образовательных услуг» и проблеме терминологического единства для применения данных понятий при осуществлении хозяйственной деятельности.

Изложение основного материала исследования. Всеобъемлющее распространение денежно-эквивалентного механизма предоставления образовательных услуг на почти всех этапах является одной из доминирующих тенденций, которая не только изменяет систему образования

в направлении ее коммерциализации, но и имеет прямую и непосредственную связь как с качеством учебно-методологического процесса, так и его материально-организационной составляющей. К сожалению, мы должны констатировать факт, что отмеченный аспект, в своем развитии не имеет четкой тенденции относительно взаимосвязи вышеупомянутых элементов как системно-создающих. Речь идет, прежде всего о том, что ни высокая цена просветительских услуг, ни ее «красивая обертка» в виде современно обустроенных академических помещений еще не является гарантией высококачественного продукта.

Следует отметить, что начало формирования «коммерциализационного акцента» в образовании имело место в конце прошлого века и постепенно эволюционировало в форму современного вида, где хозяйственные межгосударственные отношения по предоставлению образовательных услуг характеризуется ежегодным объемом продажи услуг в объеме около пятидесяти миллиардов долларов США, потребителями которых являются миллионы студентов, что в экономико-правовом смысле может восприниматься как возникновение принципиально нового вида экспортно-импортных взаимосвязей в виде купли-продажи образовательных услуг, что может быть темой отдельного, не менее актуального исследования. Как отмечает В. Александров отсутствие легального определения понятия «образовательная услуга» является «кричащим противоречием государственным управлением рыночным отношениям, ведь этот факт означает отсутствие того главного законодательства, которое регулирует отношения продавцов и покупателей на рынке образования» [4; с. 55].

Как определяет С. Николаенко «образовательная услуга» – это специфический товар, который

удовлетворяет потребность человека в приобретении определенных знаний, навыков и умений для их последующего использования в профессиональной деятельности [5; с.133].

Образовательные услуги – это нематериальные, а социальные блага, система знаний, информации, умений и практических навыков удовлетворения разнообразных образовательных потребностей и реализации личных способностей их потребителя [6; с.5].

Следует отметить, поскольку рыночная деятельность учебного заведения организована как процесс эффективной коммуникации имеет смысл рассмотреть в нашей работе подробнее основных субъектов рынка образовательных услуг и их особенности.

Итак, производителем образовательного продукта является, бесспорно, учебные заведения, в частности высшие учебные заведения.

Потребитель образовательного продукта – это непосредственный получатель продукции высшего учебного заведения – студент или потенциальный получатель продукции высшего учебного заведения – будущий студент.

Некоторые авторы считают потребителями также предприятия и организации, которые нанимают выпускников высших учебных заведений ([7; 8; 9]).

Потребитель формирует свой спрос (запрос, потребность) на продукцию высшего учебного заведения, который учебные заведения стремятся удовлетворить. Часть потребителей является непосредственными покупателями этой продукции.

Покупатель – это тот, кто принимает решение о приобретении образовательного продукта. Это, конечно, родители или сами студенты, которые избирают учебное заведение в зависимости от ряда требований и условий.

Заказчик – это субъект рынка образовательных услуг, который определяет требования к образовательным продуктам, к их качеству, содержанию и объему. Заказчиками являются непосредственные потребители и покупатели образовательного продукта, то есть студенты и их родители, а также посредники – предприятия и организации. Главным заказчиком, который определяет деятельность высших учебных заведений на рынке образовательных услуг – это государство. Государство в лице Министерства образования и науки, других государственных органов устанавливает требования к образовательным услугам в форме законов, нормативных актов, стандартов. Государство лицензирует и аккредитует высшие учебные заведения, проводит мониторинг качества их деятельности, определяет объем их финансирования и тому подобное.

Вернемся к межгосударственным отношениям по предоставлению образовательных услуг. И так, ежегодный объем продажи образовательных услуг около пятидесяти миллиардов долларов США. Отмеченное, подтверждается обнародованной информацией Мировой организации торговли, по оценкам которой емкость мирового финансового рынка образования достигает 50–60 млрд. долларов. Стойким лидером в этом сегменте являются США, которые предоставляют услуги на почти четверть мирового финансового образовательного оборота. Второе место за объемом продаж образовательных услуг занимает Великобритания – около 15 процентов. Дальше идут Германия и Франция, каждая из которых имеет около 10 процентов рынка. Завершают лидерский список Австралия, Канада и Испания, которые обслуживают по 7–8% рынка каждая. [10; с.137]. В контексте обозначенного, уместно будет отметить неоправданно скромное (на наш взгляд) место украинского образования в этом

сегменте (0,1 - 0,3 процента мирового финансового рынка) – что может восприниматься, как одно из свидетельств неконкурентоспособности нашего образования в плоскости всеобъемлющей коммерциализации предоставления образовательных услуг. Однако, все вышесказанное не следует воспринимать, как главный, а тем более, как системно-создающий критерий.

В известной мере это соотносится с нынешней ситуацией в Украине, в которой гражданское общество может чувствовать (и это доказали последние события 2013-2014 гг.) себя как субъект с выраженным чувством достоинства, независимым от государства, открыто провозглашая свои интересы, которые могут быть самостоятельными во второстепенном, однако совпадать с интересами государства в главном, отстаивая их. Однако, ослабленная роль государства в регулировании и контроле тенденций, которые влияют на развитие актуальных направлений, проявляется в разрушении единственной, монолитной системы, которая уничтожает саму основу существования и функционирования единого образовательного пространства. Это является отличием нового этапа развития системы образования, которую мы уже можем легально называть «рынком образовательных услуг».

Хотя на приоритет формирования образовательного пространства указывают все современные законодательные и нормативные документы (кодексы, законы, указы Президента, подзаконные акты в форме постановлений Правительства, приказов центральных органов исполнительной власти и тому подобное), наиболее регламентируют осуществление инновационной деятельности нормы Конституции Украины [11], Хозяйственного кодекса Украины [12], Законы Украины «Об инновационной деятельности» [13], «О приоритетных направ-

лениях инновационной деятельности в Украине» [14], «О специальном режиме инновационной деятельности технологических парков» [15], «Об образовании» [16], «О высшем образовании» [17]. В ст. 325 Хозяйственного кодекса Украины [12] отмечается, что инновационной деятельностью в сфере хозяйствования является деятельность участников хозяйственных отношений, что осуществляется на основе реализации инвестиций с целью выполнения долгосрочных научно-технических программ с длительными сроками окупаемости расходов и внедрения новых научно-технических достижений в производство и другие сферы общественной жизни. В ч. 1 ст. 1 Закон Украины «Об инновационной деятельности» [13] содержится легальное определение инновационной деятельности как деятельности, направленной на использование и коммерциализацию результатов научных исследований и разработок, что предопределяет выпуск на рынок новых конкурентоспособных товаров и услуг. Как отмечает Т.С. Яворенко, опираясь на определение «инноваций», согласно с Законом Украины «Об инновационной деятельности», «инновации в сфере образования или образовательные инновации» можно трактовать как вновь созданные (примененные) и (или) усовершенствованные конкурентоспособные технологии, продукция или услуги, а также организационно-технические решения производственного, административного, коммерческого или другого характера, которые существенно повышают качество, эффективность и результативность учебно-воспитательного процесса. При этом, основными элементами «образовательной инновации» является ее носитель (творческая личность), которая имеет определенную инновационную идею (ядро инновации) и проводит инновационный эксперимент (ис-

точник инновации); потребитель инновации - ученик или группа студентов, слушателей (которые добывают знание из определенного направления); а также институции, которые обеспечивают внедрение инноваций в учебный процесс (заведения образования; научные, методические, научно-методические учреждения; научно-производственные предприятия; государственные и местные органы управления образованием и самоуправление в отрасли образования) [18; с. 215].

И так, можно отметить, что образование является фундаментом национальной инновационной системы. Невзирая на существенные переоплощения украинской науке удалось сбросить полноценную по секторальным разрезам структуру (академический, отраслевой, вузовский и заводской сектора науки), унаследованную от СССР. По структурной наполненностью в Европе Украину опережают лишь Франция, Великобритания, Германия и Россия. Однако, самым важным обстоятельством сегодня остается обеспечение подготовки надлежащего количества инженерно-технических кадров. Обеспечение эффективной охраны объектов интеллектуальной собственности в Украине, надлежащая охрана прав их авторов и легитимных владельцев также тесно связаны с формированием высококвалифицированных кадров в этой отрасли, в первую очередь работников правоохранительных органов, судей, государственных инспекторов в сфере интеллектуальной собственности, патентных поверенных и тому подобное. Решить проблему возможно путем предоставления специальных знаний, подготовки по государственному заказу специалистов по вопросам интеллектуальной собственности для органов государственной власти и заведений образования, науки, культуры государственной формы собственности. Развитые страны уделяют этим вопросам

надлежащее внимание, выделяют значительные средства на образование, подготовку педагогических кадров [19; с.17].

Сегодня рынок образовательных услуг формируется всеми ступенями образования: дошкольного, общего среднего, внешкольного образования, профессионально-технического, высшего, последиplomного, аспирантуры, докторантуры и наконец самообразования (ст. 29 ЗУ «Об образовании») [16].

Как обозначалось выше, каждая инновация, коммерциализация образования имеет плюсы и минусы. Предлагаем рассмотреть этапы коммерциализации системы образования и этапы формирования рынка образовательных услуг в условиях инновационного развития Украины.

1. Формирование рынка образовательных услуг

Мир переходит к новому отношению и оценке уровня образовательного стандарта.

Анализ тенденции постепенного спада государственной монополии на планирование и контроль за образованием в целом подтверждает внедрение государством новых, «модернизированных» путей, направленных в поддержку системы образовательных заведений. Такие инициативы можно классифицировать по направлениям:

- те, что создают условия для свободной конкуренции на рынке образовательных услуг - как потребителей определенных услуг, так и образовательных заведений за определенный тип потребителя;

- те, что направлены на реорганизацию структурного подчинения - регионализация, формирование муниципальной системы финансирования, многоканальное финансирование, создание сетей независимых и частных образовательных заведений;

- те, что непосредственно направлены на изменение субъектного состава в контексте узкой

специализации, как то элитные и узкоспециализированные заведения;

- те, что способствуют проявлению инициативности и активизируют самих субъектов к самостоятельному самоопределению, формулировке своей специфики и поиску «социальной ниши».

Вместе с тем, изменение специфики осуществления государственного контроля в сфере образования не дает безапелляционных оснований утверждать, что государство перестает рассматривать образование как основного поставщика работников и специалистов, как кадровый резерв, обеспечивающий необходимый прогресс в жизненно важных отраслях. Ведь опыт развитых в экономическом смысле стран подтверждает большое значение для любого геополитического и социального образования высококвалифицированных кадров, которые и обеспечивают позитивную динамику развития.

2. Коммерциализация образования

Конкуренция стала новой институцией в постсоветском периоде в системе украинского образования и одной из главных факторов ее коммерциализации, на которую не без основания возлагаются задания оптимизации деятельности образовательных учреждений и повышения качества образовательных услуг.

2.1. Коммерциализация общеобразовательных услуг

Конкуренция общеобразовательных учреждений содержит в себе два взаимозависимых компонента: экономический и символический:

- экономическая борьба на поле конкуренции осуществляется с помощью набора предложенных платных образовательных услуг и повышения уровня цены на них;

- символическая проявляется в конструировании общеобразовательными учреждениями собственного имиджа и актуализа-

ции качества, привлекательного их целевой аудитории.

Но, невзирая на все недостатки и риски конкурентной борьбы система коммерциализованного общего образования сегодня может быть функциональной, поскольку она выступает в роли катализатора замещения административной модели управления в общеобразовательных учреждениях на «менеджереальную».

Государство, реализуя стратегию коммерциализации, предоставляет самую сильную степень влияния для формирования конкурентного поля образовательных услуг по принципу «деньги идут за учеником» и порождает значимость каждого студента как источника финансовых средств.

2.2. Коммерциализация высшего образования

Прикладная наука может выступить производительной силой лишь при условии ее структурных преобразований, в основе которых должна находиться инициативность к воплощению инновационных и прогрессивных методов и преодоления следующих «ограничений»:

- ограничение осуществления самостоятельной инновационной деятельности, то есть коммерциализация науки и образования, что имеет проблемный характер в научных и учебных организациях теоретического профиля;

- ограничение продвижения финансовых активов к легальному сектору реальной экономики, производству нематериального актива и повышения стоимости предприятий можно охарактеризовать по таким двум критериям:

- а) общей прикладной направленностью науки и образования;

- б) многопрофильностью, учитывая, что нематериальные активы и развитие промышленных предприятий осуществляется обычно «с конца» прикладных направлений.

При ожидаемом общем позитивном эффекте коммерциализации

зации образовательных услуг не стоит забывать и о негативных сторонах коммерциализации, которыми в частности являются следующие:

- катастрофическая потеря престижности науки и системы образования;

- есть определенные недостатки и в сфере среднего образования. Здесь преобладает количество знаний за их качеством. К сожалению, уже есть исследования, которые убеждают, что все это, напротив, ведет к деградиционным процессам.

Выводы. Конечно, может казаться, что минусов в вопросах коммерциализации образования намного больше чем плюсов. Однако соотношение негативного и позитивного влияний зависит от субъективного мнения конкретного человека, который дал оценку управленческому решению то ли государства, то ли администрации учебного заведения.

По сравнению с непосредственной выгодой, которую приносит коммерческая деятельность, много из ее минусов кажутся очень весомыми, поскольку они вредят не отдельному университету, а тем ценностям, которые он разделяет со всеми высшими учебными заведениями, - такие как доверие общества к объективности научной экспертизы или свободный обмен мнениями между учеными.

В то же время, коммерциализация ведет к расширению рынка образовательных услуг, учитывает запросы современного общества как со стороны абитуриента так и со стороны потенциального работодателя.

Следует заметить, что кроме процесса разработки инноваций в образовании необходимым является обеспечение их внедрения, усвоения и последующего сопровождения. Следовательно, перспективами последующих разработок в данном направлении является разработка методологии организации инновационных

процессов в сфере образования и управления ими.

Вышеупомянутое позволило сформулировать авторское определение понятия «инновационное образование», а именно: «Инновационное образование» - это конкурентоспособный, принципиально новый алгоритм образовательно-педагогического направления, который качественно повышает эффективность учебно-научного процесса, осуществляется субъектами предоставления образовательных услуг и направленный на внедрение новых научно-технических достижений в производство и другие сферы общественной жизни.

Все вышеупомянутое также определяет необходимость новейшего освещения термина «образовательные услуги».

Образовательные услуги – это услуги подлежащие лицензированию и являющиеся специфическими нематериальными благами, которые предоставляются потребителю для удовлетворения образовательных потребностей и составляют взаимную заинтересованность общества и потребителя в их последующем использовании.

Таким образом, образовательные услуги являются специфическими относительно других нематериальных благ, потому что последствия от потребления этих услуг являются благом не только для индивида, но и для экономики и общества в целом.

Список использованной литературы:

1. E. Hanushek, and L. Wößmann, The Role of Education Quality for Economic Growth, *World Bank Policy Research Working Paper*, Vol. 4122, 2007, Available in: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/7154/wps4122.pdf?sequence=1>.
2. The Scimago Institutions Ranking, the SIR World Reports 2012, Available in: http://www.scimagoir.com/pdf/sir_2012_world_report.pdf.
3. J. Parusinski, Ukraine's Higher Education Institutions: Fighting isolation, *European Focus*, No. 7, 2010, Available in:

http://www.icps.com.ua/files/articles/56/10/EF_7_2010_ENG.pdf.

4. Александров В. Образовательная услуга // Экономика Украины. – 2007. – №3 - с.53-60.

5. Николаенко С. Рейтинговые системы – составляющие национального мониторинга качества более высокого образования// Высшая школа. – 2007. - №4. – с.3-14.

6. Каленюк И.С. Экономика образования: Учебное пособие – К.: Знание Украины, 2003. – 316 с.

7. Сагинова О.В. Маркетинг образовательных услуг / О.В. Сагинова // Маркетинг в России и за рубежом. – 1999. – № 1(9). – С.48-59.

8. Маркетинг образовательных услуг // Менеджмент в дистанционном образовании : учебный курс / гл. редактор Бендова Л.В. – М., 2008. – 108 с.

9. Лившина В.В. Формирование системы менеджмента качества в монография / В.В.Лившина, Э.С. Бука. – Красноярск : СибГТУ, 2004. – 324 с.

10. Бок Д. Плюсы и минусы коммерциализации. Социология образования: Хрестоматия / Сост. Р.Н. Абрамов. М.: Высшая школа экономики, 2008. – С.128-140.

11. Конституция Украины от 28.06.1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.

12. Хозяйственный кодекс Украины от 16.01.2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/436-15>.

13. Закон Украины «Об инновационной деятельности» от 04.07.2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/40-15>.

14. Закон Украины «О приоритетных направлениях инновационной деятельности в Украине» от 16.01.03 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3715-17>.

15. Закон Украины «О специальном режиме инновационной деятельности технологических парков» от 16.07.1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/991-14>.

16. Закон Украины «Об образовании» от 23.05.1991 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1060-12>.

17. Закон Украины «О высшем образовании» от 17.01.2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2984-14>.

18. Яворенко Т.С. Виды инноваций в образовании и их классификация // Вестник Днепрпетровского университета. Серия «Экономика». – 2012. - Вып. 6(4). – С. 214 – 220.

19. Матвеев П. С. Европейская интеграция в контексте правового обеспечения формирования и реализации национальной инновационной системы Украины / П. С. Матвеев // Problemy wspolczesnej edukacji (Польша). – 2013. – № 9. – С.13–22.

EPECTELE NEGATIVE ALE MASS-MEDIEI

Nicolae TERZI,
doctorand ULIM

SUMMARY

The largest distributors of information are the media sources that through a considerable palette of means get information to the consumers that do not always respect the rule of accurate information, the veracity of the disseminated information. Newspapers, radio and television are likely to exert a tremendous influence on public opinion, and their misuse can bring significant harm to individual rights and freedoms as well as to the public life conducted on the democratic bases.

Keywords: media; mass communication; dissemination of information; honor; dignity; professional reputation; opinion manipulation; false information; value judgments

REZUMAT

Cei mai mari distribuitori de informații sînt sursele mass-media, care, printr-o paletă considerabilă de mijloace, difuzează informații către consumatori, dar care nu întotdeauna respectă regula de informare corectă, veridicitatea informațiilor răspîndite. Ziarele, radioul și televiziunea sînt susceptibile de a exercita o influență foarte mare asupra opiniei publice și abuzul lor poate aduce prejudicii semnificative drepturilor și libertăților individuale, precum și desfășurării vieții publice pe baze democratice.

Cuvinte-cheie: mass-media; comunicare în masă; difuzare-propagare a informației; onoare; demnitate; reputație profesională; manipulare a opiniei; informații false; judecăți de valoare

Introducere. Pentru a dezvolta democrația pluralistă, statul trebuie să asigure un șir de principii în baza cărora se dezvoltă diversitatea opțiunilor și programelor politice de guvernare a țării, să organizeze activitatea transparentă a guvernanților și a tuturor autorităților publice, găsindu-și concretizare în exprimarea diversităților concepțiilor și opiniilor care se stabilesc între individ și stat în raporturile care se derulează între membrii societății și diverse instituții statale și nestatale.

Totuși, multiple rapoarte de monitorizare a situației în domeniul libertății de exprimare evidențiază o serie de probleme, în special legate de stabilirea conținutului libertății de exprimare, interpretarea restricțiilor autorizate în exercitarea libertății de exprimare, aplicarea corectă de către magistrați a dispozițiilor legale în materie potrivit jurisprudenței Curții Europene a Drepturilor Omului. Se impune un studiu profund, ce ține de gradul de compatibilitate a prevederilor legale în materia libertății de exprimare cu normele Constituției, pe de o parte, iar pe de altă parte – a compatibilității Convenției Europene pentru Apărarea Drepturilor Omului și a libertăților fundamentale cu Legea fundamentală a țării.

Este necesar de menționat că libertatea de exprimare a opiniei protejează nu doar informația și

ideile care sînt populare, convenabile, necontroversate, dar și acelea care pot ofensa, șoca sau deranja. Acest drept protejează atît conținutul ideilor și informației exprimate, cît și forma în care acestea sînt împărtășite.

O societate democratică are nevoie de un sistem de comunicare, un sistem prin intermediul căruia să se distribuie și să se facă schimb de mesaje între oameni. Acest rol îl joacă mass-media, care asigură circulația informațiilor, opiniilor și atitudinilor considerate a avea semnificație socială, contribuie la cristalizarea și apoi la răspîndirea opiniei publice.

Mass-media cuprinde toate mijloacele de propagare a informației: televizor, presă, radio și internet. Toate aceste categorii au modalitatea proprie în a influența opinia publică. Televiziunea se folosește de imagine video, sunet și culoa-

re, prin care oamenii pot vizualiza informațiile. Radioul este mai limitat în acest sens, acesta rezumîndu-se la propagarea informației doar prin sunet și tonalitatea vocii sau a muzicii. Presa scrisă se rezumă doar la pagini scrise și eventual însoțite de imagini care confirmă cele scrise. Cele mai multe oportunități le oferă Internetul, fiind o rețea internațională care se extinde cu un milion de noi utilizatori în fiecare lună.

Așadar, sursele informaționale *mass-media* sînt instrumentele principale prin care informația se propagă. Aici însă apar unele probleme ce țin de regula informării corecte, de veridicitatea informației difuzate. Dezvoltarea tehnicii moderne în domeniul mijloacelor de comunicare în masă, menționează prof. Tudor Drăganu, a făcut ca dreptul constituțional să fie confruntat cu probleme de reglementare deosebit de complexe, în special în legătură cu presa scrisă, cu transmisiile radio și televiziune care sunt de natură să exercite o influență imensă asupra opiniei publice. Astfel, utilizarea lor abuzivă poate aduce importante prejudicii drepturilor și libertăților individuale, precum și desfășurării pe baze democratice a vieții publice [1, p. 175].

Putem susține că în prezent mass-media inundă cu atacuri mediatice, cu agresivitatea informațiilor. În această ordine de idei, considerăm că are dreptate Maria-Cristina Faraon, când susține că în absența unei educații în ceea ce privește media, aceasta nu va face parte din potențialul vieții ca factor de progres ce poate ajuta la ridicarea calității standardelor culturale și sociale ale vieții, ci va fi un mijloc de dominare și manipulare, având consecințe negative asupra personalității umane, comportamentelor și atitudinilor. Agresivitatea manifestată prin violență oferită de mass-media, care de fapt reflectă realitatea, este alarmantă. Agresivitate înseamnă instalarea fricii și dominarea victimei, abuzatorul preluând controlul, dezinformând, urmărindu-și scopul în mod subtil sau fățiș.

Relația dintre mass-media și procesul dezvoltării personalității copiilor a stîrnit numeroase controverse, deoarece influențele exercitate asupra lor sînt foarte puternice. Dacă adulții dispun de un fond spiritual relativ cristalizat și, în consecință, pot evita relativ ușor potențialele efecte negative, copii, aflîndu-se în plin proces de maturizare intelectuală, afectivă, morală sau civică, pot fi influențați negativ [15].

Din aceste considerente, se face necesară o analiză științifică a organizării și respectării dreptului fundamental de exprimare liberă a opiniei în Republica Moldova, pentru o cunoaștere mai profundă a multiplelor probleme teoretice și practice privind organizarea eficientă a drepturilor fundamentale, în special dreptul la libera exprimare a opiniei, precum și stabilirea unui cadru legislativ adecvat care ar contribui la evitarea dezinformării opiniei publice prin diferite surse media.

Pe lîngă avantajele pe care le oferă mass-media – de a cunoaște și a vedea lucruri, de a ajuta oame-

nii să înțeleagă diverse lucruri sau de a-i informa cu știrile de ultimă oră–, aceasta are și dezavantaje:

- Mass-media poate fi utilizată ca mijloc de influență în masă a opiniei publice (de ex., campaniile electorale, campanii privind aplicarea anumitor programe de sănătate sau medicamente etc.).

- Induce panică în rîndurile populației prin știri negative, asociate cu un fundal muzical potrivit, pentru a sensibiliza publicul (de ex., o știre despre o inundație, prezentată pe fundalul unei melodii de jale etc.).

- Desensibilizează populația prin combinarea rapidă a știrilor tragice cu spoturi publicitare sau alte știri de divertisment (de ex., se prezintă o știre despre victimele unui cutremur pe fundalul unei melodii tragice, iar în următoarele secunde se face reclamă la pasta de dinți etc.). Trecerea de la un subiect la altul atît de rapid, neoferind omului posibilitatea de a gîndi în profunzime duce la o desensibilizare a oamenilor în masă, aceștia ajungînd la un moment dat să creadă că tot ceea ce se întîmplă este normal.

- Expunerea populației la imagini din ce în ce mai imorale sau violente (deși toate emisiunile sînt categorisite și însemnate prin cercuri, pătrare, simboluri etc., aceasta nu schimbă conținutul lor. Dacă acum 10-15 ani nu existau emisiuni care să conțină imagini obscene, astăzi pînă și vremea este prezentată de domnișoare îmbrăcate sumar (politicos spus). Îngrijorează abundența filmelor în care crimele sînt la ordinea zilei, iar secvențele de groază sînt ceva obișnuit, aceasta ducînd la acceptarea imoralității din ce în ce mai ușor.

- Pornografia este o altă gaură neagră a mass-mediei. Chiar dacă ziua copiii vizionează desene animate inocente, o pauză de reclamă în care se redau imagini indecente expune un copil suficient de mult pentru a-i influența gîndirea încă de

mic. Dar și desenele animate devin tot mai violente și sînt difuzate la orice oră.

- Educarea subtilă a populației privind adevărul relativ și viața în care orice este posibil și permis (adevărul relativ duce la conceptul cum că nu există nimic perfect, iar Biblia nu este un adevăr absolut, ci unul relativ. Acest lucru face ca populația să fie educată fără limite morale, astfel oamenii ajung să creadă că totul este permis, după propria conștiință, fără urmarea anumitor valori morale).

- Evadarea din realitate – petrecerea excesivă a timpului în fața mijloacelor mass-media, pentru a uita de realitatea vieții cotidiene, fenomen observat mai ales printre adolescenți. De asemenea, s-a constatat că numărul sinuciderilor în rîndul consumatorilor de telenovele crește după ce personajul preferat din telenovelă se sinucide.

Rezultate și discuții. Stilul de viață alert a facilitat accelerarea fluxurilor de informații ierarhizate conform unor criterii deformatoare. Șocantul, senzaționalul sau absurdul au început să guverneze interesul societății actuale, care de dragul ratingului sau în lipsa unei educații sau culturi media, valorizează insignifiantul și nonvaloarea, adoptînd un comportament iresponsabil în ceea ce privește interpretarea și utilizarea informației. Decăderea esenței în favoarea aparenței pare a ghida interiorizarea și prelucrarea artefactelor media. De aceea poate actul vederii este uneori unul periculos. Și poate de aceea, a vedea nu înseamnă, întotdeauna, a ști. Și poate de aceea, adeseori, a citi nu poate fi echivalent cu a înțelege [2].

Cu regret, sînt frecvente cazurile în care informația, fără a atinge *onoarea, demnitatea și reputația profesională*, poate fi denaturată prin intermediul criticii, prin manipularea opiniei, prin dezinformare, prin ascunderea adevărului, prin sondaje de opinii sau chiar prin

tăcere. Trebuie să recunoaștem că aceste mijloace, din pacate, sînt și principalele mijloace de dezinformare, manipulare a opiniei, ascundere a adevărului.

Mass-media a fost dintotdeauna acuzată de inducere în eroare, deturnare a adevărului, exagerare sau încercare de înșelare. De-a lungul istoriei sale, consideră Alexandru Necșuleu, mass-media a mers permanent alături de erori de tot felul, știri false și mistificări [3].

Florentin Tucă relevă că, nu în puține cazuri, în „numele” libertății presei, viața particulară a persoanei a fost tratată ca bun public, iar demnitatea și onoarea acesteia – ca simplu mof. În numeroase situații, instigarea la ură etnică sau rasială a dobîndit aura unui emoționant îndemn patriotic, în timp ce mitocănia și injuriile scrise au fost privite ca scuzabile tabieturi de autor de pamflete. În „numele” aceluiași principiu, moartea unei mame, de inimă rea, pentru acuzațiile injuste aduse fiului său a trecut neobservată, ca „pagubă colaterală” a „raidurilor” presei libere, iar etichetarea unor oameni onești drept trădători și a unor cărturari drept analfabeți pare acceptată cu îngăduință și resemnare [4].

Pornind de la ideea de libertate a presei, Nae Ionescu identifică cîteva implicații reale și uneori paradoxale legate de aceasta în articolul intitulat „Funcția națională a presei”, în care autorul vorbește despre unele acțiuni ale presei care o fac pe aceasta să își piardă menirea, în speță lipsa de obiectivare a datelor realității prezentate confuz, exagerarea inutilă a unor evenimente fără nicio relevanță de interes public. În acest sens, Nae Ionescu vorbește chiar de nevoia trasării unor reguli prestabilite, care să limiteze exagerările presei [5, p. 290].

La impactul negativ al radioului și televiziunii se referea și prof. Tudor Drăganu, cînd spunea că în cadrul emisiunilor de radio și televiziune publicul este redus

la un rol pasiv. Dacă la o întrunire sau la o conferință, participanții pot aplauda, huidui sau chiar întrerupe pe vorbitor, în cazul emisiunilor de radio și televiziune ei sînt condamnați să tacă și să înghită. Reieșind din aceste împrejurări, ca și din numărul aproape nelimitat al ascultătorilor sau spectatorilor posibili, radiodifuziunea și televiziunea ascund în ele un potențial imens de influențare a opiniei publice care, dacă ar fi la îndemîna oricui, ar putea deveni un pericol pentru ordinea publică și bunele moravuri [1, p. 180].

Comunicarea de masă a devenit deosebit de importantă în politică și în activitatea de guvernare a societății, datorită posibilităților oferite pentru informarea și influențarea milioanelor de cetățeni, ceea ce a determinat ”o anumită estompere a formelor tradiționale de comunicare politică” [6, p. 167]. Partidele politice, îndeosebi cele care se află la guvernare, dar și cele din opoziție, se află mereu în competiția de dezinformare, manipulare a publicului, creînd opinii favorabile activității lor sau ideologie pe care o promovează.

Explicînd pericolele pe care le pot declanșa sursele mass-media, Mihai Coman susține că mesajele ajung direct la receptor, nefiltrate de vreun factor social (individ, grup, organizații etc.) sau cultural (tradiții, sisteme simbolice, concepție despre lume), ceea ce a sugerat denumirea acestei teorii prin sintagma ”flux într-un singur pas” (”one step flow”). Conform acestei interpretări, de îndată ce mesajul „atinge” receptorul, declanșează o reacție uniformă, la fel cum un stimul extern declanșează în corpul omenesc reacții senzoriale spontane, motiv pentru care, în unele lucrări de specialitate, această concepție este numită *teoria acului hipodermic*. Expresia vine să sublinieze, prin metafora senzorială, iluzia că:

a) mesajele presei penetrează

conștiința receptorului cu ușurința cu care un ac străpunge pielea;

b) ele generează un răspuns imediat, rapid și necontrolat rațional, analog celui provocat de o împunsătură.

O altă sintagmă – ”teoria glonțului magic” –, propusă de Melvin De Fleur (1982), scoate în evidență o nouă caracteristică a acestor cercetări, și anume ideea că, pătrunzînd atît de ușor în conștiințe, mesajul presei ar fi un instrument „vrăjit” pentru modelarea opiniei publice. Astfel, „glonțul magic” reprezentat de mass-media ar funcționa ca un declanșator de comportament social „programat”, fiind de ajuns o campanie de presă bine „construită” pentru a se obține imediat orientarea atitudinii și comportamentului publicului în direcția dorită [7, p. 87].

Din aceste considerente, manipularea opiniei trebuie tratată ca o acțiune periculoasă care, în ultimă instanță, poate produce conflicte sociale și politice enorme. Referindu-ne la manipularea opiniei, trebuie să menționăm că aceasta este un proces de *influențare a maselor*, de manipulare astfel încît acestea să accepte realizarea scopurilor unor persoane sau grupări, inclusiv a unor autorități statale care urmăresc anumite scopuri ce vin în contradicție cu reglementările normelor dreptului internațional la care statele respective au aderat.

Un sistem rafinat de manipulare prin intermediul mass-mediei presupune trei factori:

1) tendința de control din partea puterii;

2) păstrarea aparenței de libertate a acesteia (imperativ absolut necesar pentru definirea unei societăți democratice);

3) cerințele comerciale care influențează orice media.

În linii mari, o definiție „cuprinzătoare” a manipulării o regăsim la Ștefan Buzarnescu, care susține că manipularea este o acțiune de a determina un actor social (persoană,

grup, colectivitate) să gîndească și să acționeze într-un mod compatibil cu interesele inițiatorului, iar nu cu interesele sale, prin utilizarea unor tehnici de persuasiune care distorsionează intenționat adevărul, lasînd însă impresia libertății de gîndire și de decizie. Spre deosebire de influența de tipul convingerii raționale, prin manipulare nu se urmărește înțelegerea mai corectă și mai profundă a situației, ci înocularea unei înțelegeri convenabile, recurgîndu-se atît la inducerea în eroare cu argumente falsificate, cît și la apelul la palierele nonraționale. Intențiile reale ale celui care transmite mesajul rămîn insesizabile primitivului acestuia [8, p. 58].

Prin această definiție trebuie să înțelegem că manipularea reprezintă, de fapt, o acțiune prin care se încearcă schimbarea opiniilor, atitudinilor și comportamentelor unei persoane sau ale unui grup social în vederea atingerii unor scopuri dorite de către altcineva (persoane, grupuri, organizații, autorități), fără exercitarea forței și lăsînd impresia că această schimbare este o decizie liberă [9].

Tehnicile de manipulare sînt dintre cele mai diverse, consideră cu bună dreptate V. Miroiu, de la foarte simple la extrem de sofisticate, de la cele cu efecte imediate pînă la cele ale caror urmări se văd după ani de zile sau chiar după decenii, de la unele utilizate pentru influențarea unei anumite persoane, într-o anumită împrejurare, pînă la altele axate pe remodelarea întregii societăți [10].

Evenimentele care s-au desfășurat în primăvara anului 2014 în estul Ucrainei demonstrează că denaturarea informației și manipularea opiniei de către autoritățile oficiale și sursele de informare în masă ale Rusiei au fost îndreptate împotriva integrității teritoriale, a suveranității și independenței Ucrainei. Deși Rusia este semnatară tuturor Convențiilor și Pactelor

internaționale în care sînt prevăzute obligațiile de a respecta suveranitatea, independența și integritatea teritorială a altor state, precum și dreptul oamenilor la informație corectă și veridică, totuși aceste reglementări au fost încălcate în modul cel mai grosolan și agresiv de autoritățile ruse, ceea ce a declanșat sancțiuni bine meritate din partea SUA, a UE, precum și a altor state democratice.

În concluzie putem identifica următoarele elemente necesare manipulării:

- existența intenției de a schimba opinii, atitudini, comportamente;
- intenția atingerii altor scopuri decît cele ale persoanelor manipulate;
- neutilizarea forței, pentru a lăsa impresia libertății de acțiune;
- utilizarea instrumentelor mass-mediei și de altă natură în scopul manipulării.

Dezinformarea este și ea un mecanism de manipulare ce reprezintă orice intervenție asupra elementelor de bază ale unui proces comunicațional, care modifică deliberat mesajele vehiculate, cu scopul de a determina la receptori (numiți *ținte* în teoria dezinformării) anumite atitudini, reacții, acțiuni dorite de un anumit agent social. Acesta din urmă nu trebuie să fie neapărat dezinformatorul, el poate fi o instituție, o organizație etc. [11].

Ceea ce deosebește dezinformarea de alte tipuri de comunicare este caracterul deliberat al acțiunii și lansarea în circuitul informațional a unor informații parțial adevărate în conjugarea lor cu afirmații false, fără indicarea vreunei surse care ar putea fi verificabilă pentru autenticitatea celor emise. Cercetările de teren au demonstrat că rezultatele cele mai eficiente se înregistrează în domeniul mass-mediei, unde dezinformarea poate atinge frontal toate segmentele de opinie ale spațiului social.

În mare parte, locuitorii Moldovei, în special cei din regiunea transnistreană, sînt informați preponderent din surse străine (emisiuni retransmise din exterior, în special din Rusia). În regiunea transnistreană, în majoritatea zonelor, locuitorii nu au acces la sursele de informare alternative din restul teritoriului Moldovei. În schimb la Tiraspol este bine pus la punct un sistem de dezinformare și manipulare a maselor prin intermediul surselor mass-mediei proprii [12, p. 33].

În acest context, am dori să exprimăm o opinie extrem de importantă, în viziunea noastră. Articolul 34 din Constituția Republicii Moldova stabilește că autoritățile publice, potrivit competențelor ce le revin, sînt obligate să asigure informarea corectă a cetățenilor asupra treburilor publice și asupra problemelor de interes personal. Deoarece articolul menționat operează cu noțiunea de ”informare corectă”, trebuie să înțelegem că orice informații care deviează de la realitatea acțiunilor care au avut loc, sau le denaturează, le interpretează într-un anumit fel, care ar justifica sau pune în avantaj sau dezavantaj guvernarea sau unele autorități publice, pot fi calificate ca neconstituționale, iar autorii acestor *informări incorecte* sau *dezinformări* ar trebui să poarte și o anumită răspundere.

La acest capitol, legislația Republicii Moldova nu conține reglementări prin care autoritățile publice sau conducătorii acestora, sau persoanele responsabile de difuzarea informațiilor ar fi pasibilele de sancționat penal, contravențional sau disciplinar în cazul în care au denaturat informația, deviind de la reglementarea constituțională ”informarea corectă”, ceea ce justifică nevoia trasării unor reguli prestabilite care să limiteze exagerările presei.

Regula informării corecte se referă nu numai la autorități, ci și

la alte categorii de persoane, altele decât autoritățile publice, care difuzează informații. Întrădeavăr, cei mai mari difuzori de informații sînt sursele media care, printr-o gamă considerabilă de mijloace, duc informația către consumatori. Totodată, analizînd efectele juridice ale aplicării dispozițiilor internaționale în materia drepturilor omului, observăm că libertatea de exprimare are atît o direcție verticală, întrucît ea trebuie respectată de instituțiile ierarhic superioare ale statului, cît și o direcție orizontală, care se referă la ceilalți indivizi care se manifestă în cadrul unei societăți [13].

Parlamentul European a demonstrat o preocupare constantă pentru apărarea și promovarea pluralismului mediatic, susținînd că pluralismul și informarea dintr-o varietate de surse, precum și accesul la o gamă largă de informații de calitate, sînt condiții necesare pentru comunicarea democratică într-o societate deschisă și democratică [14]. Vom evidenția aici sintagma utilizată în documentul Uniunii Europene – ”informații de calitate”. Menționăm că nu există un etalon, un standard al noțiunii *informații de calitate*. Deci, fiecare stat trebuie el însuși să stabilească criteriile informației de calitate, prin *calitate* avînd în vedere, în primul rînd, veridicitatea informației care se difuzează.

Concluzii

1. Articolul 34 din Constituția Republicii Moldova stabilește că autoritățile publice, potrivit competențelor ce le revin, sînt obligate să asigure informarea corectă a cetățenilor asupra treburilor publice și asupra problemelor de interes personal. Deoarece articolul menționat operează cu noțiunea de ”informare corectă”, trebuie să înțelegem că orice informații care deviază de la realitatea acțiunilor care au avut loc, sau le denaturează ori le interpretează într-un anumit fel care ar justifica sau ar pune în avantaj sau dezavantaj guvernarea

sau unele autorități publice, pot fi calificate ca neconstituționale, iar autorii acestor *informări incorecte* sau *dezinformări* ar trebui să poarte și o anumită răspundere.

2. Industria audiovizuală, alături de celelalte industrii culturale, este considerată, la nivelul Uniunii Europene, o parte vitală a identității europene și o sursă de creativitate care trebuie să configureze dezvoltările viitoare ale integrării europene. Canalului audiovizual i-au fost asociate funcții importante (informare, educare, divertisment, mai ales în domeniul informării neputînd fi concurat de niciun alt mijloc de comunicare în masă), dar și disfuncții majore (efemeritatea mesajului, manipularea etc.).

3. Dezvoltarea tehnicii moderne în domeniul mijloacelor de comunicare în masă a făcut ca societatea să fie confruntată cu situații în care informația, fără a atinge onoarea, demnitatea sau reputația profesională, poate fi denaturată prin intermediul criticii, prin manipularea opiniei, prin dezinformare, prin ascunderea adevărului, prin sondaje de opinii sau chiar prin tăcere.

4. Legiuitorul Republicii Moldova ar trebui să stabilească cu mai multă claritate mecanismele prin care să se aprecieze și delimiteze judecățile de valoare de informațiile false, stabilind sancțiuni penale și contravenționale pentru acțiuni de manipulare a opiniei publice, dezinformare a membrilor societății, răspîndirea de știri false de natură să aducă prejudicii intereselor generale, ascunderea adevărului, organizarea de referendumuri ilegale, care pot duce la separatism teritorial, la dizbinarea societății în tabere conflictuante și la ură pe diferite motive.

Referințe bibliografice

1. Tudor Drăganu. *Drept constituțional și instituții politice. Tratat elementar*. Vol. 1. București: Ed. Lumina Lex, 2009.

2. Ministerul Educației și Cercetării al României. *Media, o educație de calitate*. București, 2005.

3. Necșuleu Alexandru. *Manipulări mass-media*. Sibiu, 2009.

4. Florentin Tucă. *Libertatea de expresie și abuzul de drept*. http://www.observatorcultural.ro/Libertatea-de-expresie-si-abuzul-de-drept*articleID_3734-articles_details.html

5. Nae Ionescu. *Funcția națională a presei*. Vol. I. *Între ziaristică și filosofie*. 1996.

6. S. Tămaș. *Dicționar politic*. București: Ed. Academiei Române, 1993.

7. Mihai Coman. *Introducere în sistemul mass-media*. Iași: Ed. Polirom, 2007.

8. Buzărnescu Ștefan. *Sociologia opiniei publice*. București: Editura Didactică și Pedagogică, 1997.

9. *Manipularea – o practică mortală*. <http://www.entitateaom.ro/author/omra/page/8/>

10. V. Miroiu. *Mass media – mijloc de manipulare a opiniei publice*.

http://www.academia.edu/4707562/mass_media_mijloc_de_manipulare_a_opinii_publice_mass_media_mijloc_de_manipulare_a_opinii_publice.

11. Catalin Zamfir, Lazar Vlasceanu. *Dictionar de sociologie*, Ed. Babel, 1993.

12. Promo-Lex. *Raport Drepturile Omului*. Chișinău, 2007.

13. Cătălin Olteanu. *Teoria libertății de exprimare*. <http://facultate.regielive.ro/download-26771.html>

14. Parlamentul European, Comisia pentru cultură și educație. Document de lucru. *Privind concentrarea și pluralismul mediatic în Uniunea Europeană*. Raportor: Marianne Mikko, Strasbourg, 19.12.2000.

http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dt/699/699878/699878ro.pdf

15. Faraon Maria-Cristina. *Efectele negative produse de mass-media în dezvoltarea personalității la adolescent*. <http://www.la-psihiolog.ro/cabinet-psihiologic-oanea-maria-cristina-program-de-sarbatorile-de-iarna-din-26-decembrie-pana-pe-31-efectele-negative-produse-de-mass-media-n-dezvoltarea-personalitat-ii-la-adolescent>

16. *Efectele mass-media în viața noastră*. <http://floridemandarin.wordpress.com/2011/11/17/efectele-mass-media-in-viata-noastra/>

PROBLEME PROCESUALE PRIVIND VALORIFICAREA CRIMINALISTICĂ A MICROOBIECTELOR

Constantin PISARENCO,
doctorand

SUMMARY

Were examined using micro objects as evidence. We highlighted the difficulty of establishing the legal regime of the different types of micro objects. Have been submitted special rules of order the criminological and procedural penal working with micro objects.

Keyword: Forensics, criminal, traces, micro objects, material sources of evidence.

REZUMAT

Au fost examinate ipotezele de utilizare a microobiectelor în calitate de probe. În acest sens, am evidențiat dificultatea stabilirii regimului juridic de tratare a diferitelor tipuri de microobiecte. Astfel, au fost înaintate propuneri de elaborare și reglementare a unor reguli speciale atât de ordin criminalistic, cât și de ordin procesual-penal de lucru cu microobiecte.

Cuvinte-cheie: criminalistică, proces penal, urme ale infracțiunii, corpuri delictive, microobiectele, surse materiale de probă

Introducere. În legislația procesual-penală în vigoare nu există indicații concrete privind locul microobiectului în rândul surselor materiale de probă. Nu toate obiectele utilizate în practică, în calitate de probe, sînt cuprinse în art. 93 din Codul de procedură penală (CPP) al R. Moldova. În sursele științifice există diferite puncte de vedere în această privință.

Scopul studiului nostru constă în dezvăluirea conceptului și a semnificației contemporane a microobiectului în rândul surselor materiale de probă.

la faptă, depistate și ridicate în modul prevăzut de legislație, constituie corpuri delictive, indiferent de emiterea ordonanței de anexare a lor la dosarul penal [5], deoarece ordonanța emisă de ofițerul de urmărire penală reprezintă doar o formă procesuală, ce confirmă oficial relevanța lor pentru materialele dosarului penal.

În legislația procesual-penală nu există indicații concrete privind timpul și termenul emiterii de către ofițerul de urmărire penală a ordonanței de anexare a corpurilor delictive la dosarul penal. În sursele științifice există diferite puncte de vedere în această privință.

Unii autori propun ca ordonanța să fie emisă imediat după depistarea, cercetarea, fixarea și prelevarea obiectelor sau microobiectelor ce au relevanță pentru dosar [6]. Alții consideră că acest lucru trebuie înfăptuit după ce va fi constatat că obiectele și microobiectele într-adevăr conțin urme ale crimei [1, p. 10]. O a treia opinie susține că ordonanța trebuie emisă după ce vor fi constatate particularitățile real existente la macro sau microobiect și care au relevanță pentru dosar [7]. Iar în comentariile științifico-practice ale CPP al RSFSR, există recomandarea ce presupune că, înainte de a emite ordonanța de a anexa obiectele la dosarul penal, este necesar de stabilit prin expertiză dacă macro- sau microobiectele ridicate constituie corpuri delictive [8]. Este greu de acceptat o astfel de recomandare.

Noi considerăm că, în toate ca-

Materiale și metode aplicate. Pentru atingerea scopului prestabilit, au fost aplicate diferite metode de cercetate științifică: inductivă și deductivă, comparativă, a interpretării logice a normelor de drept etc. Drept suport științific și normativ au servit lucrările cercetătorilor autohtoni și ale celor din alte țări, acte legislative din Republica Moldova și din alte state.

Rezultate obținute și discuții. În literatura științifică există debateri privind întrebarea din ce moment urmele materiale, inclusiv microobiectele, dobîndesc statut de corp delict. În această privință există părerea că, pînă la emiterea ordonanței privind anexarea la dosarul penal a obiectelor materiale, acestea nu pot fi considerate corpuri delictive [1, 2, 3].

În opinia noastră, această părere este discutabilă. Dacă pînă la emiterea ordonanței în cauză microobiectele nu sînt corpuri delictive, dar au fost deja descoperite, ridicate și au găsit reflectare în materialele

dosarului (de exemplu, în procesul verbal al cercetării la fața locului, al percheziției, depunerii declarațiilor), atunci apare întrebarea, destul de motivată: în ce temei se asigură păstrarea acestor microobiecte? Or art. 159 din CPP al RM [4] prevede doar păstrarea corpurilor delictive, și nu conține prevederi pentru celelalte urme materiale, descoperite la fața locului. Legea nu conține o altă normă ce să asigure siguranța «oricăror obiecte», nerecunoscute încă drept corpuri delictive. Nu găsim un răspuns convingător la întrebarea dată în niciuna dintre sursele cunoscute. Acest fapt pune la îndoială punctul de vedere conform căruia microobiectele, obiectele sau alte urme materiale nu sînt corpuri delictive pînă cînd ele nu sînt anexate la dosarul penal în baza ordonanței ofițerului de urmărire penală, întocmită special în acest scop.

Cu toate acestea, noi împărtășim teza lui A. S. Jelezneak și cele ale altor savanți despre faptul că orice microobiecte și obiecte referitoare

zurile, trebuie să existe un singur temei pentru emiterea ordonanței de anexare a corpurilor delictive la dosarul penal: prezența pe obiecte sau microobiecte a informației criminale care poate fi utilizată pentru soluționarea și cercetarea crimelor la orice etapă a cercetării preliminare și a procedurilor judiciare.

Conceptul «micro- și macro-obiect» nu poate fi definit, adică un obiect cu caracteristicile calitative și cantitative să fie posibil de atribuit, în mod unic, la o anumită clasă, dar însuși conceptul de *microobiect* actualmente nu poate fi considerat general acceptat, ceea ce ar fi o condiție necesară pentru utilizarea lui în legislație. În practică, aceasta ar putea crea anumite dificultăți în stabilirea normelor juridice de abordare a lor. Astfel, la diferiți subiecți ai procedurii de judecată penală (de exemplu, ofițerul de urmărire penală și avocatul) pot apărea divergențe privind determinarea tipului de probă în procesul probatoriu. Obiectul anexat la materialele dosarului penal în calitate de microcorp delictiv, în urma demersului avocatului, poate fi retras din proces în urma atribuirii argumentate a acestuia la categoria (macro)corpurilor delictive uzuale [9].

Este absolut firesc ca microobiectele nedescoperite, neidentificate și nefixate să nu devină corpuri delictive în sensul art. 93 din CPP al RM. Totuși, formațiunile materiale ce se referă la microobiecte, în virtutea caracteristicilor cantitative și calitative, chiar dacă unul dintre motive nu a fost identificat de ofițerul de urmărire penală (specialist), reprezintă «obiecte (...) care au păstrat asupra lor urme ale crimei și pot servi drept mijloc pentru descoperirea crimei și constatarea circumstanțelor cauzei penale» (art. 93 din CPP al RM). În situația în care există un obiect material ce, din cauze legislative, nu poate fi anexat în calitate de corp delictiv, microobiectul nu dobândește statut de dovadă și poate fi examinat doar în legătură nemijlocită cu obiectul-purtător, care se și prezintă în această calitate. Apare întrebarea: în ce calitate microobiectul poate fi utilizat în procesul probațiunii?

După cum scria R. S. Belkin,

«din practica existentă, ofițerul de urmărire penală (instanța), presupunând justificat că pe unele sau alte obiecte se găsesc microobiecte, face apel la expertiză, cere de la expert, înainte de toate, răspuns la întrebarea: există pe obiectele prezentate pentru cercetare microobiecte, microaplicări? Executând sarcina ofițerului, expertul efectuează cercetarea obiectelor prezentate și, când le depistează, fixează faptul în concluzia sa» [10, p. 114-115]. R. S. Belkin subliniază că microobiectele astfel depistate, dobândind semnificație de corpuri delictive, sînt supuse cercetării experte ulterioare pentru soluționarea altor probleme ale sarcinii experte. «Astfel, expertul practic colectează (detectează, fixează, ridică) probe, pentru care fapt, conform Legii, el nu este în drept» [10, p. 115].

La asemenea acțiuni ale expertului, care depășesc competența lui, ofițerul de urmărire penală și instanța ignoră încălcarea vădită a legii. Doctrina procesuală nu s-a expus pe marginea acestei probleme. Doar pe la sfârșitul anilor '80 ai secolului trecut tema dată a fost abordată de prof. L. V. Vinițki [11]. În opinia lui, cercetarea obiectelor purtătoare de microobiecte trebuie efectuată la locul descoperirii lor, de regulă, în cadrul cercetării la fața locului, cu participarea specialistului. Microobiectele ce pot fi descoperite și individualizate după caracteristicilor lor în timpul cercetării în cauză sînt descrise detaliat în procesul-verbal al cercetării și apoi sînt anexate la dosar în calitate de corpuri delictive. Microobiectele ce nu pot fi detectate în cadrul cercetării la fața locului, dar a căror prezență se presupune în mod justificat, sînt detectate pe obiectele purtătoare în condiții de laborator, în timpul cercetării suplimentare de către ofițerul de urmărire penală, cu participarea nemijlocită a specialistului. Anume ofițerul de urmărire penală întocmește procesul-verbal privind detectarea lor, în care sînt fixate particularitățile lor individualizatoare.

Constatăm că recomandările lui L. V. Vinițki nu și-au găsit realizare în practica de urmărire penală, care și anterior opta pentru calea de a

ordona experților soluționarea problemelor de descoperire a microobiectelor.

Mai mult decît atît, un șir de savanți [12, 13] presupun că legea ar trebui să acorde expertului dreptul de a colecta probe în câteva cazuri special stabilite, cum ar fi la investigarea obiectelor – eventuale purtătoare de microobiecte – și la înfăptuirea cîtorva tipuri de expertize, în special, examinarea medico-legală a cadavrelor și a persoanelor vii.

Se propune reexaminarea dreptului expertului de a colecta de sine stătător materiale pentru cercetare specială: «la cercetarea posibilităților obiecte-purtătoare de microobiecte expertul are dreptul să ridice de sine stătător microobiectele detectate de el; la cercetarea medico-legală a cadavrelor și a persoanelor vii, expertul are dreptul să ridice obiectele ce nu se referă la obiectele cercetării în cauză, pot avea importanță pentru cauza penală și, în consecință, să devină corpuri delictive; la efectuarea altor tipuri de expertiză, atunci cînd expertul detectează obiecte ce nu se referă la obiectele cercetării în cauză, el este, de asemenea, în drept să le ridice» [14, p. 216-222]. Putem fi de acord cu faptul că aceste teze sînt necesare pentru a evita pierderea de timp la adresarea cererilor către ofițerul de urmărire penală, procuror, instanță, pentru obținerea permisului de prelevare a obiectelor depistate, deoarece, nefiind ridicate la timp, aceste obiecte pot fi pierdute sau distruse în mod intenționat.

Să precizăm că legea în vigoare refuză expertului dreptul de a căuta, a detecta corpuri delictive, a înfăptui cercetarea comparată. În același timp, alin. 2 art. 151 din CPP al RM îi acordă posibilitatea acțiunilor de inițiativă: «Dacă, în cursul efectuării expertizei, expertul constată circumstanțe ce prezintă interes pentru cauza penală, dar cu privire la care nu i s-au pus întrebări, el are dreptul să le menționeze în raportul său». Art. 88, alin. 5 CPP al RM acordă expertului dreptul de a solicita acordarea materialelor suplimentare necesare pentru înfăptuirea concluziei complete. Menționăm că manifestarea acestei inițiative este dreptul, și nu obligația expertului.

În literatura de specialitate există și o altă interpretare a acțiunilor expertului, conform căreia în decursul cercetării speciale, la căutarea de către expert a microobiectelor, nu este vorba de colectarea corpurilor delictive. Astfel, în opinia lui A. V. Kociubei, în conformitate cu art. 144 CPP RM («Procedura de dispunere a efectuării expertizei»), ofițerul de urmărire penală pune la dispoziția expertului materiale. Expertul, cercetându-le, identifică un șir de calități, proprietăți și particularități. Una dintre proprietățile obiectului cercetat este prezența pe suprafața lui sau în conținutul lui a microobiectelor străine. Astfel, microobiectele în cazul dat reprezintă o parte din materialele prezentate. Cu alte cuvinte, ele sînt depistate nu în calitate de corpuri delictive, ci ca urme apărute pe obiectul purtător în circumstanțe referitoare de evenimentul faptei [15].

Această interpretare a acțiunilor expertului de depistare și cercetare a microobiectelor nu încalcă cerințele legii procesuale ce determină în calitate de subiect al colectării probelor numai persoana care înfăptuiește urmărirea penală (ofițerul de urmărire penală, procurorul, instanța), întrucît microobiectele în decursul cercetării experte și ulterior rămîn urme și sînt examinate doar în legătură indisolubilă cu obiectul-purtător.

În literatura științifică este expusă părerea că orice tip de urme lăsate de infractor la locul faptei, precum și microurmele de diferite substanțe și materiale, sînt corpuri delictive [16, p. 207]. Nu putem să fim de acord integral cu acest punct de vedere, deoarece nu întotdeauna urma materială poate fi ridicată «în natură» și anexată la dosarul penal pentru ca, ulterior, să devină corp delict. În multe cazuri, este imposibil de separat urmele materiale de obiectul-purtător. Astfel pot fi, de exemplu, urmele de degete pe sticlă și alte suprafețe, urmele de dinți pe corpul victimei, vîntăi, obiecte imobile și mobile voluminoase etc.

Excepție face, după cum menționează P. A. Selivanov, persoana umană, care, din motive destul de clare, nu poate să fie corp delict.

Totuși, nu putem să fim de acord cu faptul că în acest caz corpuri delictive sînt însăși urmele [1, p. 10]. Aici se pare că este nevoie de o corectare esențială: corpuri delictive pot fi doar urmele de pe corpul uman, ce sînt accesibile pentru «ridicarea în natură». Doar o asemenea poziție este conformă cu Legea de procedură penală referitor la corpurile delictive ce sînt obiecte posibile de a fi cercetate și anexate la dosarul penal, conform art. 158 din CPP al RM.

Urmele inseparabile, în opinia savanților, reprezintă o particularitate specifică de «substrat» al probei materiale [17]. Copiile și mulajele urmelor materiale, inclusiv ale microobiectelor, deseori sînt numite «corpuri delictive derivate» [18]. Aici este important de menționat: întrucît legea nu prevede statutul de corp delict derivat, natura procesuală și semnificația corpurilor delictive, indiferent de faptul dacă sînt «derivate» sau nu, sînt identice.

În prezent, admisibilitatea utilizării corpurilor delictive derivate în calitate de surse de informație în procedura de judecată penală nu este pusă la îndoială. În plan teoretic, acest termen poate fi analizat în calitate de concept generic prin raportare cu copii, fotografii și mulaje.

La ziua de azi, legislatorul a soluționat parțial și natura procesuală a urmelor materiale inseparabile, cum ar fi diferite modificări structurale în macroobiecte sau locurile aflării pe ele a urmelor de aplicare sau incluziune ale microobiectelor, ai căror purtători sunt obiectele invizibile sau obiecte mobile masive ale faptei. Conform alin. 2. art. 159 CPP al RM, «corpurile delictive se anexează la dosar și se păstrează în dosar sau se păstrează în alt mod prevăzut de lege. Corpurile delictive care nu pot fi păstrate împreună cu dosarul trebuie fotografiate și fotografiile se anexează la procesul-verbal respectiv. Obiectele voluminoase, după fotografiere, pot fi sigilate și transmise spre păstrare persoanelor juridice sau fizice. În acest caz, în dosar se va face mențiunea respectivă».

În ceea ce privește mostrele de urme materiale și statutul lor juridic, există diferite puncte de vede-

re. Mulți autori susțin [19-21] că mostrele (inclusiv ale microobiectelor) reprezintă o categorie aparte de obiecte utilizate în procedura judiciară penală. Totuși, nu există o confirmare legislativă clară a acestui fapt.

În norma art. 154 din CPP al RM «Temeiurile de colectare a mostrelor» se prevede: organul de urmărire penală este în drept să colecteze mostre care reflectă particularitățile omului viu, cadavrului, animalului, substanței, obiectului, dacă investigarea lor are importanță pentru cauza penală; să colecteze mostre de la bănuit și învinuit, de la martori sau partea vătămată, dar numai în cazul în care trebuie să verifice dacă aceste persoane au lăsat urme la locul unde s-a produs evenimentul sau pe corpurile delictive. În cazurile necesare, colectarea mostrelor pentru cercetare comparativă se face cu participarea specialistului și se întocmește un proces-verbal conform art. 260 și 261 din CPP.

Vom nota că pentru colectarea mostrelor de microobiecte pentru cercetarea comparată se întocmește proces-verbal, iar alin. 6 art. 260 CPP al RM prevede: «mențiunea privind efectuarea, în cadrul realizării acțiunii de urmărire penală, a fotografierii, filmării, înregistrării audio, interceptării convorbirilor telefonice și a altor convorbiri sau executarea mulajelor și tiparelor de urme, privind mijloacele tehnice utilizate la efectuarea acțiunii respective de urmărire penală, condițiile și modul de aplicare a lor, obiectele față de care au fost aplicate aceste mijloace, rezultatele obținute, precum și mențiunea că, înainte de a se utiliza mijloacele tehnice, despre aceasta s-a comunicat persoanelor care participă la efectuarea acțiunii de urmărire penală». Deși în lege nu există o mențiune clară a faptului că mostrele de microobiecte pentru cercetarea comparată sînt corpuri delictive, în dosarul penal, se vorbesc numai despre necesitatea de a verifica cu ajutorul lor (mostrelor) dacă bănuitul, învinuitul, precum și martorul sau victima au lăsat urme într-un anumit loc sau pe corpurile delictive.

Susținem autorii în opinia căroră

asemănarea proprietăților materiale ale mostrelor obiectelor cu proprietățile corpurilor delictate permite reglementarea normelor generale, prin care legislația de procedură penală prevede modul de manipulare a corpurilor delictate [16, p. 209; 22, 24, p. 178].

Evident, și alte tipuri de corpuri delictate (arma crimei, obiectele cu urmele crimei etc.), mostrele de microobiecte posedă un șir de particularități, ce trebuie luate în considerație în practică [25]. Aceste particularități nu sînt atît de importante pentru a introduce în legislația de procedură penală norme speciale de reglementare a statutului lor juridic, modul de realizare, locul și termenul de păstrare a mostrelor de microobiecte. În acest scop, ar fi suficient de completat art. 155 CPP al RM prin includerea în text a cuvîntului «microobiecte» și vom obține «alte mostre și microobiecte pentru cercetarea comparată». În opinia noastră, aceste probleme apar din cauza redactării inexacte a art. 158 din CPP al RM. De aceea, propunem să fie redactat alin. 1 art. 158 în următoarea expunere: 1. «Corpuri delictate sînt recunoscute orice obiecte și microobiecte ...» și în continuare textul articolului, adică de introdus doar cuvîntul «microobiecte», ceea ce va permite eliminarea tuturor întrebărilor discutabile privind utilizarea microobiectelor în calitate de corpuri delictate în cauza penală.

Cele expuse confirmă faptul că problemele includerii microobiectelor în procedura judiciară penală nu și-au găsit încă o reflectare clară în actele normative. Există diferite păreri referitoare la faptul dacă microobiectele fac parte din categoria corpurilor delictate sau dacă ele alcătuiesc o varietate specifică, inegală de surse de probă. V. N. Kosarev și I. V. Makogon menționează două căi posibile de introducere a microobiectelor în procedura judiciară penală [26, p. 178-188]: *prima* – a recunoaște microobiectele, atît în aspect procesual penal, cît și în aspect criminalistic, drept categorie specială de corpuri delictate, regulile de lucru și modalități de includere în procedura de judeca-

tă penală, ce nu se supun regulilor generale de includere a obiectelor în rîndul corpurilor delictate; *a doua* – a aduce regulile de lucru cu microobiectele în conformitate cu normele existente ale dreptului de procedură penală.

Sîntem în totalitate de acord cu savanții citați în privința faptului că edificarea microobiectelor într-o categorie specială de corpuri delictate nu are temeuri obiective – ele sînt aceleași obiecte materiale ce se depistează, sînt descrise și folosite în procesul penal. Prin urmare, unica modalitate ar fi coordonarea actelor legislativ-normative, departamentale, a recomandărilor științifico-metodice și utilizarea practică a lor în lucrul cu microobiectele.

O astfel de coordonare a normelor și recomandărilor se reduce la un singur fapt – acordarea microobiectelor a statutului de corp delict și, respectiv, stabilirea legăturii lor cu evenimentul faptei pînă la începutul expertizei. Conform acestei teze procesuale, microobiectele pot fi cercetate atît la etapa preliminară, cît și în decursul expertizei, iar rezultatul poate fi utilizat, pe deplin justificat, în procesul penal în calitate de corpuri delictate.

Concluzii. Anexarea la dosar a microobiectelor în calitate de corpuri delictate are sens doar dacă concluzia expertizei confirmă importanța lor pentru urmărirea penală, adică este justificată relevanța lor pentru cauză.

Este necesară instituirea regulilor de lucru cu microobiectele conform normelor existente ale dreptului procesual-penal; coordonarea actelor legislativ-normative, departamentale, a recomandărilor științifico-metodice și a utilizării practice în lucrul cu microobiectele.

Utilizarea informației criminalistice legate de microobiecte pentru emiterea ipotezelor și în alte scopuri operative nu necesită fixare procesuală, iar în scopuri probatorii pot fi utilizate doar acele date factice care au fost colectate cu ajutorul mijloacelor prevăzute de lege. La aceste mijloace se referă, pe lîngă procesele-verbale ale acțiunilor de urmărire penală, și concluziile expertizei, și corpurile delictate.

Referințe bibliografice

1. Селиванов А. Н. *Вещественные доказательства*. М.: Юрид. лит., 1971, 200 с.
2. *Теория доказательств в советском уголовном процессе*. М.: Принт-медиа центр, 1973, 648 с.
3. Арсеньев В. Д. *Вопросы общей теории доказательств*. М.: Юрид. лит., 1964, 179 с.
4. *Codul de procedură penală al Republicii Moldova*, adoptat prin Legea nr. 122 din 14. 03. 2003. În: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 07.06.2003, nr. 104-110, art. 447 (cu ultimele modificări și completări din 27. 09.2013).
5. Железняк А. С. *Материальные следы – важный источник криминалистической информации*. Омск: ВШ МВД СССР, 1986, 136 с.
6. Карнович Г. Б. *К вопросу о классификации вещественных доказательств*. В: *Советская криминалистика на службе следствия*. Вып. 8. М., 1956, с. 21-23.
7. *Научно-практический комментарий УПК РСФСР*. Под ред. Л.Н. Смирнова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1970, 558 с.
8. *Теория доказательств в советском уголовном процессе*. М.: Принт-медиа центр, 1973, 649 с.
9. Кочубей А. В. *Микрообъекты как источник доказательственной информации*. В: *Вестник криминалистики*. Вып. 2 (18), М.: Спарк, 2006, с. 68-71.
10. Белкин Р. С. *Курс криминалистики*: В 3-х т. Т. 3. *Криминалистические средства, приемы и рекомендации*. М.: Юристъ, 1997, 480 с.
11. Винницкий Л. В. *Осмотр места происшествия: организационные, процессуальные и тактические вопросы*. Караганда, 1986, 165 с.
12. Вандер М. Б., Маланьина Н. И. *Работа с микрообъектами при расследовании преступлений*. Саратов: СВШ МВД РФ, 1995, 118 с.
13. Митричев В. С., Хрусталева В. Н. *Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них*. СПб.: Питер, 2003, 591 с.
14. Налдина Е. И. *Процессуальные полномочия эксперта при назначении и производстве экспертизы по материалам российского уголовного*

процессуального законодательства. В: Теория и практика общественно-го развития. 2010, №1, с. 216-222.

15. Кочубей А. В. *Процессуальные особенности микрообъектов как вещественных доказательств*. В: Вестник Волгоградской академии МВД России, 2008, № 1(6), с. 80-84.

16. Рахунов Р. Д. *Вещественные и письменные доказательства в советском уголовном процессе*. В: Ученые записки ВИНУН. Вып. 10. М., 1959, с. 207.

17. Колдин В. Я. *Предмет и задачи фиксации вещественных доказательств*. В: Тезисы докладов на Межвузовской конференции по криминалистике. М., 1960, с. 2-3.

18. *Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства в стадии предварительного расследования*. М.: Госюриздат, 1961, с. 44.

19. Белкин Р. С. *Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике*. М.: Юридическая литература, 1964, 223 с.

20. Винберг А. И., Кочаров Г. И., Миньковский Г. М. *Актуальные вопросы судебных доказательств в уголовном процессе*. В: Социальная законность. 1963, №3, с. 26.

21. Жбанков В. А. *Образцы для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве*. М., 1969, 168 с.

22. *Средства доказывания в уголовном процессе*. Ч. 1. Галкин В. М. Под ред.: Полевой Н. С. М., 1967. с. 232.

23. Нурғалиев М. А. *Понятие вещественного доказательства в уголовном процессе*. В: Правоведение, 1972, № 3, с. 116.

24. Петрухин И. Л. *Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе*. М.: Юрид. лит., 1964, 178 с.

25. Жбанков В. А. *Криминалистические средства и методы раскрытия неочевидных преступлений*. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1987, 90 с.

26. Косарев В. Н., Макогон И. В. *Использование микрообъектов в расследовании преступлений*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 232 с.

ПОРЯДОК ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ВЫПЛАТЫ СТРАХОВОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ В ДОГОВОРАХ ПО АВТОСТРАХОВАНИЮ

К. СИЧИНСКИЙ,

Докторант Института Юридических и Политических Исследований Академии Наук Молдовы

SUMMARY

In this research the author makes comparative analysis of the specifics of the estimation of loss and of the procedure of the payment of insurance indemnity in the contracts of fully comprehensive motor insurance contracts and compulsory civil liability insurance in respect of the use of the motor vehicle.

Keywords: motor insurance, fully comprehensive insurance, compulsory civil liability insurance in respect of the use of the motor vehicle, estimation of loss, insurance indemnity.

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье автор проводит сравнительно-правовое исследование особенностей порядка определения размера и порядка выплаты страхового возмещения в договорах добровольного имущественного автострахования КАСКО и договора обязательного страхования автогражданской ответственности.

Ключевые слова: автострахование, КАСКО, обязательное страхование автогражданской ответственности, размер ущерба, страховое возмещение.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена тем фактом, что в 2013 году в Республике Молдова был существенно изменен порядок определения размера реального ущерба и выплаты страхового возмещения в автостраховых договорах. Более того, автор не может не заметить, что любые исследования в данной области никогда не потеряют актуальности и практического значения, поскольку именно малое количество соответствующих исследований, а, главное, отсутствие их широкого освещения является одним из факторов, благоприятствующих страховым компаниям и обеспечивающих для них выигрышное положение по сравнению с потребителями страховых услуг, которые, как правило, не обладают соответствующими специальными знаниями.

Немедленно после получения заявления от страхователя или потерпевшего страховщик обязан открыть дело об ущербе и запросить у компетентных органов и организаций (органы внутренних дел, пожарная служба, прокуратура, медицинское учреждение) информацию о происшествии и его последствиях.

В течение установленного периода (как правило, не более 5 рабочих дней для договора добровольного имущественного автострахования КАСКО и не более 5 рабочих дней для договора обязательного страхования автогражданской от-

ветственности [4, п. с) ч. (1) ст. 19]) с момента получения извещения о наступлении страхового случая, причинившего материальный ущерб, страховщик, после согласования со страхователем времени и места осмотра, обязан в его присутствии осмотреть поврежденное имущество и составить протокол об установлении ущерба.

После получения от страхователя и/или потерпевшего всех предусмотренных законом или договором документов (ст. 19-21, 25 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными

средствами [4]) страховщик формирует дело об ущербе, устанавливает конкретный размер ущерба и определяет сумму возмещения.

Договором или законом устанавливается срок, в течение которого страховщик обязан исполнить указанные действия:

1) для договора *добровольного имущественного автострахования КАСКО* – срок, как правило, составляет от 15 до 30 календарных дней с даты *представления страхователем последнего документа*, необходимого для завершения дела об ущербе;

2) для договора обязательного страхования автогражданской ответственности страховщик обязан закрыть:

а. дело о материальном ущербе – в срок *не более 15 календарных дней с даты представления потерпевшим последнего документа*, необходимого для завершения дела об ущербе;

б. дело о телесных повреждениях или о смерти – в срок *не более 10 календарных дней с даты представления потерпевшим последнего документа*, подтверждающего ущерб;

но, в любом случае, **не позднее** чем в срок, не превышающий *3 месяцев с даты получения сообщения о страховом случае*.

Неисполнение страховщиком указанной обязанности в срок, установленный законом или договором, влечет наступление для него ответственности за просрочку, состоящей в уплате неустойки в размере 0,1 % от стоимости страхового возмещения за каждый день просрочки, предусмотренной ч. (6) ст. 6 Закона о страховании [2].

Важнейшим этапом страхового правоотношения как для страхователя или потерпевшего, так и для страховщика является процесс установления размера ущерба и определения суммы страхового возмещения.

При этом, и сам этот процесс значительно различается в зависимости от вида страхового правоотношения и вида причиненного ущерба.

Так, можно выделить следующие его виды:

1. в договоре добровольного имущественного автострахования *КАСКО*:

а. в случае хищения автотранспортного средства;

б. в случае полной гибели автотранспортного средства;

с. в случае причинения материального ущерба автотранспортному средству.

2. в договоре обязательного страхования автогражданской ответственности:

а. в случае причинения телесных повреждений или смерти пострадавшего;

б. в случае причинения материального ущерба:

i. автотранспортному средству;

ii. иному имуществу.

При этом, автор обращает внимание, что установление размера ущерба и определение суммы страхового возмещения является двумя отдельными процессами, которые хотя и связаны между собой, тем не менее вовсе не являются идентичными и приводят к различным результатам.

Как следствие, автор считает необходимым разделить исследование данных процессов.

Установление страховщиком размера причиненного ущерба осуществляется в следующем порядке:

1) Наиболее простым является процесс установления ущерба в *договоре добровольного имущественного автострахования КАСКО*:

а) *В случае хищения автотранспортного средства*). Очевидно, что в этом случае размер ущерба определяется стоимостью самого автотранспортного средства, указанной сторонами при заключении договора.

б) Фактически аналогичен и процесс установления размера ущерба в случае *полной гибели автотранспортного средства*. К специфике данного вида можно отнести тот факт, что в договорах добровольного имущественного автострахования *КАСКО полной гибелью имущества*, как правило, считается ситуация, в которой стоимость ремонта автотранспортного средства составляет более 75 % от его стоимости, указанного в до-

говоре страхования или страховом полисе [10].

с) Наконец, в случае *повреждения автотранспортного средства*, страховщиком с участием страхователя составляется Протокол об установлении ущерба, который подписывается всеми лицами, участвующими в его составлении. Оценка ущерба производится на основании указанного Протокола и осуществляется:

i) либо *независимым экспертом или специализированной организацией*, выбранными сторонами или прямо указанными в договоре страхования. При этом под *специализированной организацией* понимается физическое или юридическое лицо, имеющее соответствующее разрешение (зарегистрированное в соответствии с законом), объектом деятельности которого являются продажа автотранспортных средств, комплектующих и запасных частей к ним и/или выполнение работ по обслуживанию и ремонту указанных средств [4, ст. 2];

ii) либо на основании *счетов за ремонт поврежденного застрахованного автотранспортного средства*, фактически выполненный специализированной организацией указанной страховщиком или выбранной страхователем по согласованию со страховщиком [10].

2) Несколько сложнее обстоит ситуация с вопросом об определении размера ущерба в *договоре обязательного страхования автогражданской ответственности*, поскольку законодатель уделил основное внимание непосредственно вопросу определения страхового возмещения.

а) Так, что касается *причинения телесных повреждений или смерти* пострадавшего, автор подчеркивает, что не является целесообразным исследовать вопрос об установлении размера причиненного ущерба, поскольку, с одной стороны, речь не идет о материальном ущербе, который может быть измерен в денежном эквиваленте, а, с другой стороны, страховое возмещение, как следствие, преследует не цель возмещения ущерба, причиненного лицу, а цель возмещения убытков (расходов), понесенных пострадав-

шим лицом или его близкими родственниками *в связи* с причинением ему телесных повреждений или наступления его смерти. Как следствие, данный вопрос будет подробно исследован далее при исследовании процесса определения суммы страхового возмещения.

б) В отношении же определения *материального ущерба автотранспортному средству или иному имуществу*, автор находит возможным выделить некоторые ключевые моменты.

Во-первых, Закон об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами, в отличие от договоров добровольного имущественного автострахования КАСКО не выделяет *полную гибель* в качестве отдельной группы рисков, определяя ее лишь как материальный ущерб, причиненный имуществу его *уничтожением*. При этом, следует учитывать, что поскольку в договоре обязательного страхования автогражданской ответственности не может быть указана стоимость автотранспортного средства или иного имущества, которому будет причинен ущерб, поскольку такое имущество не будет известным до момента наступления страхового случая, законом установлены специальные правила относительно определения его стоимости. Так, в соответствии со ст. 24 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами [4], стоимость автотранспортного средства на дату совершения автотранспортного происшествия определяется путем вычитания из его первоначальной стоимости стоимости износа. Износ поврежденного автотранспортного средства определяется в зависимости от срока его службы, интенсивности эксплуатации и состояния на дату происшествия. Критерии и порядок определения износа устанавливаются нормативными актами Органа надзора. На сегодняшний день, таким актом является Постановление Национальной комиссии по финансовому рынку № 13/1 от 03.04.2008 об утверждении об Положения о порядке определения

износа в случае ущерба, причиненного автотранспортными средствами [7], вместе с тем более подробно данные положения будут исследованы далее в процессе исследования определения суммы страхового возмещения.

В отношении стоимости иного имущества и животных, можно сделать вывод, что поскольку закон не содержит специальных положений относительно ее определения, автор считает, что в данном случае она определяется в соответствии с общими нормами Гражданского кодекса [1, ст. 1416-1417].

Наконец, что касается процесса установления ущерба при повреждении автотранспортного средства или другого имущества, то он в целом схож с применяемым в договоре добровольного имущественного автострахования КАСКО.

Так, в соответствии с ч. (4) ст. 21 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами [4], Протокол об установлении ущерба составляется страховщиком с участием страхователя и потерпевшего лица или их представителей на основании доверенности и подписывается всеми лицами, участвующими в его составлении. На основании указанного Протокола производится оценка ущерба, размер которого, согласно ч. (2) ст. 23 Закона [4], равен стоимости ремонта составных частей или поврежденных деталей либо стоимости их замены, включая затраты на материалы, а также на разборку и сборку, необходимые при ремонте и замене, установленным в соответствии с ценами, действующими в специализированных организациях.

Кроме того, частями (3), (5) и (6) указанной статьи [4, ст. 23] установлен ряд дополнительных правил:

а) *подлежащими замене* считаются части или детали, ремонт или использование которых технически невозможен по причине их сильного повреждения либо даже если их ремонт возможен, то его стоимость превысит стоимость новых составных частей или деталей;

б) считается необходимой *полная покраска* автотранспортного

средства, если поврежденные части составляют не менее 50 процентов его общей внешней поверхности.

с) в отношении составных частей, новых деталей для замены и материалов *применяются цены, используемые специализированными организациями, в том числе зарубежными*.

Стоимость **выполненного ремонта** автотранспортного средства, согласно ч. (4) указанной статьи [4, ст. 23], определяется на основании документов, выданных специализированной организацией, выбранной сторонами.

Однако Закон [4, ч. (6¹) ст. 23] предусматривает и возможность определения размера ущерба до выполнения ремонта автотранспортного средства. В этом случае размер возмещения определяется независимым экспертом с учетом применяемых специализированными организациями или предусмотренных специализированными информационными системами цен на оценку автоущерба, на работу по ремонту/замене поврежденных деталей, а также на составные части, новые детали для замены и материалы.

После установления ущерба страховщик обязан в течение срока, установленного договором добровольного имущественного автострахования КАСКО (как правило, 5-10 календарных дней) или законом [4] (5 дней) выдать страхователю или потерпевшему лицу выписку из дела об ущербе, в которой указываются номер дела, детали, признанные поврежденными при происшествии, принятые технические решения (замена или ремонт), и **предлагаемую сумму страхового возмещения**.

В соответствии с ч. (3) ст. 6 Закона о страховании [2], **страховое возмещение** представляет собой сумму, которую страховщик должен выплатить страхователю с целью возмещения ущерба, причиненного страховым случаем.

Данная сумма определяется исходя из размера причиненного ущерба с применением ряда дополнительных правил, установленных договором добровольного имущественного автострахования КАСКО или Законом об обязательном стра-

ховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами.

Верхним пределом размера страхового возмещения является *страховая сумма*, которая согласно ч. (1) цитированной статьи [2, ст. 6], представляет собой максимальный предел ответственности страховщика в случае наступления события, в связи с которым заключен договор страхования.

Размер страховой суммы в договорах имущественного страхования (в том числе и в договоре добровольного имущественного автострахования КАСКО) определяется *реальной стоимостью застрахованного имущества на момент заключения договора страхования*. Так, в соответствии с ч. (2) ст. 15 Закона о страховании [2], страховая сумма не может превышать реальной стоимости застрахованного имущества на момент заключения договора страхования. В противном случае договор становится недействительным, в силу закона, в части страховой суммы, превышающей реальную стоимость имущества на момент заключения договора страхования. Одновременно ч. (7) указанной статьи предусматривает, что если договор страхования был заключен на страховую сумму, меньшую реальной стоимости застрахованного имущества, полагающееся возмещение уменьшается пропорционально соотношению между суммой, предусмотренной договором, и стоимостью имущества, если договором не предусмотрено иное.

В договоре же обязательного страхования автогражданской ответственности размер страховой суммы императивно установлен законом. Вместе с тем, поскольку в данном случае, в отличие от договоров добровольного страхования имущества, максимальный размер предполагаемого ущерба не может быть определен сторонами при заключении договора, законодатель оперирует не термином «страховая сумма», а термином «предел ответственности страховщика». Таким образом, ч. (6) ст. 40 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными

средствами [4], установлены следующие пределы ответственности страховщика по обязательному страхованию автогражданской ответственности:

а) 1 млн. леев на одного пострадавшего или 5 млн. леев независимо от количества пострадавших – в случае телесного повреждения или смерти;

б) 1 млн. леев независимо от количества потерпевших – в случае материального ущерба.

Вместе с тем, автор подчеркивает, что ни одно ограничение ответственности страховщика не влечет и не может влечь ограничения права пострадавшего лица на получение возмещения за причиненный ущерб **в полном размере**, поскольку, в соответствии с ч. (5) ст. 14 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами [4], в случаях, когда размер ущерба превышает пределы ответственности страховщика, потерпевший вправе, в соответствии с действующим гражданским законодательством, обратиться в суд с *иском к виновнику* происшествия о возмещении суммы ущерба, *превышающей установленный предел*.

В то же время, практическое значение ограничения ответственности страховщика страховой суммой, по крайней мере в добровольном страховании, не следует переоценивать, поскольку на практике, сумма страхового возмещения по *договору добровольного имущественного автострахования КАСКО* в подавляющем большинстве случаев значительно меньше страховой суммы.

Это объясняется, в первую очередь тем, что размер страхового возмещения определяется размером причиненного ущерба, в то время как размер страховой суммы – реальной стоимостью имущества. Как следствие, можно выделить лишь два случая, когда размер ущерба будет равен стоимости имущества. Это *хищение и полная гибель (уничтожение)* автотранспортного средства.

Во-вторых, согласно ч. (5) ст. 15 Закона о страховании [2], страховое возмещение не может превышать стоимости имущества на

день наступления страхового случая и размера реального ущерба, что дает страховщикам основание включать в договор или в Условия страхования положения, аналогичные предусмотренным ст. 24 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами [4], согласно которым стоимость автотранспортного средства на дату совершения автотранспортного происшествия определяется путем вычитания из его первоначальной стоимости износа.

Вместе с тем, следует признать, что на практике, договоры добровольного имущественного автострахования КАСКО и Условия страхования национальных страховщиков все же в большинстве своем содержат условие, согласно которому размер ущерба ограничивается стоимостью автотранспортного средства, указанной сторонами при заключении договора (в самом договоре либо в страховом полисе) без применения положений об износе как к стоимости автотранспортного средства в целом, так и к стоимости отдельных деталей, подлежащих замене.

Кроме того, специфичным для договора добровольного имущественного автострахования КАСКО является условие о **франшизе**, применение которой в договорах имущественного страхования допускается ч. (11) ст. 15 Закона о страховании [2].

В соответствии со ст. 1 данного закона [2], под *франшизой* понимается часть понесенного страхователем ущерба, установленная в виде фиксированной величины или процентной ставки от страхового возмещения или страховой суммы и предусмотренная в договоре страхования.

Профессор Е.А. Суханов уточняет, что под *франшизой* понимается определенная часть имущественных потерь (убытков) страхователя (выгодоприобретателя), не подлежащая возмещению страховщиком, установленная в договоре имущественного страхования как одно из его условий или оговорок [9, с. 189].

Франшиза, как следует из статьи

1 Закона о страховании [2], устанавливается в *абсолютном* или *относительном* размере к страховому возмещению. Она одновременно служит как интересам страховщика, позволяя освободиться от незначительных выплат и тем самым предотвращая распыление средств страхового фонда, так и интересам страхователя, побуждая его к наибольшей заботливости об имущественных ценностях (например, при случайном нанесении царапины застрахованному автомобилю).

Традиционно различают два типа франшизы: *условную* и *безусловную*.

Под *условной* или *интегральной (невывчитаемой) франшизой* понимается условие, в соответствии с которым суммы страховщик освобождается от обязанности возмещения ущерба, сумма которого не превышает установленный размер франшизы. Если же размер ущерба превышает установленную франшизу, страховщик обязан выплатить страховое возмещение в полном объеме, несмотря на франшизную оговорку.

Условная франшиза указывается в договоре страхования формулой: «свободно от X %» (где X – размер процентов от страховой суммы) или «свободно от X леев/евро» (где X – размер суммы от страховой суммы).

Под *безусловной* или *эксцедентной (вычитаемой) франшизой* понимается условие, в соответствии с которым страховщик во всех случаях освобождается от обязанности возмещения части ущерба в размере установленной франшизы. Иначе говоря, в случае, если ущерб меньше стоимости франшизы, то страховщик освобождается от обязанности возмещения ущерба, а, в случае, если сумма ущерба превышает размер франшизы, – страховщик выплачивает страховое возмещение, равное размеру ущерба, уменьшенному на величину франшизы.

Безусловная франшиза указывается в договоре страхования формулой: «свободно от *первых* X%» (где X – размер процентов, вычитаемый из суммы страхового возмещения независимо от размера ущерба) или

«свободно от *первых* X леев/евро». При безусловной франшизе.

Исследования договоров добровольного имущественного автострахования КАСКО и Условий страхования национальных страховых компаний позволяет сделать вывод, что в Республике Молдова в автостраховании КАСКО, фактически, не применяется условная франшиза. Применение же *безусловной* франшизы зависит от группы рисков и позиции страховщика. Так, можно говорить о двух ее типах, применяемых национальными страховщиками:

- в случае риска повреждения автотранспортного средства – франшиза либо отсутствует (например, SIA «Moldasig» SA) либо устанавливается в абсолютной величине;

- в случае рисков группы хищение и полное уничтожение, франшиза устанавливается в относительных величинах (как правило, 8-10 % страховой суммы) и носит безусловный характер.

Что же касается непосредственно порядка определения страхового возмещения, то он является схожим для договора добровольного имущественного автострахования КАСКО и договора обязательного страхования автогражданской ответственности, по которому возмещается ущерб, причиненный автотранспортному средству.

Непосредственное определение размера страхового возмещения должно определяться на основании счетов за ремонт поврежденного застрахованного автотранспортного средства, фактически выполненный специализированной организацией указанной страховщиком или выбранной страхователем по согласованию со страховщиком, с применением специальных установленных договором или законом правил.

Вместе с тем, уже на данном этапе на практике довольно часто возникают спорные ситуации.

Так, в силу стандартного характера договора *добровольного имущественного автострахования КАСКО* и фактической невозможности страхователя повлиять на его условия (что уже не раз отмечалось ранее), в большинстве случаев специализированная организация, ко-

торая должна осуществлять ремонт автотранспортного средства *не согласуются сторонами, а императивно устанавливается страховщиком*.

При этом, во-первых, вовсе не обязательно данная специализированная организация будет «достойна доверия» с профессиональной точки зрения, а, во-вторых, автор с сожалением вынужден отметить, что законом не установлен запрет на аффилированность между страховой компанией и специализированной организацией, обе из которых являются частными юридическими лицами, преследующими цель извлечения прибыли. Как следствие, на практике может возникнуть ситуация, когда специализированная организация, аффилированная страховщику будет умышленно использовать более дешевые детали и материалы худшего качества в целях уменьшения стоимости ремонта и соответственно суммы страхового возмещения.

Более того, подобная ситуация может сложиться не только в случае аффилированности между страховщиком и специализированной организацией, но и в случае недобросовестного сговора между ними, что, с одной стороны, значительно чаще встречается на практике, а, с другой стороны, является практически недоказуемым.

Однако наибольшее количество споров между страхователями или потерпевшими лицами, с одной стороны, и страховщиками, с другой стороны, возникает в случае, если страхователь или потерпевшее лицо запрашивает выплату страхового возмещения до выполнения ремонта автотранспортного средства. В случае *обязательного страхования автогражданской ответственности*, как уже отмечалось ранее, Закон [4, ч. (6¹) ст. 23] предусматривает размер возмещения определяется независимым экспертом с учетом применяемых специализированными организациями или предусмотренными специализированными информационными системами цен на оценку автоущерба, на работу по ремонту/замене поврежденных деталей, а также на составные части, новые детали для замены и материалы.

Фактически аналогичные положения, как правило, включаются страховщиками и в условия добровольного имущественного автострахования КАСКО.

Вместе с тем, на практике договоры добровольного имущественного автострахования КАСКО и Условия страхования далеко не всегда содержат важнейшее положение о *порядке согласования сторонами данного независимого эксперта*.

Неоднозначными являются и правила, установленные для обязательного страхования автогражданской ответственности. Так, п. ф) ч. (3) ст. 21 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами [4], предусматривает, что дело об *ущербе включает в обязательном порядке акт оценки или смету затрат на ремонт и/или замену поврежденных частей или деталей с указанием цен, составленные независимым экспертом или специализированной организацией, выбранными сторонами*. Вместе с тем, приведенная выше ч. (6¹) ст. 23 Закона [4] **не содержит** указаний на необходимость *согласования или совместного выбора* сторонами независимого эксперта.

Как следствие, на практике, страховщики используют свою доминирующую позицию. неоднозначные положения законодательства и недостаток правовых знаний потребителей страховых услуг, самостоятельно определяя независимого страховщика, которому поручается определение размера страхового возмещения. При этом, как и в случае со специализированными организациями, осуществляющими ремонт автотранспортных средств, вполне может возникнуть ситуация, когда между страховщиком и выбранным им самостоятельно независимым экспертом существует недобросовестный сговор относительно занижения размера страхового возмещения.

Подобная ситуация сложилась во многом из-за того, что законодательство о страховании предусматривает лишь два возможных варианта окончательного определения страхового возмещения:

1) на основании письменного соглашения между страхователем и/или потерпевшим лицом и страховщиком

2) либо в случае, если соглашение не было достигнуто, на основании окончательного решения суда, вступившего в законную силу [2, ч. (5) ст. 15; 4, ч. (1) ст. 22].

При чем, в соответствии с п. 37 –, такое соглашение должно признаваться мировым соглашением, обладающим силой судебного решения, заключением которого стороны разрешают возникший спор.

Как следствие, страховщик, который получает от страхователя (потерпевшего) согласие на предложенное страховое возмещение путем подписания соглашения, полностью избавлен от опасности возникновения каких бы то ни было правовых споров и несения ответственности за собственные недобросовестные или неправомерные действия независимо от того, насколько законно и справедливо были осуществлены определение ущерба и оценка страхового возмещения.

При этом следует учитывать тот факт, что у страховщика существует реальная возможность недобросовестно воздействовать на страхователя (потерпевшего) с целью вынудить его подписать соглашение в отношении заниженной суммы возмещения.

Во-первых, это обусловлено тем фактом, что потребители страховых услуг заведомо уступают сотрудникам страховых компаний в уровне специальных знаний в области страхования и (в большинстве случаев) в уровне юридической подготовленности.

А во-вторых, главным рычагом воздействия является возможность страховщика недобросовестно «затянуть» процесс выплаты страхового возмещения, отказываясь от подписания соглашения о его выплате в надлежащем размере. Как следствие, единственная альтернатива, которая возникает у страхователя (потерпевшего) это обращение с иском в судебную инстанцию, что (с учетом реалий национальной судебной системы) «отодвигает» момент получения страхового возмещения на период от полутора до трех лет.

При этом, автор с сожалением вынужден констатировать, что единственное правовое средство воздействия, оставленное потерпевшему законодателем, – обращение в судебную инстанцию для определения в суде и принудительного взыскания страхового возмещения, с применением к разнице между суммой возмещения, установленной судом, и суммой возмещения, определенной страховщиком, штрафных санкций за просрочку платежа, на настоящий момент, фактически, полностью сведено на нет практикой судебных инстанций.

Так, в соответствии с п. 69 своего Разъясняющего Постановления Пленума Высшей Судебной Палаты Република Молдова о применении судебными инстанциями законодательства об обязательном и добровольном (факультативном) страховании автомобильного транспорта № 11 от 16.12.2013г. [6], в случае, если размер возмещения был обжалован, и судебная инстанция решила взыскать сумму большую, чем установленная страховщиком, выплата разницы не может считаться обязательством, исполненным с просрочкой. В этом случае на указанную разницу не должна начисляться/взыскиваться неустойка.

В условиях, когда правовая система нашей страны все более стремится к признанию судебного прецедента источником права и все повышается роль Разъясняющих Постановлений Высшей Судебной Палаты в формировании единообразной судебной практики (требование, прямо выдвигаемое практикой Европейского Суда по Правам Человека [5, п. 39-40]), наличие в Разъясняющем Постановлении подобного положения, грубейшим образом нарушающего права и охраняемые законом интересы страхователя и потерпевшего лица путем создания благоприятных условий для недобросовестного использования страховщиками своих прав без опасения наступления ответственности за данные действия, абсолютно недопустимой и, неминуемо, повлечет значительный рост недобросовестной практики страховых компаний.

Таким образом, *размер стра-*

хового возмещения, установленный на основании счетов специализированной организации за фактически выполненный ремонт автотранспортного средства либо оцененный независимым экспертом, в любом случае, в конечном счете, *определяется размером причиненного автотранспортному средству ущерба*, с применением к данной сумме специальных установленных законом правил.

В отношении договора *добровольного имущественного автострахования КАСКО* таким специальным правилом является применение *франшизы*, которое было подробно исследовано несколько ранее.

В договоре же обязательного страхования автогражданской ответственности таким специальным правилом является условие об учете **износа автотранспортного средства**. При этом автор сразу считает необходимым подчеркнуть, что само подобное условие не содержится в диспозитивных положениях Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами, а содержится лишь его заключительных и переходных положениях. Так, в соответствии с ч. (7) ст. 40 названного Закона [4], в период, установленный в пункте а) части (4) статьи 57 Закона о страховании, цены на составные части или детали, подлежащие замене у поврежденных автотранспортных средств, устанавливаются, в порядке исключения из положений частей (6) и (7) статьи 23 настоящего закона, *с учетом степени их износа*, определенной в соответствии с нормативными актами Органа надзора.

Срок, установленный п. а) части (4) статьи 57 Закона о страховании [2] (5 лет со дня вступления в силу Закона о страховании) истек **12.04.2012 г.**, однако уже 26.04.2012 Парламентом Республики Молдова Закон об изменении, дополнении и признании утратившими силу некоторых законодательных актов № 94 [3], в соответствии со ст. IV которого, в отступление от положений частей (6) и (7) статьи 23 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности

за ущерб, причиненный автотранспортными средствами № 414-XVI от 22 декабря 2006 года **в течение трех лет со дня вступления в силу настоящего закона** цены на детали, подлежащие замене у поврежденных автотранспортных средств, устанавливаются **с учетом степени их износа**, определяемой ежегодно в соответствии с нормативными актами Национальной комиссии по финансовому рынку, в которых должны учитываться срок эксплуатации автотранспортного средства, категория деталей для замены и способ возмещения ущерба. Таким образом, учитывая, что указанный Закон вступил в силу 20.07.2012 г., правила об износе продолжают применяться на сегодняшний день и будут применяться в нашей стране до 20.07.2015 г.

Как уже упоминалось ранее, нормативным актом Национальной комиссии по финансовому рынку в области износа, действующим на сегодняшний день, является Постановление № 13/1 от 03.04.2008 об утверждении Положения о порядке определения износа в случае ущерба, причиненного автотранспортным средствам [7] (далее Положение о порядке определения износа), которое устанавливает порядок и правила определения степени износа как автотранспортного средства в целом, так и отдельных составных частей или деталей, подлежащих замене.

При этом, автор обращает **особое внимание** читающих настоящую работу, что на сегодняшний день правила относительно определения износа в отношении составных частей или деталей, подлежащих замене, подверглись **кардинальному изменению, принципиально отличающемся от правил определения износа автотранспортного средства в целом**. Причем, автор не может не отметить, что данное изменение является одним из немногих изменений, направленных на *значительное улучшение позиции потерпевшего и защиту* именно его *имущественных интересов*.

Так, до вступления в силу 10 мая 2013 г. изменений к Положению о порядке определения износа, им устанавливались *единые правила*

определения и применения износа как в отношении автотранспортного средства в целом, так и в отношении отдельных составных частей или деталей, подлежащих замене.

Данный вывод вытекает, в частности, из положений п. 6 Положения о порядке определения износа [7] (в первоначальной редакции), в соответствии с которым для определения стоимости *автотранспортного средства, составных частей или деталей, подлежащих замене* на дату совершения страхового случая, из его первоначальной стоимости вычитывается расчетный износ. Расчетный износ означает *часть стоимости автотранспортного средства, составных частей либо деталей, подлежащих замене*, которая утрачивается из-за срока службы, интенсивности эксплуатации или состояния поврежденного автотранспортного средства на дату происшествия.

Более того, п. 10 Положения о порядке определения износа [7] (в первоначальной редакции) прямо устанавливал, что коэффициент износа *автотранспортного средства, составных частей или деталей, подлежащих замене*, определяется на основании такой информации как возраст и состояние автотранспортного средства, а п. 12 отсылал к Таблицам коэффициентов износа автотранспортных средств 1 и 2, являющихся Приложениями к Положению.

Таким образом, во всех случаях повреждения автотранспортного средства, размер реального ущерба, причиненного в связи с необходимостью замены составных частей или деталей, определялся путем вычета из их стоимости расчетного износа, что существенным образом снижало их стоимость.

Так, например, в случае, если замена деталей требовалась для автотранспортного средства возрастом всего лишь 5 лет, состояние которого характеризовалось как среднее, реальный ущерб оценивался в размере лишь чуть более половины их стоимости (54 %).

При этом, соответствующий порядок определения размера реального ущерба прямо противоречил установленному п. 4 Положения о

порядке определения износа [7] (в первоначальной редакции) правилу, согласно которому, во избежание существенных финансовых различий между расчетами страховщика по деталям и размером ущерба, реально понесенного третьим лицом, страховщику в процессе определения финального размера страхового возмещения должны руководствоваться правилами, установленными в части (2) статьи 1416 Гражданского кодекса Республики Молдова.

В свою очередь, ч. (2) ст. 1416 Гражданского кодекса [1] предусматривает, что вынося решение о возмещении вреда, судебная инстанция обязывает причинившее его лицо предоставить вещь того же рода и качества, **исправившую поврежденную вещь** или возместить **убытки полностью в денежном эквиваленте**.

Очевидно, что прямая ссылка на ч. (2) ст. 1416 Гражданского кодекса предполагает, что страховщик должен выплатить страховое возмещение либо посредством полной **оплаты** ремонта, либо посредством возмещения потерпевшему в **полном объеме** убытков последнего на восстановление поврежденного автотранспортного средства.

Как следствие, на протяжении почти 6-ти лет в нашей стране существовала ситуация, при которой правила определения размера страхового возмещения прямо противоречили общим принципам возмещения вреда и действовали **явно в ущерб** интересам более слабой стороны страхового правоотношения (потерпевшего) и в **защиту имущественных** интересов более сильной стороны (страховщика), что, безусловно, не могло считаться нормальной правовой практикой и заставляло задуматься о возможности национальных страховых компаний влиять на законодотворческий процесс.

Ситуация кардинально изменилась в лучшую сторону 10 мая 2013 г., когда вступило в силу Постановление Национальной комиссии по финансовому рынку № 50/7 от 30.11.2012 о внесении изменений и дополнений в Положение о порядке определения износа в случае ущерба, причиненного автотранспортным средством [8].

В соответствии с вносимыми изменениями, существовавший ранее порядок определения размера реального ущерба с учетом износа, продолжал применяться лишь в отношении определения стоимости автотранспортного средства в целом на момент причинения ущерба. В отношении же определения ущерба, причиненного повреждением автотранспортного средства, а точнее подлежащей возмещению стоимости составных частей либо деталей, подлежащих замене, были установлены новые правила.

Так п. 4 Положения о порядке определения износа [7] предусматривает три основных способа определения размера реального ущерба:

а) если автотранспортное средство *отремонтируется* специализированной организацией, выбранной сторонами, и *оплата* запасных деталей и/или оказанных услуг *осуществляется страховщиком непосредственно в ее адрес* – размер реального **ущерба определяется ценами, которые практикуются специализированными организациями**, выбранными сторонами, для **новых оригинальных деталей и составных частей** (изготовленных производителем автотранспортных средств или под его контролем), **без вычета износа** (применение нулевой степени износа).

Иначе говоря, страховщик оплачивает **полную** стоимость новых **оригинальных** запасных деталей и/или оказанных услуг **непосредственно** в адрес **специализированной организации**.

б) если возмещение было затребовано *до выполнения ремонта* и ущерб определяется *независимым экспертом* – размер реального **ущерба определяется ценами**, которые практикуются специализированными организациями, выбранными сторонами, для **новых деталей и составных частей, изготовленных на основании лицензии** (детали after market), или ценами, которые практикуются специализированными организациями, выбранными сторонами, для **бывших в употреблении оригинальных деталей** и составных частей, которые соответствуют техническим требованиям дорожной безопасно-

сти, без вычета износа (применение нулевой степени износа).

Иначе говоря, страховщик выплачивает **страхователю** страховое возмещение в размере, достаточном для **полной оплаты ремонта** с применением **новых деталей и составных частей, изготовленных на основании лицензии (детали after market)**, или **бывших в употреблении оригинальных деталей** и составных частей, которые соответствуют техническим требованиям дорожной безопасности.

с) если возмещение было затребовано *до выполнения ремонта* и ущерб определяется *независимым экспертом* на основании данных *специализированных информационных систем* для оценки ущерба – размер реального **ущерба определяется ценами на новые оригинальные детали** и составные части, предусмотренные в **специализированных информационных системах** для оценки ущерба, с **вычетом износа**, степень которого, выраженная в процентах, определяется на основании соотношения $U = (Psi - Pus)/Psi$, где U – степень износа, Pus – цена новых, изготовленных на основании лицензии (детали after market), или бывших в употреблении оригинальных запасных деталей и составных частей от специализированной организации, выбранной сторонами, Psi – цена аналогичных деталей и составных частей, предусмотренных в специализированных информационных системах для оценки ущерба, причиненных автотранспортным средствам, при этом $Pus \leq Psi$.

Иначе говоря, страховщик выплачивает **страхователю** страховое возмещение в размере **стоимости новых оригинальных деталей и составных частей**, указанной в специализированных **информационных системах** для оценки ущерба, за **вычетом процентного износа**, определяемого как **процентная разница** между **ценой новых оригинальных деталей** и ценой деталей after market от специализированной организации. Таким образом, в конечном счете, как и в случае, предусмотренном предыдущим пунктом страховщик выплачивает страхователю страховое

возмещение в размере **стоимости новых**, изготовленных на основании **лицензии** (детали after market), или **бывших в употреблении оригинальных** запасных деталей и составных частей.

Выбор одного из вышеуказанных способов возмещения осуществляется индивидуально в каждой конкретной ситуации и зависит от двух главных факторов:

- **момента оценки ущерба** – осуществляется ли она *до* или *после* осуществления ремонта;

- **возраста поврежденного автотранспортного средства** – составляет ли он *менее* или *более 4-х лет*. Данный фактор является значимым, поскольку, в соответствии с подп. 2) п. 4 Положения о порядке определения износа [7], реально понесенный ущерб для автотранспортных средств с периодом эксплуатации 4 года и более определяется в соответствии с подразделами б) или с), также и в случае, когда возмещение было затребовано в виде ремонта автотранспортного средства в специализированной организации, выбранной сторонами (т.е. в случае, предусмотренном п. а)).

При этом, по мнению автора, данные положения не могут считаться несправедливыми по отношению к потерпевшему-владельцу автомобиля возрастом 4 года и более.

Так, как уже отмечалось ранее, ч. (2) ст. 1416 Гражданского кодекса [1] предусматривается, что возмещении вреда в натуре осуществляется путем предоставления вещи **того же рода и качества** или **исправления поврежденной вещи**. Вместе с тем, возмещение вреда путем полного восстановления автотранспортного средства с использование новых оригинальных деталей вместо деталей, бывших в эксплуатации сроком более 4-х лет, фактически, представляет собой возмещение, *превышающее* реальный ущерб, что противоречит как положениям ст. 1416 Гражданского кодекса, так и общим принципам страхования.

Вместе с тем, Органом надзора была предусмотрена и ситуация, когда новые детали и составные части, изготовленные на основа-

нии лицензии (детали after market), или бывшие в употреблении оригинальные детали и составные части *отсутствуют на рынке* и, соответственно, потерпевший при восстановлении автотранспортного средства будет вынужден оплатить стоимость новых оригинальных деталей. В соответствии с с подп. 2) п. 4 Положения о порядке определения износа [7], в этом случае реально понесенный ущерб для автотранспортных средств, *независимо от периода эксплуатации*, определяется в соответствии с ценой новых оригинальных деталей и составных частей без вычета износа (применение нулевой степени износа), при условии, что запасные детали и составные части приобретаются в специализированной организации, выбранной сторонами, или автотранспортное средство отремонтируется специализированной организацией, выбранной сторонами, и оплата запасных деталей и/или оказанных услуг осуществляется страховщиком непосредственно в адрес специализированной организации

Кроме того, автор подчеркивает, что не находит необходимым отмечать в качестве отдельного значимого фактора *использование экспертом цен на новые оригинальные детали либо детали after market*, т.е. выбор между пунктами б) и с). Подобная позиция объясняется тем фактом, что как уже было отмечено ранее, фактически, оценка ущерба с применением п. б) или п. с) объективно приведет к *единому математическому результату*.

Так, размер реального ущерба, определяемый согласно п. с) равен разности между стоимостью оригинальных деталей и процентом, который разность между стоимостью новых оригинальных деталей и стоимостью деталей after market составляет от стоимости оригинальных деталей, т.е. из 100 % цены новых оригинальных деталей вычитается процент, на который эта цена превышает цену деталей after market, что объективно составляет *саму цену after market*.

Как следствие, автор не видит необходимости в выделении подобного порядка расчета в качестве

отдельного самостоятельного способа.

В то же время, подобная позиция (выделение в качестве отдельного способа) *действительно* являлась бы целесообразной в случае, если бы в данной ситуации полная стоимость восстановления (с учетом цен на новые оригинальные детали) оценивалась экспертом, который на момент оценки по объективным причинам не обладает информацией относительно цен, применяемых специализированными организациями для деталей after market, в то время как размер реального ущерба определялся страховщиком по приведенной формуле исходя из цен для деталей after market от специализированной организации, выбранной сторонами.

Более того, автор готов допустить, что именно указанный выше порядок действий по определению страхового возмещения *предполагался* Органом надзора при разработке и утверждении соответствующих положений. Вместе с тем, правовой нормой прямо предусмотрено, что именно *экспертом* определяется именно *реальный ущерб*, а не только полная стоимость новых оригинальных деталей.

Как следствие, автор считает, что соответствующие положения (подп. с) п. 4 Положения о порядке определения износа) подлежат пересмотру либо путем объединения подп. б) и с) п. 4 в единый пункт, либо путем уточнения п. с) путем разделения функций эксперта по оценке ущерба и функций страховщика по определению размера страхового возмещения, подлежащего выплате.

Таким образом, подводя итог исследованию порядка выплаты и размеров страхового возмещения в договорах *обязательного страхования автогражданской ответственности* в случае причинения *ущерба автотранспортному средству*, можно заключить, что оно подлежит выплате после закрытия дела об ущербе путем оплаты стоимости восстановления автотранспортного средства непосредственно в адрес специализированной организации, осуществляющей ремонт, либо путем выплаты денежных средств непосредственно потерпевшему, при

этом его размер определяется как сумма:

- стоимости составных частей или деталей, подлежащих замене, определяемая согласно положений п. 4 Положения о порядке определения износа;

- полной стоимости дополнительных затрат на материалы, работы, а также на разборку и сборку, необходимые при ремонте и замене, установленным в соответствии с ценами, действующими в специализированных организациях;

- следующих документально подтвержденных расходов:

- a) на осуществление действий, предпринятых для уменьшения ущерба;

- b) на транспортировку имущества к месту ремонта, стоянки или хранения;

- c) связанные со страховым случаем, понесенные страхователем или потерпевшим в гражданском процессе;

- d) на проведение технической экспертизы по требованию потерпевшего (в случае, если страховщик не выполнил обязательство по осмотру либо по решению суда).

В случае же причинения *ущерба другому имуществу* потерпевшего (включая животных) размер страхового возмещения будет определяться непосредственно размером причиненного ущерба, правила определения которого были исследованы ранее.

При этом общий размер страхового возмещения за ущерб, причиненный автотранспортному средству, не может превышать стоимости автотранспортного средства на момент автотранспортного происшествия с учетом износа, определяемой в порядке, предусмотренном Положением о порядке определения износа, а общий размер страхового возмещения за ущерб, причиненный имуществу 1 млн. леев независимо от количества потерпевших.

Что касается определения размера страхового возмещения по договору обязательного страхования автогражданской ответственности в случае *причинения телесных повреждений или смерти*, то они также определяются строгими правилами, установленными ст. 25 Закона

об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами [4].

Так, при **телесных повреждениях** страховое возмещение включает:

- a) разницу между чистым доходом пострадавшего лица и компенсацией, полученной из фондов бюджета государственного социального страхования за период госпитализации и отпуска по болезни – для работающих лиц;

- b) среднемесячный чистый доход, полученный пострадавшим лицом в результате его деятельности на последнем рабочем месте, подтвержденный соответствующими документами, – для лиц, не имеющих статуса работника;

- c) компенсацию в размере не менее минимальной потребительской корзины – для пострадавших лиц, которые на дату совершения автотранспортного происшествия были на последнем курсе учебы или специализации, без сохранения заработной платы;

- d) возможные расходы, обусловленные происшествием, в том числе расходы на транспортировку пострадавшего лица, его лечение, госпитализацию, восстановление, протезирование, специальное питание согласно предписаниям врача, которые подтверждены соответствующими документами и которые не выплачиваются из фондов обязательного медицинского страхования в соответствии с действующими нормативными актами;

- e) реально понесенные расходы на посторонний уход в период временной нетрудоспособности, если это рекомендовано медицинским предписанием, но не менее минимальной потребительской корзины.

Кроме того, в случае установления *инвалидности* вследствие телесных повреждений страховое возмещение включает также разницу между среднемесячным доходом и пенсией по инвалидности – на период до аннулирования инвалидности – в пределах ответственности, установленной настоящим законом.

В случае **смерти пострадавшего лица** определение размера страхового возмещения достигается со-

глашением между страхователем, наследниками пострадавшего лица или их законным представителем и страховщиком, и включает:

- a) часть заработка, которого в случае смерти пострадавшего лишились лица, состоявшие на его иждивении или имевшие право на получение от него пенсионного содержания;

- b) расходы на погребение (затраты на покупку гроба и надгробия, транспортные расходы, расходы по бальзамированию и погребению);

- c) расходы на транспортировку тела с места, где наступила смерть, до места, где состоялись похороны.

Расходы, предусмотренные п. b) и c) подлежат выплате в полном размере, независимо от того, насколько обоснованными их считает страховщик, в случае, если они подтверждаются соответствующими документами. Однако в случае, если подтверждающие документы не были представлены, возмещение производится согласно минимальным ценам на аналогичные услуги, предоставляемые похоронным бюро в населенном пункте, где состоялись похороны.

Кроме того, следует иметь в виду, что, как верно отмечает Пленум Высшей Судебной Палаты Република Молдова в п. 62 своего Разъясняющего Постановления о применении судебными инстанциями законодательства об обязательном и добровольном (факультативном) страховании автомобильного транспорта № 11 от 16.12.2013г. [6], другие (не указанные в ст. 25 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами) расходы, связанные со смертью пострадавшего (расходы на ритуальные и церковные услуги, на приобретение одежды, соответственно социальному статусу покойного и местным обычаям), согласно ч. (4) ст. 1419 Гражданского кодекса [1], подлежат возмещению лицом, виновным в совершении автотранспортного происшествия.

Непосредственная выплата страхового возмещения осуществляется страховщиком в порядке установленном в договоре добровольного имущественного автострахования

КАСКО или Условиях страхования либо в порядке ст. 28 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами [4]. При этом указанные положения, как правило, являются фактически идентичными.

Так, страховщик обязан осуществить выплату страхового возмещения в течение 10 календарных дней с даты закрытия дела об ущербе (в случае договора обязательного страхования автогражданской ответственности) или в срок, установленный договором добровольного имущественного автострахования КАСКО, в размере, установленном соглашением сторон либо решением судебной инстанции:

- a) наличными;
- b) путем перечисления на банковский счет;
- c) путем перечисления на банковский счет специализированной организации, осуществившей ремонт.

Если страхователь или потерпевшее лицо не согласно с решением страховщика о размере страхового возмещения, оно вправе оспорить решение страховщика в судебной инстанции как в случае, если откажется получить денежную выплату, так и в случае страховщик все же выплачивает его в установленном им размере. В этом случае, если страховое возмещение не было выплачено, или решением суда установлен размер страхового возмещения превышающий реально выплаченный страховщиком, страховщик выплачивает возмещение без согласия потерпевшего на основе окончательного судебного решения, вступившего в законную силу.

При этом особенностью договора *обязательного страхования автогражданской ответственности* является тот факт, что возмещение выплачивается страховщиком непосредственно потерпевшему физическому или юридическому лицу, **только** если они не получили возмещение от страхователя. В случае же, если страхователю докажет, что возместил потерпевшим ущерб полностью или частично, возмещение выплачивается, соответственно,

полностью или частично именно в адрес страхователя.

Подводя итог настоящей статье, можно сделать вывод, что:

с одной стороны, общая ситуация значительно улучшилась с внесением в 2013 г. изменений в Положение о порядке определения износа (утвержденное Национальной комиссией по финансовому рынку), в соответствии с которыми были утверждены новые правила определения реального ущерба в случае повреждения автотранспортного средства;

а, с другой стороны, автор с сожалением вынужден отметить, что положения п. 69 Разъясняющего Постановления Пленума Высшей Судебной Палаты Република Молдова № 11 от 16.12.2013г. (о порядке взыскания неустойки за просрочку), которые, по мнению автора, представляют собой ошибочное понимание нормы закона, создают благоприятные условия для недобросовестного использования страховщиками своих прав без опасения наступления ответственности за данные действия, что может повлечь значительный рост недобросовестной практики страховых компаний.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Законодательные акты:

1. Гражданский Кодекс Республики Молдова, утвержден Законом № 1107-XV от 06.06.2002 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 82-86 от 22.06.2002 ст. 661, введен в действие Законом о введении в действие Гражданского Кодекса Республики Молдова № 1125-XV от 13.06.2002 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 111-115 от 12.06.2003: ст. 453

2. Закон о страховании № 407-XVI от 21.12.2006 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 47-49 от 06.04.2007: ст. 213

3. Закон об изменении, дополнении и признании утратившими силу некоторых законодательных актов № 94 от 26.04.2012 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 149-154 от 20.07.2012: ст. 484

4. Закон об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотран-

спортными средствами № 414-XVI от 22.12.2006 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 32-35 от 09.03.2007: ст. 112

Постановления Европейского Суда по правам человека:

5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 07.02.2008 г. по делу Беян против Румынии. Неуплата государственной пошлины (ч.1 ст.6 Конвенции). – <http://jurisprudencedo.com/Beian-c.-Romaniei-Actiune-anulata-neplata-taxa-de-timbru-Accesul-la-justitie.html>

Разъясняющие Постановления Пленума Высшей Судебной Палаты:

6. Постановления Пленума Высшей Судебной Палаты Република Молдова о применении судебными инстанциями законодательства об обязательном и добровольном (факультативном) страховании автомобильного транспорта № 11 от 16.12.2013г. // Buletinul Curții Supreme de Justiție a Republicii Moldova, 2014, № 4, с.4

Подзаконные нормативные акты:

7. Постановление Национальной комиссии по финансовому рынку № 13/1 от 03.04.2008 об утверждении Положения о порядке определения износа случае ущерба, причиненного автотранспортным средствам // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 90 от 20.05.2008: ст. 274

8. Постановление Национальной комиссии по финансовому рынку № 50/7 от 30.11.2012 о внесении изменений и дополнений в Положение о порядке определения износа в случае ущерба, причиненного автотранспортным средством, утвержденное Постановлением Национальной комиссии по финансовому рынку № 13/1 от 3 апреля 2008 года // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 104-108 от 10.05.2013: ст. 588

Специальная литература:

9. Гражданское право. В 4х томах. / под. ред. Суханова Е. А., изд. 3е, М. WotersKluwer, 2007. Том 4. – 496 с.

Другие источники (в том числе информационные):

10. Образцы договоров страхования и Условий страхования компаний: SIA «Moldasig» SRL, «Asito» SA, «Euroasig Grup» SA, «Donaris-Grup» SA, «Grawe-Carat» SA и др.

РЕЦЕНЗИЯ

Владимир (Николаевич) Кудрявцев

Избранные труды по социальным наукам в 3-х томах. - М.: Наука, 2002.

Ученики академика В.Н. Кудрявцева, ученого с мировым именем, - кандидаты и доктора юридических наук из всех стран СНГ и Восточной Европы, ученые-юристы, профессора, студенты, аспиранты гуманитарных вузов, практические работники правоохранительных органов - с большим удовлетворением и глубоким научным интересом восприняли издание его научных трудов в 3-х томах. Их содержание свидетельствует о многогранной научно-исследовательской, педагогической, государственной и общественной деятельности автора на протяжении десятилетий, о широте, глубине и постоянстве его научных интересов. Первый том озаглавлен «Общая теория права. Уголовное право» и включает в себя 18 глав. В первой части первого тома, озаглавленной «Правовое поведение: норма и патология» (12-234), анализируются, и с большой научной глубиной обстоятельно и доступно для широкого круга читателей раскрываются такие сложные понятия общей теории права, как нормативный аспект поведения, правовое поведение: общая характеристика, правовой поступок: признаки и границы, природа правомерного поведения, виды правомерного поведения, деформация поведения, природа противоправного поведения, социальный контроль, юридическая ответственность, поведение и право: обратная связь.

Главы 6,7 и 8 имеют не только большое теоретическое, но и практическое значение, так как в них раскрывается механизм деформации потребностей и интересов будущих правонарушителей, деформации принятия решений и, что самое важное для практики борьбы с преступностью, - причины правонарушений и меры по их предупреждению.

Говоря о причинах правонарушений, В.Н. Кудрявцев выделяет 3 уровня этих причин и условий: индивидуальный (психологический), социальный и философский (том 1,148-149). Причинами правонарушений на индивидуальном уровне автор считает рассогласование личности со средой. На социальном уровне основное внимание уделяется образу жизни людей, прежде всего в малых социальных группах. На философском уровне правонарушение это издержки функционирования социальной системы, обусловленные внутренними и внешними противоречиями ее развития.

В разделе о предупреждении правонарушений (том 1, 195-196) подчеркивается, что система профилактики действует по существу лишь в сфере борьбы с преступностью, в связи с чем вносится предложение о создании системы профилактики неправомерных правонарушений, в основном на местном уровне.

Настольной книгой на многие годы для следователей, прокуроров и судей стала монография В.Н. Кудрявцева «Общая теория квалификации преступлений», выдержавшая несколько изданий в 1963,1972,1999 гг. и включенная в 1 -й том избранных трудов автора (237-496). В ней обобщен опыт применения норм права, главным образом в наиболее сложных и спорных ситуациях: при конкуренции правовых предписаний, в

случае совершения нескольких преступлений (реальная и идеальная совокупность) и др.

Характерной особенностью научных трудов В.Н. Кудрявцева является то, что он никогда не ограничивает свои исследования только рамками теоретических аспектов проблемы, а, являясь в разное время членом научно-консультативных советов Министерства юстиции, Верховного суда, Прокуратуры СССР, членом общественного совета при МВД России, широко использует в своих трудах обобщение судебно-следственной практики, конкретные примеры и требует это от своих учеников. Его труды являются примером и постоянным источником вдохновения для преподавателей, студентов, аспирантов.

Практическим работникам правоохранительных органов хорошо известно, сколь сложным, а иногда даже мучительным, является решение вопросов о правильной квалификации преступления, разграничение смежных составов, сколько ошибок при этом совершается, сколько приговоров отменяется или изменяется из-за ошибочной квалификации преступления. Это влечет за собой нарушение прав человека, отрицательно сказывается на судьбе подсудимых, вплоть до привлечения к уголовной ответственности без достаточных оснований и вынесения необоснованных обвинительных приговоров (том 1,248-256).

Монография содержит такие разделы, как: понятие и значение квалификации, ее место в системе научных знаний, методологические основы квалификации, состав преступления -юридическое основание квалификации, признак состава преступления, разграничение преступлений, процесс квалификации, конкуренция норм, квалификация нескольких преступлений, изменение квалификации.

В монографии приводятся статистические данные и многочисленные примеры ошибочной квалификации преступлений. И в нашей республике изучение этого вопроса, имеющего большое практическое значение, мог бы стать темой для диссертационной работы.

В первый том включены также четыре статьи, опубликованные в разные годы, и краткие биографические сведения об авторе.

Теоретические положения, изложенные автором, проиллюстрированы многочисленными рисунками, которые делают их более наглядными и доступными для понимания, усвоения и практического применения.

Большую теоретическую и практическую ценность представляют работы, включенные во 2-й том избранных трудов академика Кудрявцева. В этот том включены работы, посвященные криминологии, социологии и конфликтологии. Его открывает одна из первых монографий автора «Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения)», изданная в 1968 году и переведенная в Италии и Японии.

Монография включает такие разделы, как: при-

чина, следствие, связь причины и следствия, научное предвидение в криминологии.

Эта работа автора также имеет большое теоретическое и практическое значение для выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений, и разработке мер по их устранению.

Глава 3 нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова, вступившего в действие одновременно с новым уголовным кодексом РМ 12 июня 2003, озаглавленная «Меры по устранению условий, способствующих совершению преступлений и других нарушений законодательства» в статье УПК РМ предусматривает, что установление в ходе уголовного преследования и судебного разбирательства причин и условий, способствовавших совершению преступления, является обязанностью органа уголовного преследования. Заметим сразу, что в новом УПК РМ органы предварительного расследования переименованы в органы уголовного преследования, а следователи названы офицерами по уголовному преследованию (ст. 55-57 УПК РМ).

Молодые практические работники встречают определенные трудности в выполнении требований ст. 216 УПК и в их преодолении им может оказать неоценимую помощь работа В.Н. Кудрявцева «Причинность в криминологии».

Во второй том включенные также материалы разных лет, такие как: социальное и биологическое в антиобщественном поведении, преступность в кризисном обществе, социальные причины организованной преступности в России, социальные отклонения, социальная деформация, предмет социологии права, юридическая конфликтология, как часть коллективного труда «Юридическая конфликтология». В 2001 году эта работа была удостоена академической премии имени крупнейшего российского социолога М.М. Ковалевского.

В.Н. Кудрявцев в работе «Социальное и биологическое в антиобщественном поведении» анализирует различные теории преступности и приходит к выводу, что «бесспорна ведущая роль социальных элементов поведения» (Том 2, 155).

Этим как бы дается ответ на утверждения основоположника криминологии итальянского врача Чезаре Ломброзо и его сторонников, стремящихся доказать, что в совершении преступлений решающую роль играют биологические факторы, такие как: «физические стигматы», умственная недоразвитость, эмоциональная нестабильность, плохая наследственность, устройство желез внутренней секреции и т.п.

В третьем томе, как отмечает В.Н. Кудрявцев, центральное место занимает монография «Политическая юстиция в СССР», посвященная анализу возникновения, функционирования и ликвидации уникальной в своем роде политико-юридической системы, осуществлявшей массовые репрессии в течение всех лет советской власти, опубликованная в 2000 году и переизданная в 2002 году. Не вдаваясь в подробный анализ этой монографии отметим лишь, что ее издание и переиздание свидетельствует и о большом гражданском мужестве авторов В.Н. Кудрявцева и А.И. Трусова, если

учесть, что в настоящее время найдется все меньше желающих вспоминать об этих трагических событиях прошлого. А некоторые горячие головы из числа национал-патриотов вообще пытаются отрицать существование массовых репрессий, пытаются всячески опорочить публицистическое произведение Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛА!»», о чем недавно писала «Комсомольская правда».

Заканчивая свою рецензию, мы отдаем себе отчет в том, что глубокий, всесторонний, тщательный анализ научных трудов академика В.Н. Кудрявцева потребует отдельного монографического исследования. Мы же поставили перед собой скромную цель - ознакомить читателей лишь с некоторыми положениями этого трехтомного издания, привлечь внимание преподавателей, студентов, аспирантов к этому академическому изданию для использования в своей научно-исследовательской и педагогической работе.

Отметим также, что, несмотря на политические бури, ураганы, пронесшиеся за последнее десятилетие над всеми странами СНГ, в большинстве своем научные связи между учеными этих стран сохранились.

И в Академии МВД Республики Молдова, и в других юридических вузах республики нет ни одной курсовой, дипломной работы, диссертации по уголовному праву, криминологии, в которых авторы бы не ссылались на труды видных российских ученых-криминалистов и криминологов: В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, А.А. Пионтковского, Г.А. Кригера, Ю.М. Ткачевского, А.И. Долговой, С.Г. Келиной и многих других.

Сохранившиеся научные связи положительно сказались на развитии юридической науки и в нашей республике. В Молдове сформировано несколько ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций. Высшая аттестационная Комиссия, утверждающая или отклоняющая решения этих советов. За последние годы защищены и успешно прошли аттестацию десятки кандидатских и ряд докторских диссертаций по юридическим наукам. Преподавателями юридических вузов изданы монографии, учебники, учебно-методические пособия по уголовному, уголовно-исполнительному праву, криминологии на государственном и русском языках. Авторами многих из них являются выпускники Московских, Санкт-Петербургских, Киевских, Харьковских вузов, высших учебных заведений Румынии. Некоторые молодые ученые, продолжая традиции старшего поколения, также защитили диссертации в этих научных центрах. Мы благодарны всем, кто внес и вносит неоценимый вклад в подготовку научных и педагогических кадров для нашей республики.

Уверенны, что избранные труды по социальным наукам академика Владимира Николаевича Кудрявцева является надежным ориентиром в проведении и в нашей республике научных исследований по затронутым в них и другим проблемам как для сегодняшних, так и для будущих поколений юристов.

В. ФЛОРЯ,

Доцент кафедры «Уголовного права и криминологии» Академии МВД Республики Молдова